

СОФИ ДЖОРДАН

Огненный Свет

VK.COM/TEEN_BOOKS_TEEN

Annotation

Обман. Заклятые враги. Обреченная любовь. Джасинда знает, что за каждым ее шагом следят. Но она хочет сама делать выбор, быть свободной. Она чуть не поплатилась жизнью, когда пошла против самой священной традиции в ее стае. Однако, незнакомец, который охотится на таких как она, внезапно спасает ее. Джасинда — потомок драконов, Драги, секретной способностью которых является умение принимать человеческий облик. Девушка бежит в мир смертных со своей семьей, она изо всех сил пытается приспособиться к новому обществу. Лишь Уилл провоцирует внутреннего Драги Джасинды. Ее непреодолимо тянет к нему, но она знает страшную тайну: он и его семья — охотники. Девушка должна избегать его любой ценой. Но ее Драги погаснет, а если он умрет, она останется человеком навсегда. Джасинда сделает все, чтобы избежать этого. Даже если придется сблизиться с более опасным врагом. Мистические силы и дыхание порождаются в истории этой девушки, которая пренебрегает всеми ожиданиями и чья любовь идет наперекор всему!

Софи Джордан
Огненный свет

Глава 1

Глядя на тихое озеро, я знаю, что риск того стоит.

Вода спокойная и гладкая. словно полированное стекло. Нет колыханий ветра, разрушающих тёмную поверхность. Низко растущий туман дрейфует от жидких плавающих гор к пурпурно-синему небу. Быстрый вздох колышет мои губы. Солнце скоро встанет.

Эзур подъезжает измотанная. Она не возиться с подставкой. Её велосипед стучит рядом со мной на земле.

— Разве ты не слышала, как я звала тебя? Ты же знаешь, я не могу крутить педали быстрее, чем ты.

— Я не хотела пропустить это.

Наконец, солнце выглядывает за горами тонкой красно-золотой линией с краями тёмного озера. Эзур вздыхает рядом со мной, и я знаю, что она делает то же, что и я: представляет вкус раннего утреннего света на своей коже.

— Джасинда, — говорит она, — мы не должны этого делать. — Но ее голосу не хватает убедительности.

Я кладу руки в карманы и качаюсь на носках.

— Ты хочешь быть здесь так же сильно, как и я.

Перед тем, как Эзур сможет пробормотать ещё одну жалобу, я стаскиваю с себя одежду, пряча её за куст, встаю у кромки воды, дрожа, но не от холода укуса раннего утра. Волнение дрожью проходит сквозь меня.

Одежда Эзур падает на землю.

— Кассиану это не понравится, — говорит она.

Я нахмурилась. Как будто меня волнует, что он думает. Он не мой парень. Даже если удивил меня, стараюсь удержать мою руку вчера в манёвре полёта.

— Не порть всё. Я не хочу сейчас о нём думать.

Этот маленький бунт отчасти для того, чтобы избежать его. Кассиана. Всегда находящегося поблизости. Всегда здесь. Наблюдающего за мной своими тёмными глазами. Ожидающего. Он может быть у Тамры. Я трачу много времени, уверяя его быть с ней: это стая решила выбрать её вместо меня. Любую вместо меня. Вздох срывается с моих губ. Я просто ненавижу то, что у меня нет выбора.

Но есть ещё много времени, прежде чем что-нибудь будет решено. Я не хочу сейчас думать об этом.

— Пойдём. — Я отпускаю свои мысли и поглощаю гудение вокруг меня. Ветви сzero-зелёными листьями. Птицы перемещаются к рассвету. Липкий туман овеивает мои икры. Я сгибаю пальцы ног на грубой земле, мысленно подсчитывая количество камешек под ступнями. И знакомое притяжение появляется в груди. Человеческий облик тает, исчезает, заменяясь толстой кожей Драко.

Моё лицо сжимается, щёки обостряются, слегка двигаясь, растягиваются. Дыхание меняется из-за того, что сдвигается нос, его крылья отдаляются от основания. Мои конечности, ослабившись, удлиняются. Кости не сопротивляются. Я поднимаю голову к небу. Облака теперь более, чем просто серые пятна. Я смотрю так, будто уже скольжу по ним. Чувство прохладного уплотнения целует моё тело.

Это не займёт много времени. Это, пожалуй, одно из моих самых быстрых проявлений.

С мыслями, неограниченными и ясными, ни с кем, кроме Эзур, мне не бывает так легко. Ни с Кассианом с его задумчивым видом. Ни с мамой со страхом в глазах. Ни с кем другим, осуждающим и наблюдающим за моими размерами. Всегда наблюдающими за моими размерами.

Крылья вырастают чуть больше длины моей спины. Тонкая кожа отталкивается свободно. Тонким шёпотом крылья разворачиваются в воздухе — вздох. Будто они тоже обращаются за помощью. За свободой.

Знакомые вибрации набухают в груди. Они похоже на мурлыканье. Обернувшись, я смотрю на Эзур и вижу, что она тоже готова, такая красивая. Радужно-синяя. В растущем свете, я отмечаю, что оттенки розового и фиолетового, словно погребены, в её синей коже Драко. Маленькая деталь, которую я раньше не замечала.

Только сейчас, в рассвете, я вижу это, тогда, когда мы призваны парить. Когда стая запрещает это. Ночью вы пропускаете так много.

Посмотрев вниз, я восхищаюсь красно-золотым блеском своего гладкого оружия. Мысли плывут. Я вспоминаю янтарь из тайного склада драгоценных камней и самоцветов нашей семьи. Моя кожа выглядит сейчас, как он. Балтийский янтарь в ловушке солнечного света. Обманчиво. Моя кожа выглядит нежной, но она такая же жёсткая, как броня. Прошло много времени с тех пор, как я видела себя такой. Слишком давно я не ощущала солнца на своей коже.

Эзур тихонько мурлычет рядом со мной. Мы закрываем глаза — глаза с расширенными радужками и тёмными вертикальными прорезями зрачков — и я знаю, что она больше не будет жаловаться. Она смотрит на меня светящимися синими глазами, такая же счастливая, как и я. Даже если мы нарушили все правила, находясь на запрещённой земле. Мы здесь. Мы свободны.

На подушечках пальцев ног я подпрыгиваю в воздух. Мои крылья хлопают, растягивая жилистую оболочку, и поднимают меня.

С каждым вращением я поднимаюсь всё выше и выше.

Эзур рядом со мной смеётся низким гортанным смехом.

Ветер несётся над нами, и солнечный свет оставляет сладкие поцелуи на нашей коже. Как только мы поднимаемся достаточно высоко, она падает вниз, разламывая воздух, словно штопор и стремительно мчится к озеру.

Мои губы кривятся.

— Позёрствуешь! — Я зову её гулким голосом Драги исходящим из горла, когда она ныряет в озеро и остаётся под водой в течение нескольких секунд.

Как у любого водного Драги, когда она входит в воду, у неё появляются жабры, которые позволят выжить в воде... если она будет жить там. Один из самых полезных талантов предков дракона — способность к выживанию. Но не все из нас имеют её. Я не имею.

Я делаю другие вещи.

Я жду, пока Эзур не выберется из воды. Наконец, она разрушает гладкую поверхность на блестящие брызги, её сияющее синее тело в воздухе, на крыльях капли воды.

— Мило, — говорю я.

— Давай посмотрим на тебя!

Я качаю головой и снова улетаю, ныряя через путаницу гор, не обращая внимания на Эзур.

— Давай, это так классно!

Мой талант не настолько крутой. Я всё бы отдала, лишь бы поменять его. Быть водным Драги. Или фэйзером. Или визиоскриптером. Или ониксом. Или... На самом деле этот список можно долго продолжать.

Однако, я та, кем являюсь.

Я выдыхаю огонь. Единственный огнедышащий дракон в стае в течение более чем четырёх сотен лет. Это сделало меня более популярной, чем мне хотелось бы. С тех пор, как я проявилась в одиннадцать лет, я перестала быть Джасиндой. Вместо этого, я огнедышащая. Факт, который позволяет стае решать за меня так, будто они вправе контролировать его. Они хуже, чем моя мать.

Вдруг я слышу нечто большее, чем свист ветра и напевания тумана в заснеженных горах со всех сторон. Слабый, отдалённый звук.

Мои уши вздргнулись. Я остановилась парящая в плотном воздухе.

Эзур взметнула голову, её глаза в какое-то мгновение выглядели сурово.

— Что это? Самолёт?

Шуи растёт, быстро приближаясь, что-то сильно ударяется.

— Мы должны снизиться.

Кивнув, Эзур нырнула. Я слеую за ней, оглядываясь, и вижу только зубчатые горы. Но слышу больше. Чувствую больше.

Он продолжает прибывать. Звук преследует нас.

— Может, вернёмся к велосипедам? — Эзур смотрит на меня, её иссиня-чёрные волосы развеваются как флаг на ветру.

Я сомневаюсь. Не хочу, чтобы это заканчивалось. Кто знает, когда мы сможем проникнуть сюда снова? Стая слишком часто наблюдает за мной, а Кассиан — всегда.

— Джасинда! — Эзур указывает синим пальцем на точку в воздухе.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть. Моё сердце захватывает. Он ещё очень мал, но по мере приближения увеличивается.

— Улетаем! — Кричу я. — Быстрее!

Я бросаюсь вверх, царапая ветер, крылья сложены против моего тела, ноги вытянуты стрелой, прекрасный угол для скорости.

Но не достаточно быстро.

Вертолётные лопасти бьют воздух в безумном обстреле. Охотники. От ветра появляются слёзы на глазах, я лечу быстрее, чем когда-либо в жизни.

Эзур отстаёт. Я кричу ей, оглядываясь, и вижу отчаяние в её взгляде.

— Эз, догоняй!

Водные Драко не созданы для большой скорости. Мы обе знаем это. Её голос превращается в рыдания, и я слышу, что она это прекрасно понимает.

— Я стараюсь! Не бросай меня! Джасинда! Не бросай меня!

До сих пор вертолёт мчится за нами. Горький страх клубится во рту, когда к нему присоединяются ещё два, убивая надежду, что это был все лишь случайный вертолёт. Это эскадры, и они, безусловно, охотятся на нас.

С отцом случилось так же? Были ли его последние минуты такими же? Встряхнув головой, я убираю мысли прочь. Я не собираюсь умирать сегодня — моё тело разорвано и продано по кусочкам.

Я киваю в сторону деревьев.

— Туда!

Драко никогда не летают низко над землёй, но у нас нет выбора.

Эзур движется за мной, летя по моему следу. Она тянется рядом, едва не задевая в страхе деревья. Я останавливаюсь и парю на месте, грудь вздымается с диким дыханием. Вертолёты шумят над головой, их удары оглушают, перемешивая деревья в зелёную пену.

— Мы должны перевоплотиться, — говорит Эз, тяжело дыша.

Если бы мы могли. Мы слишком напуганы. Драко не могут удерживать человеческую форму в состоянии страха. Это техника выживания. Наша основная сущность — Драко; вот где мы черпаем силы.

Я смотрю сквозь трясущиеся решётчатые ветви, защищающие нас; запах соснового леса созревает в ноздрях.

— Я могу контролировать себя, — Настаивает Эз гортанным голосом.

Я качаю головой.

— Даже если так, это слишком рискованно. Мы должны подождать их. Если они увидят здесь двух девушек после того, как видели двух женщин-Драги, они заподозрят неладное. — Сердце сжимается в холодный кулак. Я не могу допустить этого. Не только ради себя — ради всех. Ради Драги всего мира. Секрет превращения в человека является нашим главным оружием.

— Нам не поздоровится, если мы не окажемся дома в течение часа!

Я прикусываю губу, чтобы не сказать ей, что у нас есть проблемы посерьёзнее, чем обнаружение стаей нашего отсутствия. Я не хочу напугать её ещё больше.

— Мы должны ненадолго спрятаться.

Другой звук появляется, кроме бьющейся лопасти вертолёта. Низкий гул в воздухе. Я чувствую крошечные мурашки на затылке. Что-то ещё есть там. Ниже. На земле. Растущее близко.

Я смотрю на небо, мой длинный палец, как коготь, сгибается, открываясь и закрываясь. Крылья едва вибрируют, контролируя движения. Инстинкт призывает лететь, но я знаю, что они там. Ждут. Кружащие стервятники. Я наблюдаю за их тёмными фигурами через верхушки деревьев. Моя грудь сжимается. Они не улетают.

Я жестами показываю Эз двигаться за мной в самую гущу ветвей высоких сосен. Сложив крылья близко к нашим телам, просовываемся сквозь зудящие иглы и боремся с ветками. Затаив дыхание, мы ждём.

Тогда земля оживает, кишит в окружении транспортных средств: грузовиков, внедорожников, мотоциклов.

— Нет, — говорю я скрипучим голосом, глядя на машины и вооружённых до зубов людей. Двое мужчин в кузове, сидят наготове, с большим ланчером перед ними. Они знают, что делают. Они знают, на кого охотятся.

Эз дрожит так сильно, что толстый сук, на который мы сели, начинает трястись, листья шевелятся. Я хватаю её за руку. Мотоциклы двигаются с головокружительной скоростью. Водитель одного из внедорожников высовывается в окно.

— Смотрите на деревья, — кричит он, его голос глубокий и страшный.

Эз нервно двигается. Я держу её руку крепче. Мотоцикл прямо под нами. На водителе надета чёрная футболка, плотно прилегающая к мускулистому телу. Моя кожа сжимается почти болезненно.

— Я не могу здесь оставаться, — проговаривает Эз рядом со мной. — Я должна уйти!

— Эз, — рычу я, мой низкий голос горячий, отчаянный. — Это то, чего они хотят. Они

пытаются избавиться от нас. Не паникуй.

Она говорит сквозь стиснутые зубы.

— Я не могу.

И я знаю, что она больше действительно больше не может.

Высматривая активность ниже и вертолёт, пересекающие небо, я решаюсь.

— Хорошо. — Сглатываю я. — Вот наш план. Мы разделимся.

— Нет.

— Я пойду первая. Потом, когда они последуют за мной, ты поплывёшь под водой. Иди и оставайся там настолько долго, насколько сможешь.

Её тёмные глаза блестели от влаги, вертикальные линии зрачков пульсировали.

— Поняла? — спрашиваю я.

Она кивает рывками, крылья носа двигаются в такт её глубокому дыханию.

— Ч-что ты собираешься делать?

Я заставляю себя улыбнуться, губы болезненно кривятся на моём лице.

— Лететь, конечно.

Когда мне было двенадцать, я состязалась с Кассианом и выиграла.

Это было во время группового полёта. Ночью, естественно. Во время суток, разрешённое для полётов. Кассиан был высокомерным, хвастался, и я ничего не могла с собой поделать. Я с Кассианом дружила, когда мы были детьми. До того, как один из нас стал успешным. Я не могла смотреть равнодушно на его перевоплощения, наблюдая, как он ведёт себя так, будто является Божьим даром для нашей стаи.

До того, как я узнала это, мы мчались по ночному небу, и крик папиного наставления всё ещё звенит в ушах. Кассиану, драго-ониксу, было четырнадцать. Гладкий чёрный корпус мышц и сухожилий резок. Мой отец тоже был ониксом. Они не только самые сильные и большие Драго, но и, как правило, самые быстрые.

За исключением той ночи. В ту ночь я победила Кассиана, принца нашей стаи, нашего будущего альфа, который с рождения готов быть лучшим.

Я не должна была победить, но это случилось. В тени Луны, я поняла что я большая драгоценность для стаи, чем мой огненный брат. Больше, чем маленькая девочка, которой Кассиан позволил посоревноваться с собой. Внезапно он перестал мечтать быть лучшим, он захотел выиграть лучшее. И этим лучшим была я.

В течение многих лет я жалела, что выиграла гонку, не хотела лишнего внимания, которого подарила мне победа в ней, не хотела уметь летать так быстро. Только теперь, когда мои ноги скрещены под неровной корой, я благодарна, что умею. Благодарна, что летаю так же быстро, как ветер.

Эз трясётся позади меня, клацающая зубами. Всхлип срывается с её губ. Я знаю, что должна делать.

И я просто... улетаю. Удаляюсь от дерева, я — всплеск напряжения в воздухе, крылья туго вытянуты за спиной, словно два больших паруса огненного золота.

Крики заполняют мои уши. Двигатели ускоряются. Громкие, неясные звуки перекрывают друг друга. Жёсткий мужской голос. Я виляю между деревьями, охотники идут по горячим следам, разрушая землю леса автомобилями. Улыбка достигает моего рта, поскольку они отстают, а я вырываюсь вперёд. Я слышу свой смех.

Затем, на моём крыле вспыхивает огонь. Я рывком наклоняюсь и чувствую дикую боль.

В меня попали.

Трудно удерживать себя одним крылом. Мне удаётся сделать несколько взмахов, прежде чем я пробираюсь сквозь воздух. Мир вокруг меня — пышный зелёный и коричневый блеск. Плечо сильно ударяется о дерево, и я падаю на землю, измотанная, задыхающаяся, разбитая; запах крови забивает ноздри.

Мои пальцы зарылись в сырой земле. Трясу головой из стороны в сторону, руки в грязи, скользкой под ногтями. Плечи трясутся, ползу, опираясь то на одну руку, то на другую.

Звук обжигает заднюю часть горла, часть его хрюкает, часть рычит. Не я. Не я, думаю.

Я поджимаю под себя колени и проверяю крыло, аккуратно вытягивая его за спиной, прикусываю губу, чтобы сдержать крик. Мучительная тряска проходит через жилистую оболочку, проникая глубоко в спину, между лопатками. Сосновые иглы царапают ладони, когда я пытаюсь удержаться за них, чтобы попытаться встать.

Я слышу их приближение, их крики. Двигатели поднимаются и опускаются во время

подъёмов и склонов холмов. Изображение грузовика яркой вспышкой проскальзывает в моём воображении.

Так же, как и с папой. Это происходит и со мной тоже.

Стоя, я складываю крылья ближе к телу и бегу, дико бросаясь сквозь толпу деревьев, когда громкость мотора нарастает.

Глядя через дымку леса, я задыхаюсь в туманном свете фар. Так близко. Я слышу, как колотится моё сердце. Смотрю вверх, пытаюсь найти место, чтобы спрятаться. Потом я слышу что-то ещё — устойчивую песню проточной воды.

Я прослеживаю звук, ноги слегка затекли, стою на лесной почве, будто пробежала спринт. Как раз во время остановки, я хватаюсь за ствол дерева, чтобы не упасть по крутому склону. Задыхаясь, я смотрю вниз. Вода постоянно бормочет от небольшого водопада, спускающегося к пруду, окруженному со всех сторон зубчатыми скалами.

Воздух надо мной раскаляется. Мои волосы шевелятся, голова зудит, и я выпадаю в сторону. Ветер свистит так, будто сеть падает на землю, рядом со мной.

— Загружай другую!

Я смотрю через плечо: на грузовике с двумя парнями готовят другую сеть. Мотоциклы подпрыгивают над землёй, их двигатели сердито рычат, когда они подъезжают ко мне. Водители смотрят через большие металлические линзы. Они не выглядят как люди. Они монстры. Мне даже трудно разобрать линии их ртов. Двигающиеся лопасти вертолётки приближаются, наполняя воздух сильным ветром, который хлещет по волосам.

Я вдыхаю воздух глубоко в лёгкие, поворачиваюсь и прыгаю.

Он стремится мимо меня. Странное ощущение. Падение по ветру, не имея ни намерения, ни возможности подняться и лететь. Но я делаю это. До тех пор, пока не падаю в воду.

Она такая холодная, я кричу, глотая ртом воду. Как Эз это делает? Ей, казалось бы, так... приятно. Нет, не в этой ледяной агонии.

Я поднимаюсь на поверхность и плыву по-собачьи, ищу, наблюдаю. Что именно? Всё, что угодно. Потом я вижу пещеру. Небольшой выступ, на самом деле, только скальная стена, но достаточно глубокая для меня, чтобы спрятаться внутри, с глаз долой. Если они, конечно, не нырнут за мной.

Я плыву в него, забрасывая себя внутрь. Продвигаюсь так глубоко, как могу, превращаю себя в небольшой шар.

Мокрая и дрожащая, я задерживаю дыхание и жду. Не задолго до того, как слышу над собой грубый голос.

— Оно прыгнуло! — Двери хлопают, звук дрожью проходит через меня, и я знаю, что они не в автомобилях. Бесконтрольно дрожу в своей тайной пещере. Пальцы сильно вцепились в колени.

— ... нырнуло в воду!

— Может, оно улетело. — услышала я сквозь рёв мотоцикла.

— Точно, нет! Оно не может летать. Я подбил ему крыло. — В этом голосе дрожало самодовольство, несмотря на холод, я яростно сжала руки. Страх.

— Я не вижу его там.

— Кто-то должен нырнуть за этим.

— Ах, чёрт возьми! Туда вниз? Там очень холодно — ты пойдёшь!

— А почему не ты? Что, трусишь?

— Я нырну. — Я вздрагиваю, услышав голос, глубокий и спокойный, как гладкий бархат, совсем не похожий на другие.

— Ты уверен, что справишься, Уилл?

Я обнимаю себя крепче и жду ответа, желая быть визиокриптером, чтобы уметь исчезать.

Тело дугой нырнуло в пруд, оставив неясные очертания. Он своим идеальным прыжком почти не сделал брызг. Уилл. Тот, с бархатным голосом. Я смотрю на блестящую поверхность и, затаив дыхание, жду его появления. Из-под воды появилась его голова, и он оглянулся. Посмотри в пещеру. Посмотри на меня.

Я смачиваю губы, чувствуя, как кипит кровь, дым клубится в лёгких. А если дело дойдёт до этого? Смогу ли я использовать свой талант, чтобы спасти себя?

Голова разрушает гладкую поверхность, плещется вода. Его волосы блестят словно шлем. Он молод. Не на много старше меня.

— Ты в порядке, Уилл? — спрашивает голос сверху.

— Да, — кричит он.

Моё сердце захватывает от внезапной близости его голоса. Я отодвигаюсь настолько далеко, насколько могу, игнорируя то, что шершавая стена царапает крылья. Наблюдая за ним, я молюсь, чтобы он не заметил меня.

Он замечает выступ, и его взгляд направлен в мою сторону.

— Там пещера!

— Оно в ней?

Да, я в ней.

Я ощетибилась, кожа сжимается, дрожа, как осиновый лист. Крылья начинают вибрировать, боль от выстрела проходит через них к спине. Я вздрагиваю, заставляя себя расслабиться.

Он подплывает ближе.

Дым клубится из носа. Я не хочу, чтобы это произошло. Это просто... случается. Я обычно могу контролировать способность, но страх не позволяет мне делать этого. Инстинкты Драго берут верх.

Моё сердце колотится в груди, когда он приближается. Я знаю, что сейчас он видит меня. Замирает, не двигается в воде, его губы на её уровне.

Мы смотрим друг на друга.

Это сейчас произойдёт. Он позовёт других. Они будут рыться вокруг меня как голодные хищники. Вспомнив папу, я стараюсь не трястись. Я уверена, что он не дрожал, не съёживался. У меня есть кое-что — защита, которой не было у папы. Огонь.

Затем он двигается, подплывает ближе, легко скользят. Его мышцы напрягаются, и что-то трепещет в моём животе. Он не выглядит таким сильным, каким я представляла. Он не выглядит злым. Он смотрит... с любопытством.

Он хватается рукой за выступ и тянется внутрь. Ко мне. Нас отделяет расстояние не больше фута. Мышцы его рук пульсируют, когда он слегка касается пола пещеры. Наши взгляды проходят друг по другу. Двое странных существ, видящих друг друга впервые.

Пытаюсь глотать воздух тлеющими лёгкими. Я начинаю гореть изнутри.

Не то, чтобы я не видела людей раньше. Я видела их много раз, когда ходила по магазинам в городе с мамой и Тамрой. Большую часть времени я вижу в себе человека, даже в тайных местах нашей стаи. Но я всё ещё смотрю на него так, будто никогда раньше не

встречала парней. И, думаю, действительно, не видела таких, как он. Он не обычный парень, в конце концов. Он охотник.

Его чёрная футболка, как вторая кожа, прилипла к стройной груди. В нашей затаённой пещере его волосы выглядят почти чёрными. Может немножко посветлее, когда сухие. Коричневые или тёмно-русые. Но держат меня его глаза. Глубоко посаженные под густыми бровями, они словно сканирует меня, всю меня. Я представляю, что он видит. Мои крылья свёрнуты за спиной. Гибкие конечности светятся как огонь даже в пещере. Узкое лицо с выраженными контурами. Мой ребристый нос. Высокие брови и глаза дракона — две вертикальные чёрные прорези вместо зрачков.

Он поднимает руку. Я даже не вздрагиваю, когда он кладёт свою широкую тёплую ладонь на мою. Чувствуя, проверяя. Его прикосновение скользит ниже, и я уверена, что он сравнивает мою кожу — кожу Драго — с человеческой. Его ладонь останавливается, опираясь на мои длинные, тонкие пальцы. В этом прикосновении, во мне оживает тепло.

Он тоже это чувствует. Его глаза расширяются. Такие замечательно карие. Зелёные с проблесками коричневого и золотого. Цвета, которые я люблю. Цвета земли. Его взгляд проскальзывает и останавливается на волосах. Я ловлю себя на том, что хочу, чтобы он увидел девушку в драконе.

Звук срывается с его губ. Слово. Я слышала это, но думаю, что всё-таки нет. Он не говорил этого.

— Уилл! — зовёт голос сверху. Мы оба вздрогнули, а затем его лицо изменилось. Мягкое и любопытное, оно обратилось в ноль, а теперь выглядит злым. Угрожающим. Таким, каким должен быть каждый представитель его вида. Рука отпрянула от моей, и вся интимность была разорвана. Я потёрла место, к которому он прикасался. — Ты там в порядке? Нужно, чтобы я спустился?

— Всё нормально! — Глубокий голос гулом отражается от стен нашего небольшого приюта.

— Ты нашёл это?

Опять это. Я в гневе. Дым скользит облаком из моего носа. Пожар в лёгких усиливается.

Он пристально наблюдает за мной жестоким и беспощадным взглядом. Я жду, что он объявит о моём присутствии, удерживая его взглядом, отказываясь смотреть в другую сторону, решила, пусть этот красивый парень смотрит на лицо, которое скоро приговорит к смерти.

— Нет.

Я задерживаю дыхание, огонь тлеет в лёгких. Мы долго смотрим друг на друга. Он, охотник. Я, Драго.

Затем он уходит.

И я совсем одна.

Жду целую вечность. Долго, после того, как звуки вертолётов и двигателей исчезают. Я вжимаюсь во влажный и тесный выступ, обнимая ноги и потирая икры, руки скользят по красно-золотистой коже. Мои пострадавшие крылья горят, я сижу, вслушиваясь, но ничего. Только шепот леса и нежный вздох Каскада вокруг меня.

Ни людей. Ни охотников. Ни Уилла.

Я нахмурилась. По какой-то причине это тишина беспокоит меня. Я никогда не увижу его снова. Никогда не узнаю, почему он меня отпустил. Никогда не узнаю, действительно ли он прошептал то, что я слышала. Красивая.

В какой-то момент мы связались. Каким-то образом это произошло. Я думала, что он точно выдаст меня. Охотники не делают нам милости. Они видят в нас только добычу, подвид, который следует уничтожить и продать нашей главной угрозе — энкросу. С начала времён, энкросы хотели иметь наши таланты, одержимые этим, они разрывали нас друг от друга и держали в плену, используя наши способности: магические свойства крови, прочную кожу, умение обнаруживать драгоценные камни под землёй. Мы для них Ничто. Ничто с душой и сердцем.

Так почему же Уилл отпустил меня? Его невероятное лицо выжгло в моём сознании, оставшись там навсегда. Влажные волосы. Яркие глаза мрачно смотрели на меня. Я должна видеть лицо Кассиана. Он моя судьба. Я приняла это, хотя и рисковала, чтобы освободиться от него.

Я жду столько, пока больше не могу выдержать влажный холод моего убежища. Опасаясь ловушки, я осторожно и спокойно пробираюсь сквозь ледяную воду. Соскабливаю чешую от стен с зубчатыми скалами, моё крыло работает усердно, я чувствую дикую тупую боль.

Воздух вырывается с моих губ, когда я тяну себя вверх. Свернувшись, поглощаю густой, глинистый запах земли. Мои ладони роются в почве. Она поддерживает меня, напевая изнутри. Глубоко похороненная вулканическая порода мурлычет под землёй как спящий кот. Я могу ощущать её: слышать её, чувствовать её, кормиться ею.

Всегда бывает так: эта связь обогащает пахотные земли. Она исцелит моё крыло. Не искусственная медицина. Я черпаю силы из процветающей, живительной земли. Запах дождя цепляется за туман. Рассвет. Ожидая его объятий, я направляюсь к озеру, где меня ждёт моя одежда и велосипед. Слабые лучи солнечного Я здесь!

В следующий момент я окружена. Транспортные средства с трудом тормозят, слышу хлопки закрывающихся дверей.

Кажется, некоторые из старейшин с мрачными лицами идут через испаряющийся туман. Я не вижу Эз, но Кассиан среди них, идёт с сжатыми в тонкую линию губами, как у его отца. Обычно, он любит, когда я в форме Драги, но сейчас в его глазах нет восхищения. От подходит близко, возвышаясь надо мной. Он всегда такой. Такой большой, такой мужественный... такой нерешительный. Я помню тёплую силу его руки, когда он взял мою вчера в манёвре полёта. Было так просто позволить ему сделать то, что от нас хочет каждый... что ожидает каждый.

Я не могу посмотреть ему в глаза, поэтому изучаю блеск его чёрных, коротко подстриженных волос. Он наклоняется, шурша ими у моего виска, и рычит мрачным

ГОЛОСОМ.

— Ты напугала меня, Джасинда. Я думал, что потерял тебя.

Моя кожа ошетиливается и покалывает в ответ на его слова. Если стая думает, что мы должны быть вместе, это не значит, что будет так. По крайней мере, пока. Вероятно уже в сотый раз, я жалею, что не являюсь обычной Драги. Если бы только я не была огнедышащей. Жизнь была бы простой. Она была бы моей. Моей жизнью.

Моя мать продвигается через группу, отталкивая Кассиана так, если бы он был просто ребёнком, а не шестифутовым ониксом, способным раздавить её. Упругие кудри обрамляют её приятное лицо с янтарными, как у меня, глазами. После смерти отца, некоторые мужчины хотели ухаживать за ней. Даже отец Кассиана, Северин. К счастью, она не была заинтересована в нём. Во всех них. С мамой очень сложно иметь дело. Я не хочу, чтобы какие-то мачо Драги пытались занять место моего отца.

Прямо сейчас, в данный момент, она выглядит старше. Жёсткие линии словно режут её рот. Даже в день, когда нам сообщили, что папа больше не вернётся домой, она не выглядела подобным образом. И я понимаю, что это из-за меня. В желудке образуется узел.

— Джасинда! Слава Богу, ты жива! — Она обнимает меня, и я кричу, когда она сдавливает моё больное крыло. Она отходит. — Что случилось?

— Не сейчас. — Отец Кассиана сжимает рукой мамино плечо и отводит её в сторону, чтобы сам смог оказаться передо мной. С ростом шесть с половиной футов, Северин так же высок, как его сын, и мне приходится вытянуть шею, чтобы посмотреть на него. Укрыв моё дрожащее тело одеялом, он скрипит.

— Прощена. На этот раз.

Я подчиняюсь, кусая губы от боли, когда мою рану на крыле растягивают и разрывают её глубже, чтобы вытащить преобразованную часть плоти. Рана всё ещё есть, только теперь кровь сочится из лопатки, тепло следует по моей спине, и я натягиваю одеяло.

Мои кости перестраиваются, становясь меньше, и толстая кожа Драги увядает. Холод теперь сильнее бьёт меня, касаясь моей человеческой кожи, и я начинаю дрожать, босые ноги онемели.

Мама рядом со мной, укрывает меня вторым одеялом.

— О чём ты думала? — Именно этот критичный, режущий голос я ненавижу. — Тамра и я беспокоились. Ты хочешь кончить, как твой отец? — Она яростно качает головой, в её глазах горит определённая уверенность. — Я уже потеряла мужа. Не хочу потерять и дочь.

Знаю, она ожидает извинений, но я предпочла бы проглотить гвозди. От этого я бегу: от жизни, в которой я разочаровываю мать, от жизни, в которой я задыхаюсь. От правил, правил... множества правил.

— Она нарушила наш самый священный закон, — заявляет Северин.

Я вздрагиваю. Летать только под покровом ночи. Я думаю, быть почти убитой охотниками подавляет любой аргумент о бессмысленности этого правила.

— Очевидно, что нужно с ней что-то делать. — Проходит взгляд между моей матерью и Северином, когда в группе нарастает шум. Звуки одобрения. Мой внутренний Драги покалывает в предупреждении. Я дико смотрю на каждого. Десяток лиц я знаю всю свою жизнь. Ни одного друга в толпе.

— Нет, — шепчет мама.

Что нет?

Её рука сильнее сжимает меня, и я наклоняюсь к ней, соскучившаяся по комфорту.

Вдруг, она мой единственный союзник.

— Она наша огнедышащая.

— Нет. Она моя дочь, — резко говорит мама. Я вспоминаю, что она тоже Драги, даже если она стала противиться этому. Даже если она не проявляется уже годы... и, вероятно, не сможет больше.

— Это должно быть сделано, — настаивает Северин.

Я вздрогнула, когда почувствовала мамины пальцы через одеяло.

— Она просто девочка. Нет.

Я спросила требовательным голосом.

— Что? О чём вы все говорите?

Никто не отвечает мне, но это не странно. Приводящее в ярость, но не странно. Все — мама, Северин, старейшины говорят вокруг меня, обо мне, но не со мной.

Мама продолжает смотреть на Северина, и, хотя они ничего не говорят, я понимаю, что они ведут свой молчаливый диалог. Всё это время Кассиан наблюдает за мной голодным взглядом. Его пурпурно-чёрные глаза привязывают к себе всех девушек. Только не мою сестру. Не её особенно.

— Мы обсудим это позже. Сейчас я веду её домой.

Мама быстро ведёт меня к машине. Я оглядываюсь на Северина и Кассиана, отца и сына, короля и принца. Стоя бок о бок, они смотрят на меня с осуждением в глазах. И ещё с чем-то. С тем, чего я не могу понять.

Тёмная дрожь облизывает мою спину. света прорываются сквозь ветки, борясь с туманом, и делают мою холодную кожу красновато-бронзовой.

Я убеждена, что Эз уже дома. Не позволю себе думать иначе. Сейчас стая уже знает, что меня не было. Я начинаю придумывать различные объяснения.

Ноги ступают тихо, так как я пробираюсь через деревья, прислушиваясь к посторонним звукам, которые могут принадлежать охотникам... но под настороженностью скрывается надежда.

Надежда, что один из охотников вернётся и ответит на мои вопросы, удовлетворит моё любопытство... это странное трепетание в животе в ответ на его шёпот.

Постепенно шум проникает по воздуху, преследуя птиц с деревьев. Моя колючая кожа Драги переливается с красно-золотого, в красный.

Страх проходит сквозь меня, когда я слышу нарастающее рычание двигателя. Сначала я думаю, что охотники вернулись за мной.

Неужели тот красивый парень передумал?

Потом я слышу своё имя.

— Джасинда!

Отчаянно повторяет голос сквозь лабиринт высоких сосен.

Подняв голову, машу руками.

Эз ждёт нас в доме, прохаживаясь по веранде в рваных джинсах и голубой майке, цвет которой и близко не мог конкурировать с синевой ее темных волос. Ее лицо светится, когда она видит нас.

Мама паркуется и Эз бежит сквозь туман, который отхватывает наш городок, любезность Нидии. Этот туман необходим для нашего выживания. Ни один из случайных самолетов, проходящих через наше воздушное пространство, не может обнаружить нас сквозь него.

Эз крепко обнимает меня, как только я делаю шаг от автомобиля. Я хнычу. Она беспокоится.

— Тебе больно? Что случилось?

— Ничего, — шепчу я, скользя взглядом по маме. Она уже знает, что я ранена. Нет смысла напоминать ей. — Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Да, я сделала то, что ты велела, оставалась под водой, пока не убедилась, что они пропали, а затем улетела домой за помощью.

Я не помню, что говорила ей привести помощь. Я не хотела бы этого, но не могу винить ее за попытку спасти меня.

— Заходите, девочки. — Мама показывает жестом, чтобы мы вошли, но не глядит на нас. Она, обернувшись, смотрит через дорогу на одного из наших соседей. Тетя Кассиана, Джабель, стоит на крыльце, смотря на нас со скрещенными на груди руками. В последнее время, она много наблюдает за нами. Мама уверена, что она докладывает Северину обо всём, что мы делаем. Со скупым кивком мама провожает нас внутрь. Они с Джабель раньше были подругами. Когда я была ребёнком, до смерти папы. Сейчас они вряд ли разговаривают.

Когда мы входим в дом, Тамра поднимает свой взгляд, откуда она сидит, скрестив ноги, на диване, с миской хлопьев зачатой в коленях. Трубные звуки из старого мультфильма доносились из телевизора. Она не выглядит «обеспокоенной больной», как утверждает мама.

Мама шагает к телевизору и уменьшает звук.

— Тебе действительно нужно, чтобы он звучал так громко, Тамра?

Тамра пожимает плечами и закапывается на диване в подушках.

— Так как я не могла заснуть, я решила попробовать заглушить сигнал тревоги.

Чувство тошноты появилось в моем кишечнике.

— Они забили тревогу? — спрашиваю я. В последний раз, когда они это сделали, было тогда, когда отец пропал, и они собрали поисковый отряд.

— О да, — кивает Эз, её глаза расширяются. — Северин волновался.

Тамра находит пульт и увеличивает громкость. Положив пульт обратно на диван, она поднимает большой глубокую ложку ко рту.

— Ты так удивлена, что они собрали отряд для тебя? — Она устало склонилась ко мне. — Подумай об этом.

Необходимость защищать свои действия поднялась в груди, но я подавила ее глубоким дыханием. Я пыталась объяснить ранее, но Тамра не понимала это. Она не может понять импульс Драко. Как она может?

Мама выключила телевизор. Не обращая внимания на возникшее напряжение, Эз

взмахнула руками в воздухе.

— Ну, что? Что случилось? Как ты спаслась? Боже мой, они были повсюду. Ты видела эти установленные ловушки? — Мама плохо выглядит.

— Я думала, что ты не смогла бы сделать этого. Я имею в виду, я знаю, что ты быстрая... и можешь дышать огнем, и всё такое, но...

— Как мы могли забыть об этом, — бормочет Тамра себе под нос с полным ртом хлопьев и деланно закатывает глаза.

Тамра никогда не превращается. Это растущая тенденция среди Драко, старейшины взволнованы и отчаянно пытаются сохранить наш вид. Моя сестра-близнец, которая младше меня лишь на минуту, обычный человек. Это убивает её. И меня. Перед тем, как я впервые превратилась, мы были близки во всем. Сейчас же общее у нас только лицо.

Я заметила, что мама ходит по гостиной, закрывая все деревянные ставни, оставляя комнату в тени.

— Эз, — говорит мама, — попрощайтесь сейчас.

Моя подруга моргает.

— Прощаться?

— До свидания, — говорит мама более твёрдым голосом.

— О, — Эз нахмурилась и посмотрела на меня, — пойдешь завтра в школу?

Её глаза выразительно блеснули, показывая, что я могу положиться на неё во всём.

— Я встану рано.

Мы живём на разных концах посёлка. Он сформирован как гигантское колесо с восемью спицами. Каждой спицей служит одна улица. Центр выступает в качестве сердца нашего посёлка. Школа и зал заседаний находятся там. Я живу на Первой Восточной улице, а Эз — на Третьей Восточной. Мы находимся на большом расстоянии друг от друга. Покрытая виноградником стена окружает посёлок, так что не местные редко проникают сюда.

— Конечно. Если ты готова встать рано и зайти за мной.

Как только Эз ушла, мама заперла дверь. Я некогда не видела, чтобы она делала этого раньше. Стоя передо мной и Тамрой, она долго смотрит на нас. Тишину нарушает лишь ложка Тэм, звенящая в чашке. Мама поворачивается и выглядывает между ставнями, как будто беспокоится, что Эз может услышать нас. Или кто-то другой.

Повернувшись обратно, она заявляет:

— Собирайте свои вещи. Мы уезжаем сегодня ночью.

Мой желудок сжимается, как это бывает, когда я быстро и внезапно начинаю снижаться в полёте.

— Что?

Тамра вскакивает с дивана так быстро, что её миска с молоком и хлопьями падает на пол. Мама как будто не замечает этого и ничего не говорит, и вот тогда я понимаю, что всё изменилось, или вот-вот изменится. Она говорит на полном серьезе.

— Это правда? — Глаза Тамры ярко светятся. Она выглядит такой живой впервые с... того момента, как я впервые превратилась. — Пожалуйста, скажи, что это шутка.

— Я бы не стала шутить по этому поводу. Начинайте сборы. Берите столько одежды, сколько сможете унести. И всё, что считаете нужным, — мама переводит взгляд на меня, — мы не вернёмся.

Я не двигаюсь с места. Я просто не могу. Так или иначе, моё плечо словно горит всё сильнее, как будто нож вонзают в него всё глубже и глубже.

С взволнованным вскриком Тамра бросается в свою комнату. Я слышу звук удара двери шкафа о стену.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я маму.

— То, что должна была сделать уже давно. С момента смерти твоего отца. — Она отводит взгляд и отчаянно моргает, до того как, повернуться ко мне. — Я думала, я надеялась, что в один прекрасный день он войдёт в эту дверь, и мы должны быть здесь для него, — вздыхает она. — Но он никогда не вернётся, Джасинда. И я должна делать то, что будет лучше для тебя и Тамры.

— Ты имеешь в виду то, что будет лучше для тебя и Тамры.

Выход из стаи для них не такое уж и большое дело. Я знаю это точно. Мама умышленно убила в себе Драко много лет назад, позволила ему исчезнуть, когда стало ясно, что Тамра никогда не проявится. Я думаю, она сделала это, чтобы сестра не чувствовала себя одинокой. Своеобразный акт солидарности.

Я единственная, кто чувствует связь со стаей. Единственная, кто будет страдать, если мы покинем её.

— Разве ты не видишь насколько легче, насколько безопаснее будет позволить Драко уйти?

Я дёрнулась как от пощёчины.

— Ты хочешь, чтобы я отрицала в себе сущность Драги? Стала такой же как ты? Усыпила её, чтобы стать человеком? — Я качаю головой из стороны в сторону. — Меня не волнует, куда ты нас ведёшь. Я не забуду, кто я.

Она кладёт мне руку на плечо и немного сжимает его. Думаю для того, чтобы ободрить.

— Посмотрим. Ты изменишь своё мнение через несколько месяцев.

— Но почему? Почему мы должны уходить?

— Ты знаешь, почему.

Какая-то часть меня понимает, но отказывается признать это. Вдруг, мне хочется сделать вид, что с нашей жизнью здесь всё в порядке. Я хочу забыть о своём беспокойстве по поводу диктатуры Северина в стае. Хочу забыть притягательные взгляды Кассиана. Забыть о том, что моя сестра изолирована от общества, что все считают её прокажённой, и забыть о вине, которую я всегда чувствовала по этому поводу.

Мама продолжает.

— Когда-нибудь ты поймёшь. Когда-нибудь ты поблагодаришь меня за спасение от этой жизни.

— От стаи? — спрашиваю я. — Они моя жизнь! Моя семья. Дерьмовый альфа не изменит этого. Северин не будет главным вечно.

— А Кассиан? — Её губы сжались. — Готова ли ты для него?

Я делаю шаг назад, мне не нравится дрожь в её голосе. Краем глаза я вижу, как Тамра застывает в дверях своей спальни.

— Мы с Кассианом друзья, — говорю я. — Вроде этого. По крайней мере, были ими раньше.

— Ты права.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе больше не восемь лет, и ему не десять. Часть тебя должна знать, что я защищаю вас от этого. С тех пор, как вы проявились, стая отметила вас, как своих собственных. Так ли это неправильно, утверждать, что ты моя дочь, а не их? Твой отец постоянно пытался

бороться с Северином. Ты думаешь, почему он летал в ту ночь один? Он искал путь... — Она остановилась, её голос дрожал.

Замерев, я слушаю.

Она никогда не говорила о той ночи. Об отце. Я боюсь, что она остановится. Боюсь, что ничего не скажет.

Её взгляд останавливается на мне. Холодный и решительный. И это пугает меня. Знакомое тепло появляется внутри меня, горло горит и сжимается.

— Судя по твоим словам, стая выглядит неким дьявольским культом.

Она моргает. Разъярённо машет рукой.

— Так и есть! Когда ты поймёшь это? Если они требуют от меня отдать мою шестнадцатилетнюю дочь своему драгоценному принцу для спаривания, они изверги! Они хотят, чтобы ты была их маткой, Джасинда! Для наполнения стаи маленькими огнедышащими Драги! — Она близко. Кричит прямо у моего лица. Я волнуюсь, что Джабелли или другие соседи могут нас услышать. Волнуюсь, что мама больше не беспокоится об этом. Она отступает и делает глубокий вдох. — Мы уходим сегодня ночью. Начинай собираться.

Я бегу в свою комнату и громко хлопаю дверь. Театрально, но заставляет чувствовать себя лучше. Шагая по комнате, я делаю глубокие вдохи и выдохи. Маленькими сердитыми рывками из носа клубится дым. Провожу ладонью по лицу и шее над тёплой кожей.

Упав на кровать, я выдыхаю дым и смотрю прямо перед собой, ничего не видя, чувствуя только жар внутри. Постепенно огонь во мне потухает, и мой взгляд останавливается на блестящих звёздах, подвешенных к потолку за ниточки. Папа помог мне их повесить после того, как мы выкрасили поток в комнате в синий цвет. Он сказал, что это почти как спать под открытым небом.

Обжигающие рыдания подкатывают к горлу. Я не буду спать под этим небом больше никогда, а если мама будет вести себя так же, то летать я тоже больше не буду.

Через несколько часов, в то время пока посёлок спит, мы пробираемся сквозь туман Нидии. Та самая вещь, которая защищает и скрывает нас от внешнего мира, пытающегося нам навредить, способствует нашему побегу.

Как только мы переходим с нашей улицы на главную, мама садится в автомобиль, а мы с Тамрой толкаем его. Она ведёт машину через центр города. Школа и зал заседаний стоят в тишине, как будто смотря на нас через свои тёмные оконные проёмы. Шины скрипят на гравии, которым покрыты улицы. Мы продвигаемся, а тело словно горит.

Затаив дыхание, я пережидаю, прислушиваясь к сигнализации, когда мы приближаемся к зелёному ограждению вокруг нашего поселения. Заросший плющом небольшой дом Нидии виден впереди, караульное помещение расположено рядом с выходом. Тусклый свет горит в большом окне гостиной. Она, конечно, обнаружит нас, ведь это её работа следить, чтобы никто не покидал территорию.

Каждая стая имеет хотя бы одного шейдера — Драги, который окутывает село туманом, а также сознание любого человека, который попадает сюда. Туман Нидии может заставить человека забыть даже свое имя. Ее талант превосходит мой собственный. Стая живет в страхе перед смертью... если вдруг нас разоблачат и мы будем видимы самолётам и тем, кто путешествует высоко в горах.

Я ничего не слышу из ее дома. Ни звука. Даже когда я громко шаркаю подошвами по гравии, зарабатывая неодобрительные взгляды Тамры.

Яжимаю плечами. Возможно, я хочу, чтобы Нидия поймала нас. Когда мы проходим

через выход, мама заводит старый автомобиль. Прежде чем залезть в машину, я бросаю последний взгляд назад. В окне в доме Нидии кто-то стоит в тени.

Резко задерживаю дыхание. Я уверена, что она сейчас начнёт бить тревогу. Тень движется. Мои глаза болят от того, что я разглядываю её очень упорно.

Вдруг свет в окне меркнет. Я моргаю и качаю головой, совершенно сбита с толку.

— Нет, — шепчу я. Почему она не мешает нам?

— Джасинда, залезай, — шипит Тамра, ныряя в салон автомобиля.

Отрывая взгляд от того места, где только что стояла Нидия, я думаю о том, чтобы отказаться уходить. Я могла бы это сделать. Здесь. Сейчас. Упереться пятками в землю и отказаться. Они не смогут одолеть меня. Они даже не попытаются.

Но, в конце концов, я просто не так эгоистична. Или храбра. Даже не знаю. Я следую за ними.

Вскоре мы спускаемся вниз с горы, бросаясь в неизвестность. Я прижимаю ладони к прохладному оконному стеклу, ненавидя мысль о том, что никогда не увижу Эз снова. Горло разрывают рыдания. Я даже не попрощалась с ней.

Мама сжимает руль, пристально рассматривая небольшую дорогу через лобовое стекло. Она кивает головой, слово каждый кивок увеличивает её решимость сделать то, на что она пошла.

— Новое начало. Только мы, девочки, — провозглашает она чрезмерно веселым голосом. — Давно пора, не так ли?

— Верно, — Тамра согласилась со спины.

Я взглянула на нее через плечо. Как близнецы, мы всегда были связаны, чувствовали мысли и эмоции друг друга. Но сейчас я не могу чувствовать ничего, кроме моего собственного страха.

Тамра улыбается, глядя в окно, как будто она видит что-то во тьме ночной. По крайней мере, она, наконец, получила желаемое. Везде, куда мы не направились, она будет нормальной. А я буду изо всех сил пытаться вписаться в мир, чужой для меня.

Я принадлежу стае. Может быть, я даже принадлежу Кассиану. Даже если он разбивает сердце Тамре, может быть, это правильно. Он прав. Я не знаю. Знаю только, что я не смогу жить без полетов. Без неба и влажного дыхания земли. Я никогда не смогу добровольно отказаться от своих способностей. Я не мама.

Как я могу вписаться в круг людей? Я стану, как Тамра, несуществующей Драги. Только хуже. Потому что я помню, что чувствуешь, будучи Драги.

Однажды я видела шоу об инвалиде, который потерял ногу, но до сих пор чувствует ее. На самом деле он просыпается ночью, чтобы почесать ногу, как если бы она все еще была там, соединенная с ним. Они называют это фантомная конечность.

Со мной будет также. Фантомный Драги. Я буду терзаться воспоминаниями о той, кем я когда-то была.

Воздух с трудом проходит в моё горло, касаясь губ, когда мама говорит с нашей новой домовладелицей. Даже когда кондиционер работает на полную мощность, воздух сухой и неприятный. Я задумываюсь о том, какого людям с астмой, которые постоянно борются с дыханием. Как-будто вы никогда не сможете набрать в лёгкие достаточно воздуха. Я смотрю на маму. Из всех мест в мире, она выбрала именно пустыню. Я уверена, что она садист.

Мы следуем за миссис Хеннесси, которая выходит через заднюю дверь своего дома, погружаясь обратно в засушливую жару. Она вытягивает влагу из тела, от чего стягивается кожа, это как большой вакуум. Эта жара заставляет меня чувствовать себя слабой. Мы всего два дня в Чапарал, это оказалась пустыня. Мама знала, что так будет.

— Бассейн! — кричит Тамра.

— Им нельзя пользоваться, — произносит миссис Хеннесси.

Тамра хмурится лишь мгновение. Ничто не может унять её оптимизм. Новый город, новый мир. Новая жизнь в ее руках.

Я отстаю от мамы и Тамры. Каждый шаг даётся с трудом и требует огромных сил.

Миссис Хеннесси останавливается у бассейна, сжав губы. Потом она ведёт нас к забору.

— Вы можете приходить и уходить через задние ворота.

Мама кивает, вертя в руках свернутую газету, где она нашла объявление об аренде этого дома.

Ключи звенят в руках миссис Хеннесси. Она открывает дверь в дом с бассейном и вручает ключи маме.

— Плата за аренду в следующем месяце должна быть представлена в первых числах.

Мама смотрит слезящимися глазами на меня и Тамру.

— Мне нравится, что здесь так тихо и спокойно, — говорит она.

Я оставляю маму разговаривать с домовладелицей и захожу в дом. Тамра следует за мной. Я осматриваю мрачную гостиную, которая слабо пахнет плесенью и хлором. Моё сердце опускается ещё ниже, если это вообще возможно.

— Неплохо, — произносит Тамра.

Я смотрю на неё.

— Ты бы сказала так несмотря ни на что.

— Ну, это только временно, — пожимает она плечами, — у нас хотя бы есть свой собственный дом на ближайшее время.

В ее мечтах. Качая головой, я проверяю другие комнаты, интересно, как она думает, это должно произойти. Мама посчитала изменой платить за обед вчера вечером.

Дверь закрывается. Я роюсь в своих карманах, перетирая ткань между пальцами, пока возвращаюсь в гостиную. Мама, опираясь руками на бёдра, обследует дом — нас — в своё удовольствие. Только я не могу поверить в это. Как она может быть такой счастливой, тогда как я настолько... несчастна?

— Ну, девочки. Добро пожаловать домой.

Дом. Это слово эхом вторит во мне.

Вечер. Сажу на краю бассейна, окуная ноги в воду. Она тёплая. Я наклоняю голову, надеясь, что ветер заставит исчезнуть туман, горы, прохладный, влажный воздух.

Дверь позади меня открывается и закрывается. Мама опускается рядом со мной и

смотрит вперёд. Я прослеживаю её взглядом. Единственное, что нам видно — задняя часть дома миссис Хеннесси.

— Может быть, у нас получится заставить её изменить своё мнение по поводу бассейна через некоторое время, — говорит мама. — Было бы хорошо поплавать летом.

Думаю, так она пытается развеселить меня, это первые слова, сказанные ею в течение того времени, как мы находимся здесь.

— Почему? — огрызаюсь я, двигая ногами быстрее. — Ты могла бы выбрать тысячи других мест. Почему именно это?

Мы могли бы жить где угодно. Например, в небольшом городке, расположенном в прохладных туманных холмах или горах. Но нет, Чапарал, большой город прямо посреди пустыни, в девяноста милях от Вегаса. Нет охлаждающего уплотнения, питающего моё тело. Нет туманов. Нет легко доступных холмов и гор. Нет пахотной земли. Нет выхода. Это просто жестоко.

Она глубоко дышит.

— Я думала, здесь тебе будет проще.

Я вздыхаю.

— Здесь нет ничего простого.

— Ну, значит, у тебя есть выбор. — Она протягивает руку и касается моего плеча. — Ничто, кроме бесплодной окружающей среды, не сможет убить Драги быстрее. Я знаю...

Я прерываю её.

— Что ты имеешь в виду?

Она глубоко вздыхает.

— Я жила здесь во время своего тура.

Я вытягиваюсь и смотрю на неё. Многие Драги бывали в турах, чтобы получить воздействие окружающей среды. На короткий срок. На год, может быть два. Но не в жарком и сухом месте. Не в пустыне. Драги должен уметь казаться обычным человеком, для своей же безопасности. Иногда, очень редко, мы предпочитаем оставаться в человеческом мире.

— Я думала, вы были в Орегоне. Ты и Джабель проходили свои туры вместе и жили в одной квартире.

Мама кивает.

— Я начала тур с Джабель, но через несколько месяцев решила... — Она сделала паузу, чтобы перевести дыхание. — Решила, что не хочу возвращаться в стаю.

Я выпрямилась.

— Почему я не знала об этом?

Её губы сжимаются.

— Потому что я вернулась. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, кто заставил меня сделать это.

Потом я поняла. Я осознала, кто заставил её вернуться.

— Папа, — говорю я.

Её улыбка смягчилась.

— Он никогда не был в туре. Не было смысла. Никогда не хотел быть никем иным, кроме Драги. — Её губы дрожат, и она касается моей щеки. — Ты очень похожа на него. — Вздохнув, она роняет руку. — Во всяком случае, он приходил ко мне в Орегон раз в месяц... и каждый раз он пытался меня убедить вернуться вместе с ним домой. — Её улыбка стала мрачной. — И делал это очень требовательно.

Она смотрит мне в лицо.

— Я хотела уйти из стаи, Джасинда. Даже тогда. Она никогда не была моей, и твой отец не облегчал ситуацию. Так что я убежала. Я пришла сюда.

— Сюда?

— Я полагала, твой отец не найдёт меня здесь.

Я потираю руку. Чувствую, что она сухая как мел.

— Должна была так думать.

— Почти сразу мой Драги начал ослабевать. Даже когда я несколько раз не выдержала и рискнула лететь, было очень непросто обратиться. Это работало. Я была на пути становления человеком.

— Но ты вернулась.

— Я, наконец, столкнулась с реальностью. Хотела отказаться от стаи, но очень скучала по твоему отцу. Он не мог жить без Драги, а я не могла без него.

Смотрю на поверхность воды, спокойную и мёртвую, без малейшей ряби ветра и пытаюсь представить, как можно кого-то любить так сильно. Так сильно, что можно отдать всё. Так, как любила мама.

Смогу ли я принести жертву за тех, кого люблю? За маму и Тамру? Я уже потеряла папу. Действительно ли я хочу потерять и их?

Именно сейчас в воображении проскальзывает охотник, Уилл. Не знаю, почему. Может, потому что он позволил мне уйти... хотя был обучен делать противоположное. Это было так естественно для него. Охотиться на мой род и уничтожать его. Если бы он смог вырваться из своего мира, я бы вырвалась из своего. Я смогла бы быть такой же сильной.

Голос мамы гремит во мне.

— Знаю, что трудно принять это прямо сейчас. Вот почему я выбрала этот город. Пустыня будет заботиться о тебе. В конце концов.

В конце концов. Я должна просто ждать, пока мой Драги будет умирать. Рада ли буду я потом? Смогу ли я быть ей благодарной, как ей кажется?

Она сжимает моё колено.

— Заходи в дом. Я хочу сделать кое-какие покупки с тобой и твоей сестрой, прежде чем зарегистрировать вас в школе.

Моя грудь сжимается, я думаю обо всём, от чего мама отказалась ради меня, обо всём, что она потеряла. И о Тамре. У неё никогда не было ничего своего. Может, сейчас время. Время для них обеих.

— Джасинда Джонс, подойди сюда и представься.

Мой живот скрутился, когда она сказала это. Значит, я должна повторить всё в третий раз.

Я выскальзываю из-за парты, прохожу через рюкзаки, двигаясь в переднюю часть класса, чтобы встать рядом с миссис Шульц. Тридцать пар глаз смотрят на меня.

Мама подала наши документы в школу в прошлую пятницу. Она настаивала на том, что пришло время. Поступление в среднюю школу — первый шаг, чтобы освоиться в этом городе. Первый шаг, чтобы стать нормальной. Тамра в восторге и не боится этого.

Всю прошлую ночь, лёжа в постели, я думала о сегодняшнем дне. Думала о стае и обо всём, что я оставила. И что, что дневные полёты были отменены? По крайней мере, я могла летать. Правила стаи, которые так раздражали меня, теперь меркнут по сравнению с новой реальностью. Даже не знаю, почему я так сопротивлялась Кассиану. Лишь из-за Тамры? И

есть ли что-то внутри меня, кроме преданности сестре, которая была против того, чтобы я была с ним.

Меня окружают подростки. Человеческие подростки. Их голоса раздаются громко и безостановочно. Воздух полон ложным, приторным ароматом. Худший ад для Драко.

Не то чтобы я никогда не ожидала жить в их мире. Среди людей. Я бы, наверное, прошла тур. Но никто не проходит его в подростковом возрасте. Только став взрослым сильным Драко, и не в пустыне как эта. Всё не зря.

Я не поддаюсь искушению поцарапать руку. Ещё только весна, но сухая кожа уже зудит. Под жужжание флуоресцентных ламп, сквозь меня проходит боль.

Прочистив горло, я говорю хриплым голосом.

— Привет, я Джасинда Джонс.

Девушка спереди крутит прядь своих волос.

— Да. Мы уже знаем это. — Её губы непристойно глянцево.

Миссис Шульц спасает меня.

— Откуда ты?

Мама заставила меня зазубрить ответы.

— Из Колорадо.

Она ободряюще улыбается.

— Мило, мило. Ты катаешься на доске?

Я моргаю.

— Нет.

— В какую школу ты ходила?

Мама и в этом просветила меня.

— Я была на домашнем обучении. — Это было самым простым объяснением для моего поступления. Мы точно не можем попросить у стаи документы со школы.

Некоторые дети сразу засмеялись. Девушка, наматывающая прядь волос на палец, закатывает глаза.

— Фри-ик.

— Достаточно, Бруклин. — Миссис Шульц снова смотрит на меня, теперь она менее приветлива. Так, будто я призналась в чтении рассказа за первый класс. — Уверена, у тебя был интересный опыт. — Кивнув, я начинаю продвигаться к своей парте, но её голос останавливает меня, держит в заложниках. — У тебя есть сестра-близнец, так?

Я молчу, желая, чтобы этот допрос побыстрее закончился.

— Да.

Мальчик с небольшим красным лицом и маленькими глазами хорька бормочет.

— Двойное удовольствие.

Другие смеются. В основном, мальчики.

Миссис Шульц не слышит этого, или просто делает вид, что не слышит. Так ей удобнее. Я хочу прокрасться на своё место, и чтобы меня не замечали.

— Спасибо, Джасинда. Я уверена, что тебе здесь понравится.

Конечно.

Я возвращаюсь к своей парте. Миссис Шульц погружается в одностороннее обсуждение Антигоны. Я прочитала пьесу два года назад. В оригинале, на греческом языке.

Мой взгляд то и дело падает на окно с видом на стоянку. Над вытяжками сверкающих автомобилей, вдали, горы, разрывающие небо, зовут меня.

Я решила попробовать полетать. Мама делала это, когда была здесь. Это возможно. Сейчас трудно улизнуть. Мама держится близко. Она хочет забирать нас каждый раз со школы, так, будто нам по семь лет. Я не уверена, она делает это, потому что боится, что стая отследит меня в школе или, потому что беспокоится, что я сбегу. Я хочу думать, что она доверяет мне настолько, что знает, что я бы не стала делать этого.

Моё желание размять крылья на некоторое время не должно помешать маме и Тамре жить, как они хотят.

Сижу на своём месте, карта города в моём кармане сейчас даёт мне лишь надежду. Я изучала её уже несколько раз, запоминая каждый парк в этом районе. Только то, что я живу здесь, не значит, что должна слабеть. Только мысль о полёте, поддерживает меня. Рискованно это или нет, я снова попробую ветер.

Звенит звонок, и я со всеми остальными покидаю класс.

Глаза хорька поворачиваются ко мне и представляются.

— Привет. — Он медленно кивает, что помогает ему оценить меня. — Я Кен.

— Привет, — говорю я, интересно, почему он подумал, что своим замечанием «двойное удовольствие» покорила меня.

— Помочь найти следующий класс?

— Нет. Я сама. Спасибо. — Шагая мимо него, я спешу к моему шкафчику, опустив голову.

Тамра ждёт меня.

— Как всё прошло? — радостно спрашивает она.

— Хорошо.

Её улыбка ускользает.

— Ты должна быть открытой для этого, Джейс. Только ты можешь помочь себе быть счастливой.

Я работаю с комбинацией «портить и начинать снова».

— Достаточно психологии, пожалуйста.

Она пожимает плечами и проводит руками по своим железно-прямым волосам. Сделать их такими заняло у неё час, но она увидела такие в журнале и решила соответствовать картинке. Мои золотисто-рыжие волосы вьются беспорядочной тропинкой. Наэлектризованные. Как и остальная часть меня, они пропускают туман.

Я исследую её, такую шикарную, в удобном красном топе, тёмных джинсах и сапогах до колен, которые она купила в минувшие выходные в благотворительном магазине. Несколько парней проходят мимо и внимательно смотрят. В этом мире она чувствует себя как дома, не страдает по поводу меня, даже не тоскует больше по Кассиану. И я рада за неё. Правда. Только бы её счастье не было моим страданием.

— Постараюсь. — Я обещаю, подразумевая именно это. Не хочу рушить это лишь только ради неё.

— О. Чуть не забыла. — Она роется в своей сумке. — Посмотри. Будут проводиться пробы на вступление в команду группы поддержки на следующий год. — Я смотрю на ярко-оранжевую листовку в её руке и вздрагиваю, когда вижу девочек в очень коротких юбках, делающих сальто. Она шевелит бумажку. — Мы должны попробовать вместе.

Наконец, мне удаётся открыть шкафчик, и я меняю учебники.

— Не-а. Ты сама иди...

— Но ты такая, — её янтарный взгляд многозначно несётся по мне, — спортивная. —

Она, возможно, имела в виду, Драко.

Я качаю головой и открываю рот, чтобы подчеркнуть моё нежелание, а затем остаиваюсь. Моё тело дрожит. Крошечные волоски на задней части шеи покалывают в боевой готовности. Учебники выскальзывают из рук, но я не двигаюсь, чтобы поднять их.

Тамра опускает листовку.

— Что? Что это?

Я смотрю через плечо на переполненный зал. Звенит предупреждающий звонок, и все начинают беспорядочно двигаться. Хлопают двери шкафчиков, подошвы обуви визжат на кафельном полу.

Я по-прежнему на месте.

— Джейс, что? — Я качаю головой, не в силах что-либо произнести, когда мой взгляд цепляется за каждое лицо. Посмотри на него. Я нашла его взглядом, прежде чем осознала, прежде чем поняла... Красивый парень. Моя кожа туго сжимается. — Джасинда, что такое? Мы опоздаем на урок.

Меня это не волнует. Я не двигаюсь. Это не может быть он. Он не может быть здесь. С чего бы это ему быть здесь?

Но это он.

Уилл.

Выше всех вокруг, он стоит рядом со шкафчиками. Кучерявая Бруклин теребит подол его рубашки, бесстыдно опираясь на парня, блестящие губы двигаются без остановки. Он улыбается, кивает, слушает её, но я чувствую, что это его не волнует, что он в каком-то другом месте... или хочет там быть. Так же, как и я.

Я не могу отвести взгляд.

Медово-коричневые волосы небрежно падают на лоб, а я помню их тёмными, мокрыми, зачёсанными назад. Помню нас двоих в пещере, когда он положил свою руку на мою, помню искру, которая прошла между нами, прежде чем его лицо стало таким резким и сердитым. Прежде чем он исчез.

Тамра вздыхает рядом со мной и оборачивается, чтобы увидеть.

— Ах, — бормочет она. — Вкусный. Однако очень жаль. Похоже, у него есть девушка. Ты должна обратить внимание на кого-нибудь другого, — она вздыхает передо мной. — Джейс! Ты светишься!

Это заставило меня отвести взгляд. Я смотрю вниз на свои руки. Моя кожа размывается, слабо мерцает, будто посыпана золотом.

Драко во мне суетится, покалывает, стремится выйти наружу.

— Боже, возьми себя в руки, чёрт побери! — Тамра шипит, наклонившись поближе, — ты видишь горячего парня и начинаешь проявляться? Имей хоть немного контроля.

Но я не могу. Это то, что Тамра никогда не понимала. Когда эмоции накаляются, Драко выходит наружу. Во время страха, волнения, возбуждения... он появляется. Это то, кем я являюсь.

Я оглядываюсь назад на Уилла и радость хлещет через меня. А под ней, страх, что он здесь, на виду.

Сестра хватает меня за руку и сильно сжимает её.

— Джасинда, остановись! Перестань сейчас же!

Уилл поднимает голову с внезапностью хищника, учуявшего свою добычу, и мне интересно, действительно ли охотники люди. Возможно, они не просто потусторонние, как

Драко. Он смотрит вокруг, обыскивая зал, когда я пытаюсь контролировать себя. Прежде чем он увидит меня. Прежде чем узнает.

Мои лёгкие начинают тлеть, я улавливаю знакомый пожар внутри в тот момент, когда его карие глаза фиксируются на мне.

Дверь моего шкафчика хлопает, и я отрываю от него взгляд. Смотрю на Тамру. Её рука лежит на дверце шкафчика, кончики пальцев, вцепившиеся в металл, побелели.

Звенит звонок.

Она очень быстро хватается мои книги с пола и тянет меня в сторону женского туалета. Я смотрю через плечо на то, как люди в спешке покидают помещение. Духи, одеколоны, лосьоны, лаки для волос, гели... они забивают мои чувства. Здесь ничто не кажется реальным. Кроме парня, глядящего мне вслед. Он наблюдает. Его блестящий взгляд преследует меня как хищник, которого я чувствую в нём. Он отходит от шкафчиков кошачьей размашистой походкой.

Драко продолжает перемещаться, проснувшийся, живой, голодный, он наблюдает за мной. Тело дрожит, я чувствую покалывание и зуд в спине, там, где проталкиваются крылья. Я держу их внутри. Они там, но не дремлют.

Рука Тамры тянет меня сильнее. И я теряю его из виду. Его поглотила толпа людей, как множество мотыльков, танцующих вокруг света, которые скопились в коридоре.

Но я всё ещё чувствую его. Тоскую по нему. Знаю, что он там даже тогда, когда не вижу.

Ноздри вспыхивают от острого запаха вяжущего средства. Мгновенно мой Драко ослабевает. Я сжимаю рукой нос и рот. Намёк на огонь в лёгких умирает. Спину перестаёт покалывать.

Взгляд Тамры скользит по мне, и она вздыхает. Только меня она одобряет. Хочет видеть меня лишь рядом с собой. Особенно здесь, в этом новом мире, надеется завоевать меня для себя самой.

— Ты больше не сияешь. Слава Богу! Ты пыталась это остановить?

Я смотрю на дверь туалета. Он проходит, почти как я и ожидала.

— Он видел?

— Я так не думаю. — Она пожимает плечом. — Он не поймёт, что увидел, в любом случае.

Это так, я полагаю. Даже охотники не знают, что Драко проявляются в человеческой форме. Это наша самая тщательно охраняемая тайна. Наша самая большая защита. И я не развернула свои крылья в коридоре. Не совсем, в любом случае.

Я обнимаю себя руками, когда бодрящий гул исчезает из моего сердца. Понимаю, что это мой шанс. Я могу рассказать ей о Уилле. Признаться, как рисковала, в тот день с ним в пещере... Признаться, как рискую прямо сейчас. Могу рассказать всё в этом гнилом туалете. Тамра щурится.

— С тобой всё будет в порядке? Может мне позвонить маме?

Я просчитываю это. И многое другое. Как и то, что сделала бы мама, если бы я ей всё рассказала. И сразу понимаю. Она заберёт нас со школы. Но и не присоединится к стае. Нет. Она просто перевезёт нас в другой город. В другую школу в пустыне. Через неделю, я, возможно, пережила бы этот несчастный день снова, страдая от тёплого климата, но уже без этого красивого парня рядом с собой. Парня, который не испугался меня в облики Драко, и с исчезновением которого, я потеряла часть себя. Как я могу уйти от этого? От него?

Тамра стряхивает со своих плеч красивые волосы, когда исследует меня.

— Я думаю, мы в порядке. — Она машет на меня пальцем. — Но оставайся в стороне от него, Джасинда. Даже не смотри на него. По крайней мере, пока не можешь полностью контролировать себя. Мама говорит, это не должно занять много времени, прежде чем... — Она, наверное, увидела что-то на моём лице. Сестра смотрит в сторону. — Прости, — бормочет она. Говорит это, потому что любит меня. Не потому что, действительно, хочет попросить прощения. Просто желает, чтобы я была нормальной. Как она сама. Чтобы мы смогли заниматься такими обычными делами, как, например, черлидинг.

Мой желудок сжимается. Я забираю у неё книги.

— Мы опаздываем.

— Нам можно. Мы новички.

Я киваю, теребя сильно загнутые уголки учебника по геометрии.

— Увидимся в обед?

Тамра движется к зеркалу, чтобы проверить свои волосы.

— Помни, что я сказала.

Я молчу, глядя на её красивое отражение. Трудно поверить, что я близнец такой изысканной девушки.

Она заводит идеальную прядь золотисто-рыжих волос за плечо.

— Держись подальше от этого парня.

— Хорошо, — соглашаюсь я, но, когда выхожу в пустой коридор, останавливаюсь, сканируя всё слева и справа. Надеюсь. Боясь.

Но его здесь нет.

Я прячусь во время обеда. Трусливо, знаю, но когда я сталкиваюсь с двойной дверью, ведущей в столовую, большое пространство заставляет меня чувствовать себя больной. Не могу вынести мысли о том, чтобы войти.

Вместо этого гуляю по коридорам, игнорируя чувство голода и вины того, что я не с Тамрой. Но, так или иначе, я знаю, что она будет в порядке. По крайней мере, могу убедить себя в этом. Она ждёт этот день с детства. С тех пор, как я проявилась, а она нет. Когда Кассиан начал игнорировать её и стал мечтой вне досягаемости.

Я нахожу библиотеку. Тут же вдыхаю запах затхлых книг и наслаждаюсь тишиной. Я проскальзываю за стол возле окна, смотрю на школьный двор и отдыхаю до звонка, глядя на муравейник.

Я словно во сне всю оставшуюся часть дня. Облегчение охватывает меня, когда я делаю это на последнем уроке. Почти готово.

Во время седьмого урока в классе полно людей, которые либо вообще отказались от лёгкой атлетики, либо которым средний балл не позволяет заняться ею. Это я узнала от Натана, который ходит за мной тенью с пятого урока.

Он садится рядом со мной. Его мясистые губы буквально выплёвывают каждое слово со слабыми брызгами слюны.

— Итак, Джасинда. Что же ты такое?

Я моргаю, медленно приходя в себя, прежде чем понимаю. Конечно. Он не это имеет в виду.

— Ну, я не знаю.

— Я? — Он показывает большим пальцем на свою припухшую грудь. — Я не могу сдать английский. Что очень плохо, потому что наша футбольная команда действительно могла бы выиграть, если бы я был на линии. А что насчёт тебя? — Его взгляд путешествует по моим длинным ногам. — Что ты делаешь в читальном зале? Вижу, ты могла бы играть в волейбол. У нас хорошая команда девушек.

Я запрокидываю выбившуюся прядь волос за ухо. Она снова освобождается и падает мне на лицо.

— Я не хочу вступать ни в какие команды в середине семестра. — Или вообще никогда.

В кабинете находятся несколько чёрных парт. Мистер Хенк, учитель физики, стоит за их большой версией в передней части помещения. Он смотрит на класс с мрачным выражением лица.

— Что-нибудь поделайте. Только не разговаривайте. Учите или читайте спокойно, пожалуйста. — Он размахивает оранжевым блокнотом. — Кому-нибудь нужно выйти? В библиотеку, например?

Натан смеётся, половина класса за ним. Звонка ещё не было, но, похоже, все уйдут до того, как он прозвенит.

— И там идёт толпа. — Натан смотрит на меня и заговорщически склоняется. — Хочешь выйти отсюда? Здесь неподалёку есть Naagen-Dazs

— Нет. Мама забирает меня и мою сестру со школы.

— Жаль. — Натан стесняет меня. Я передвигаюсь ближе к краю парты. Его взгляд бродит по мне.

Локоть задевает один из моих учебников, и я с благодарностью прыгиваю со стула, чтобы поднять его. Присев на корточки на грязной плитке, тянусь за книгой, крошечные волоски на задней части шеи начинают вибрировать. Я дышу чаще. Сжимаю губы, пытаюсь успокоиться. Моя кожа стягивается, и я уже понимаю, что это он, ещё до того, как он заходит.

Я знаю это. И я хочу, чтобы это был он, несмотря на предупреждающий голос Тамры у меня голове. Вытирая потную ладонь о джинсы, я из-под стола смотрю на дверь. Узнавание горит глубоко в груди, но я по-прежнему сижу там же, прижавшись к полу и наблюдая, как он входит.

Я заставляю себя подождать. Может быть, он тоже сдаст экзамен и исчезнет вместе с другими.

Но он не становится в очередь. Он с тетрадью в руке идёт в кабинет. Затем останавливается, странно повернув голову. Так, будто слышит какой-то звук. Или чувствует необычный запах. Так же, как смотрел в коридоре. Прямо перед тем, как увидел меня.

Я верчу свой учебник, позволяя заострённым углам колоть чувствительные подушечки пальцев.

— Эй, ты в порядке? — Голос Натана проносится надо мной.

Морщась, я заставляю себя встать и заползти обратно на стул. — Да. — Я не могу скрываться вечно. Мы учимся в одной школе. И, видимо, в одном корпусе.

Я смотрю прямо перед собой, на доску. Куда угодно, только не на него. Но это невозможно. Так же, как постоянно держать глаза открытыми, хотя им необходимо моргать. Я в такой же ситуации.

Его взгляд находит меня. Он подходит к нашей парте. Я задерживаю дыхание, жду, пока он пройдёт. Только этого не происходит. Он останавливается, я слышу его топот.

Он близко. Я смотрю в глаза, у которых нет определённого цвета. Зелёные, карие, золотые, — если смотреть долго, может закружиться голова. Я вспоминаю выступ, где мы были вдвоём во влажном, ограниченном пространстве. Руку на моей коже Драги. Слово, которое, как мне кажется, он сказал.

Дрожа, я освобождаюсь от его взгляда и смотрю вниз, на парту, сосредоточившись на сбывшемся дыхании. Я оглядываюсь на звук его манящего, бархатного голоса.

— Не возражаешь, если я сяду здесь? — спрашивает он Натана в то время как смотрит на меня.

— Думаю, нет. — Натан пожимает плечами, снимая неопределённость, и смотрит на меня, схватившись за рюкзак. — В любом случае, я шёл в библиотеку. Увидимся позже, Джасинда.

Уилл ждёт чего-то, смотря на свободный стул, перед тем как сесть. Как будто ожидает, что я что-то скажу. Остановить его? Пригласить его? Я не знаю.

Он поворачивается на стуле и улыбается. Просто небольшой улыбкой, но такой прекрасной. Такой чувственной.

Опасное тепло начинает струиться во мне. Прямо сейчас, как на зло. Моя кожа стягивается, желая превратиться в кожу Драги. Знакомые вибрации набухают в груди. В горле растёт мурлыканье. Инстинкт берёт своё, и я боюсь, что если скажу что-то, это прозвучит грубым голосом Драги.

Забавно. Я волновалась за то, что в такой пустыне мой Драги ослабеет, умрёт, как и хочет мама. Новдали от этого парня я никогда не чувствовала себя такой живой, такой

лёгкой. Я вытираю руки друг о друга, желая, чтобы кожа остыла. Чтобы мой Драги исчез. По крайней мере, сейчас.

Тишина, мы сидим. И это самое странное. Он знает про меня. Ну, не совсем про меня. Он не может знать, что эта я и есть та я. Знает о нас — о нашем виде. Он увидел меня. Знает, что мы существуем. Он спас меня. И я хочу знать о нём всё. И всё же, я ничего не могу сказать. Ни одного слова. Я слишком занята тем, что пытаюсь контролировать себя, расслабиться. Пытаюсь прогнать Драги. Я хочу узнать этого парня поближе, но без дыхания, без разговоров, не знаю как.

Единственное что мне нужно знать о нём это то, что его семья охотится. Я не должна забывать об этом. Никогда. Они убивают мой род и продают нас энкросам. В их руках мы были либо порабощены, либо умирали. Моя кожа сжимается, и я напоминаю себе, что он является частью этого тёмного мира. Даже если он помог мне, я должна избегать его. И не потому, что Тамра сказала мне это. Я должна собрать свои вещи и сесть за другую парту.

Вместо этого, я остаюсь на своём месте, внимательно балансируя на стуле, так чтобы наши тела не соприкоснулись.

— Итак, — говорит он в середине разговора. Так, будто мы хорошо знаем друг друга. Я чувствую нервный тик на глазу, когда слышу звук его голоса. — Ты новенькая.

Мне хочется задушить что-нибудь.

— Да.

— Я видел тебя раньше.

Я кивнула и сказала:

— Раньше в холле. Да, я тоже видела тебя.

Его тёплый взгляд скользит по мне.

— Точно. И ещё на физкультуре.

Я нахмурилась. Не помню, чтобы видела его на четвёртом уроке, не помню, чтобы чувствовала его.

— Ты бежала по дорожке, — пояснил он. — Мы были в бассейне. Я видел тебя в окно.

— О... — Я не знаю почему, но мне нравится, что он смотрел на меня.

— Ты выглядела довольно быстрой.

Я улыбаюсь. Он улыбается в ответ, на щеках появляются ямочки. Моё сердце сжимается крепче.

— Я люблю бегать. — Когда я бегу очень быстро, ветер бьёт мне в лицо, и я почти могу претвориться, что лечу.

— Иногда, — продолжает он, — мальчики и девочки занимаются на физкультуре вместе. Хотя, я не уверен, что смог бы бежать в ногу с тобой. — Его голос низкий, глубокий. Он тепло ласкает меня изнутри, заставляя странным образом закручиваться низ живота.

Я представляю этот сценарий, представляю, как мы бежим бок о бок. Он говорит, что хочет этого? Поверх моих губ дрожит воздух. Конечно, я бы хотела побегать вместе с ним. Но я не должна. Я не могу. Это была бы плохая идея.

Двое парней заходят в кабинет до звонка. Они смотрят в нашу сторону. На Уилла, не на меня. Меня они не замечают.

Один с короткими иссиня-чёрными волосами идёт впереди другого. Его лицо элегантно, узкое, с красивыми тёмными глазами. Опасение проходит сквозь меня. Его глаза мертвенно-холодные, расчётливые.

Друг парня щеголяет рядом с ним, его волосы такие рыжие, что даже глазам больно

смотреть.

— Эй. — Тёмный кивает в сторону Уилла, останавливаясь у нашей парты, я съёживаюсь, чувствуя себя под угрозой.

Уилл откидывается на стул:

— В чём дело, Ксандер?

Ксандер выглядит почти... смущённым. Выгнув бровь, его внимание переключается на меня. И тогда я осознаю. Он не понимает, почему Уилл сидит здесь. Со мной.

Я не понимаю, как. Может быть, в какой-то степени Уилл помнит, узнаёт меня. Капельки пота проступают на ладонях. Я сжимаю бёдра под партой.

Рыжий попадает в точку.

— Ты не с нами сидишь?

Уилл пожимает плечом.

— Не-а.

— Ты пьяный, что ли? — спрашивает Рыжий.

Ксандер не говорит. Он продолжает следить за мной. Этот чернильно-тёмный взгляд заставляет меня чувствовать себя плохо. Одно слово заполняет голову. Зло. Странные мысли. Мелодраматические. Но я Драко. Я знаю, зло существует. Оно охотится на нас.

Я беспокоюсь ёрзаю на стуле. Очевидно, Ксандер понимает, что его друга не захватили. По какой-то причине, Уилл хочет сидеть со мной. Я считаю, что он пересел ко мне, чтобы привлечь к себе внимание.

Естественно. Просто веди себя естественно, Джасинда.

— Я Ксандер, — представился он.

— Джасинда, — надеюсь, чувства не отражаются на моём лице.

Ксандер улыбается мне. Думаю, это действует на многих девушек.

— Приятно познакомиться.

Я натягиваю слабую улыбку.

— Мне тоже.

— Я думаю, ты ходишь со мной на уроки охраны здоровья. — Его голос приятный, гладкий.

— Должно быть, ты имеешь в виду мою сестру Тамру.

— А, близняшки?

Он говорит слово «близняшки» с шоколадом во рту, так, будто это что-то богатое и упадочное. Мне остаётся только кивнуть.

— Классно. — Его взгляд на моём лице заставляет чувствовать себя обнажённой. Наконец, он смотрит в сторону и хлопает рукой по спине рыжего. — Это мой брат, Ангус. — Я моргаю. Они совсем не похожи. За исключением угрозы, которые оба излучают. Он продолжает. — И я думаю, ты уже знакома с Уиллом. — Я киваю, хотя на самом деле это не совсем так. — Мы кузены.

Кузены. Охотники. Только не такие, как Уилл.

В лёгких появляется тепло. Я задерживаю дыхание. Подавляю всплеск огня в моём сердце, грохот вибрации внутри меня. Странно, хотя, я считаю, нет ничего удивительного. Укол тревожной теплоты появился вместе с этой парой. Они отличаются от других людей, окружающих меня. Представляют собой угрозу. Инстинкт подсказывает мне это.

Ксандер и Ангус никогда не позволили бы мне уйти. Они получили бы удовольствие от возможности убить меня. Я не знаю, куда смотреть. Осознание того, что они жестокие

охотники, давит на меня. Боюсь, что они увидят правду в моих глазах. Взгляд мечется в поисках безопасного места для отдыха.

— Действительно, — произношу я сдавленным голосом, не в силах удержаться, смотрю на них снова. — Кузены. Круто.

Губа Ангуса скручивается, поднимаясь над зубами, и я знаю, что это прозвучало глупо. Пустьшшка.

Ухмыльнувшись Уиллу, он пожимает плечами и отходит в заднюю часть кабинета, не обратив на меня внимания. Ксандер задерживается. Его хитрые глаза представляют большую угрозу. Умный из двух.

Он смотрит назад и вперёд, на меня и на Уилла.

— Ты идёшь сегодня вечером? — спрашивает Ксандер.

— Я не знаю.

Тёмные как у демона глаза Ксандера моргают с досадой.

— Почему нет?

— Мне нужно делать домашнее задание.

— Домашнее задание. — Ксандер произносит слово так, будто оно иностранное, и он никогда его не слышал. В какой-то момент он находится на грани того, чтобы разразиться смехом. Потом это всё отходит, и его голос становится жёстким. — Нам есть чем заняться. Наши отцы будут ждать тебя.

Уилл сжимает на столе руку в кулак.

— Посмотрим.

Кузен смотрит на него.

— Да. Посмотрим. — Затем его взгляд обращается ко мне. Его чернильные глаза смягчаются. — Увидимся, Джасинда. — Он уходит.

Как только он уходит, я вздыхаю с облегчением.

— Итак, — говорю я Уиллу, — твои кузены кажутся... милыми.

Какое-то мгновение он улыбается, потом его глаза становятся серьёзными.

— Ты должна держаться от них подальше. — Голос Уилла низкий, тёплый воздух дотрагивается до моей кожи.

Я как раз и собираюсь делать это, но, так или иначе, спрашиваю.

— Почему?

— Они не из тех парней, с которыми должны общаться хорошие девушки. — Сухожилия на его руке сжимаются, когда он двигает рукой. — Они идиоты. Многие скажут тебе это.

Я стараюсь говорить кокетливо, чтобы облегчить мрачное настроение.

— А что многие скажут мне о тебе? Ты хороший парень?

Он поворачивается и оказывается лицом к лицу со мной. Эти изменчивые глаза притягивают меня, напоминают о пышной зелени и коричневой земле дома, которого я оставила позади. Его лицо не мягкое. Углы жёсткие, точёные.

— Нет. Я не такой. — Он одёргивает голову.

Мистер Хенк игнорирует класс, отстукивая стаккато на клавиатуре компьютера.

В груди появляется жёсткое покалывание. Тлеет тепло.

— Почему ты сидишь со мной?

Молчание тянется так долго, что мне кажется, он уже не ответит, прежде чем он, наконец, произносит.

— Я не знаю. Тем не менее, пытаюсь понять.

Не знаю, что я ожидала от него услышать. Насколько хорошо он знает меня? Я едва дышу, боюсь, что слишком много тепла может найти выход через нос или губы. Делаю короткие вздохи и жду звонка.

В кабинете сохраняется постоянный гул из-за разговоров. Мистер Хенк заканчивает печатать. Его очки скользят на носу.

Я вскакиваю, когда слышу позади пронзительный смех. Поворачиваюсь и смотрю на девушку сзади, её стул зажат между двумя кузенами Уилла. Ангус щекочет её, и она подпрыгивает, её длинные светлые волосы узкой лентой пролетают в воздухе. Она цепляется за руку Ксандера так, будто он сможет спасти её от восхитительной пытки.

Ксандер с натянутой ленивой улыбкой выглядит скучающим. Словно почувствовав меня, он смотрит в мою сторону, улыбка исчезает с его лица. Тёмные глаза овладевают мной.

— Обернись.

Ускоренный пульс сдавливает горло. Я оглядываюсь на Уилла.

Его губы едва двигаются, когда он говорит.

— Поверь мне. Ты не захочешь быть одной из девушек Ксандера. Он никогда не бывает хорошим для них.

— Я едва ли говорила с ним. Не думаю, что...

— Я заметил.

Трепет проскальзывает через меня. Я тру влажные ладони о джинсы.

Затем он смеётся. Низко и мягко. Несчастный голос.

— Итак, да. Он заметил тебя. — Его губы скручиваются. — Сожалею об этом.

Звенит звонок, его неестественный резкий звук преследовал меня в течение всего дня.

И он ушёл. Оказался за дверью, прежде чем я успела собрать вещи и попрощаться.

Я снова борюсь со своим шкафчиком, стальной замок которого оставляет на пальцах холодные поцелуи. Органы внутри меня будто проносятся и сталкиваются друг с другом. Как ни странно, глаза горят. Хотят пролиться слёзы. Как же это глупо. Если я не могу открыть шкафчик, это не значит, что я слабачка.

Но это что-то большее. Я знаю. Это всё. Я сканирую пространство, надеясь, что Тамра скоро появится здесь, чтобы мы смогли уйти из этого жалкого места.

— Уилл Рутледж. Впечатляет. — Я оборачиваюсь на голос и узнаю девушку, которую видела на четвёртом уроке, физкультуре. Она была быстрее, чем многие другие девушки. Я помню её пробегающей по дорожке всего один раз. Её гладкие, тёмные волосы немного напоминают мне об Эз, но её глаза большие, сине-зелёные, смотрят из-под неровного края чёлки, которая слишком длинная, кажется, что она сама себе её подстригла.

— Прощу прощения? — говорю я.

— Уилл и его кузены. Они здесь некое зрелище. — Её голос низкий, гортанный, она словно волочит каждое слово.

— Действительно, — шепчу я.

— Богатые, горячие, с репутацией плохих парней, — кивает она. — Ксандер и Ангус пользуются этим. Они прошли через половину девочек в этой школе. Но не Уилл. Он... — Я наклоняюсь вперёд, стремясь ничего не пропустить из того, что она скажет. — Ну. Уилл... — Задумчивая улыбка появляется на её лице. — Он неуловимый. Ни одна из девчонок не интересуется его. — Она закрывает глаза и резко вздыхает. — Конечно, это заставляет нас хотеть его ещё больше. — Глупая радость трепещет у меня в груди. — Я Кэтрин, — объявляет она.

— Привет, я...

— Джасинда. Я знаю.

— Как ты...

— Все знают твоё имя. И имя твоей сестры. Поверь мне. Это не такая большая школа. — Она делает шаг вперёд и дотрагивается до замка на моём шкафчике. — Какой номер?

Я называю ей шесть цифр, удивляясь, что говорю незнакомке эту комбинацию, и что сама не могу открыть замок. Пальцы Кэтрин летают. Она поднимает ручку и освобождает дверь.

— Спасибо.

— Нет проблем. — Она опирается плечом о шкафчик и исследует его на наличие содержимого. — Совет. Можешь держаться от него подальше.

— От Уилла Рутледжа? — спрашиваю я, получая острые ощущения только от того, что называю его имя.

Она кивает. В какой-то момент я чувствую, что снова говорю с Тамрой. Разочарование просачивается сквозь меня. Всю мою жизнь мне давали советы, которым я должна была следовать.

Держу учебник по химии и тянусь за другим.

— Почему?

— Потому что Бруклин Дэвис сотрёт в порошок любую девушку, которая будет бегать за ним.

Я думала, она предупреждала меня о Уилле, потому что у него проблемы. Как он сам мне сказал. В это я могу верить. Это я уже знаю. Вспоминаю чувство сжимания тела каждый раз, когда он приближался.

— Ааа... — Киваю я, вспоминая девушку с урока английского. Затем пожимаю плечами. После побега от охотников, девушка с очень большим количеством блеска для губ не входит в круг моих страхов. Я и раньше имела дело с девушками, которые меня недолюбливали. На ум приходит Мирам, младшая сестра Кассиана. Эта девушка ненавидит меня. Она терпеть не могла, что семья: её отец, Кассиан — уделяли мне большое внимание. Даже её тетя во мне души не чаяла. Так, будто думала, что она моя мать или ещё кто-то. Но Кэтрин смотрит на меня так, словно ждёт, что я добавлю что-нибудь. — Я не собираюсь бегать за ним.

— Хорошо. Поскольку ты новенькая, Бруклин может превратить твою жизнь в ад. — Она вздрагивает и поправляет ремень своего рюкзака на плече. — Ну, на самом деле, если ты кто-угодно, она всё равно превратит твою жизнь в ад. Поверь мне. Мою превратила.

Я закрываю шкафчик. Звук рикошетом проносится по всему коридору.

— В любом случае, это не имеет значения, не так ли?

— Лишь предупреждение. Наверняка, она уже слышала, что он сидел рядом с тобой. И сейчас она обсуждает твою медленную смерть, так сказать.

— Так он сидел со мной. — Я пожала плечами. — Мы почти не разговаривали.

— Мы говорим о Уилле Рутледже, — напоминает она мне, как будто это что-то значит. И, конечно, это так. Но не таким же образом, что и для других девушек.

С Уиллом я связана. Каждое волокно моего существа помнит те моменты, в пещере, когда жертва и хищник ищут общий язык друг с другом. Но так как последнее, что я хочу сделать, это показать, что Уилл особенный для меня, я говорю:

— Так.

— Так? — Она подчёркивает слово. — Он не встречается с девушками со школы. Даже с трудом общается с каждой из нас. Бруклин знает это лучше всех. Просто рядом с ней будь поосторожнее.

— Так что, если Бруклин не может заполучить его, никто не может?

— Практически, — отвечает она.

Невероятно. Я здесь всего один день и у меня уже есть враг?

— Зачем ты мне это говоришь?

— Зови меня Добрым Самаритянином.

Я улыбаюсь и понимаю, что мне нравится Кэтрин. Возможно, я могла бы найти друга в этом месте, в конце-концов. Я не против друзей. Скучаю по Эз словно сумасшедшая. Не то что бы Кэтрин могла заменить ее, но она может сделать мое существование здесь более сносным.

— Спасибо.

— Садись завтра со мной.

Вместо Уилла. Как будто Уилл захочет сидеть со мной снова.

— Конечно.

— Прекрасно. — Она закрывает свой шкафчик и убирает непослушную челку от лица. — Мне нельзя пропустить автобус. Увидимся завтра.

Когда она исчезает в толпе студентов, я замечаю Тамру, прогуливающуюся в компании парня и девушки. Пока что сестра меня не заметила. Она улыбается. Нет, сияет. Такой

счастливой я её ещё не видела с времен смерти отца. Даже раньше. Когда стало ясно, что она не проявится.

Я не могу не грустить. Мне грустно и одиноко, хоть я и стою в переполненном зале.

Когда мы выходим на улицу, мама одна из первых стоит на обочине. Тепло переполняет воздух. Во рту и в носу привкус пара. Моя кожа чешется, обжигаясь на горячем воздухе. Я плотно сжимаю губы и спешу к машине.

Наш ржавый синий хэтчбек стоит нос к носу с цепью других автомобилей.

Тамра издаёт стон рядом со мной:

— Нам нужна наша собственная машина.

Я не беспокоюсь о том, как нам достать её. Когда мама делает покупки, проезжая на своём хэтчбеке несколько маленьких городов, она тратит много денег. И существует небольшой вопрос некоего выживания... поддержание крыши над головой, наличие еды в наших желудках. Мы едва наскребли столько денег, чтобы покрыть аренду и депозит дома. К счастью, сегодня она идёт на работу.

Тамра бросает на меня взгляд.

— Никто не пустит тебя за руль. Мне придется вести нас.

Я закатываю глаза. Это такая шутка в нашей семье. Мне можно летать, но нельзя водить машину, чтобы сохранить себе жизнь. Без разницы, сколько бы раз мама не учила меня, всё равно я безнадежна за рулём.

Тамра садится спереди. Я лезу на заднее сидение.

— Ну и как? — Громко и бодро спрашивает мама. Жаль, что она не может попробовать себя в группе поддержки вместе с Тамрой. Энтузиазма у нее хоть отбавляй.

— Отлично, — заявляет Тамра. Словно в подтверждение своих слов, она машет рукой в окошко ребятам, с которыми прогуливалась в холле. Они отвечают тем же.

Мне плохо. Наклоняюсь в сторону и позволяю лицу опереться на тёплое, прогретое на солнце окно.

Мама смотрит через плечо.

— А ты, Джасинда? Встретила хороших ребят?

Лицо Уилла всплывает в моей памяти.

— Парочку.

— Прекрасно. Видите, девочки? Я говорила вам, что этот переезд будет полезен для нас. — Будто мы все вместе решили начать все заново, а не скрываться в ночи. Словно у меня был выбор.

Видимо мама не слышит мучений в моем монотонном голосе. Или же она игнорирует это. Я подозреваю последний вариант. Для родителей проще игнорировать, притворяться, что все здорово, а затем делать все, что они хотят, полагая, что и вы этого хотите.

К счастью, машина движется вперед, выезжая из забитой автомобилями стоянки. Несколько раз мы резко останавливаемся, позволяя ученикам уйти с дороги. Все, кроме детей, которые задерживаются, собравшись в группы, стоят возле своих автомобилей.

Тогда я и обнаруживаю его. Автомобиль, который я видела раньше. В памяти восстает страх... во рту появляется металлический, медный, словно кровь, привкус. Моя кожа сжимается, желая исчезнуть. Я борюсь с проявлением, избавляясь от страха. Инстинкт Драги предназначенный для моей защиты, работает против меня.

Блестящий, чёрный Land Rover с откидным верхом припаркован на своём месте так, будто ему нужно будет быстро ускользнуть. У этого автомобиля есть своя функция. Он

больше, чем просто показатель высокого статуса.

Старые пружины стонут подо мной, когда я наклоняюсь.

— Мы можем выбраться отсюда?

Мама передвигается к автомобилю перед нами.

— Что ты предлагаешь? Мне просто пропустить линию?

Я ничего не могу с собой поделаться. Вновь смотрю на Land Rover. Группа девушек слоняется возле переднего бампера, близко к Ксандеру и Ангусу, которые опираются на капот. Бруклин среди них. Она разговаривает всем своим телом, встряхивает волосами, вымытыми дорогим шампунем, взмахивает руками в воздухе.

Я опускаюсь на заднем сиденье, удивляясь, почему он не среди них, каким бы радостным или разочарованным он ни был.

И я как будто вызываю его. Чувствую его прибытие. Моя кожа дрожит, и крошечные волоски на затылке встают дыбом. Как и в зале, прежде чем увидеть, я уже знаю, что он рядом.

Учитывая модель, я сажусь выше и ищу парковочное место. Он возникает между двумя автомобилями, шагая легко и уверенно, с грациозностью дикого кота. Солнечные лучи падают на его волосы и заставляют их переливаться золотым светом.

Образ Уилла снова заставляет мою грудь сжаться и легкие гореть. Я глубоко вдыхаю воздух через нос, пытаюсь охладить возросший внутри меня пожар.

Я, должно быть, издаю звук, возможно вздох. Не знаю, но Тамра оборачивается и смотрит на меня. Это напоминает мне время, когда мы были близки. Она корчит рожицу и выглядывает в окно. Я тоже смотрю. Не могу не смотреть.

Уилл останавливается, поднимая голову. Будто чувствует мой запах, что, конечно же, невозможно. Он не может чувствовать меня так, как чувствую его я. Но потом он находит меня.

В какой-то момент наши взгляды встречаются. Затем на его лице появляется улыбка. Он снова продолжает идти. Бруклин пропускает его. Уилл не сбавляет ради неё шаг, а она следует за ним, стараясь не отставать.

Тамра что-то бормочет под нос.

— Что? — спрашиваю я, защищаясь.

— Ты не превращаешься, я надеюсь.

— Что? — спрашивает мама. Снова тот высокий, тревожный тон, который я так привыкла слышать. Её бодрость куда-то испарилась.

— Джасинда почти превратилась сегодня в школе, — докладывает Тамра певучим голоском, который используют все плаксивые дети мира. Это напоминает мне то, когда я взяла её куклы и стала делать им причёски.

Мамины глаза находят меня в зеркале заднего вида.

— Джасинда? — требует она. — Что произошло?

Я пожимаю плечами, и смотрю в заднее окно.

Тамра достаточно мила, чтобы ответить за меня.

— Она начала превращаться, когда увидела этого симпатичного парня...

— Какого парня? — спрашивает мама.

Тамра показывает пальцем.

— Вон тот...

— Не показывай пальцем, — огрызаюсь я, чувствуя, как по лицу струится тепло.

Слишком поздно, мама уже заметила.

— Ты просто... увидела его?

— Да, — признаюсь я, соскальзывая вниз.

— И начала проявляться?

Я потираю лоб, чувствуя начинающуюся головную боль.

— Послушайте, я не хотела ничего делать. Это просто случилось.

Через грязные окна я смотрю, как Уилл садится за руль. Его кузены тоже запрыгивают внутрь. Они ему не очень нравятся, но он всё равно проводит с ними много времени. Это необходимое напоминание. Он относится к ним.

Бруклин наблюдает за ним тоже вместе со своими друзьями, её руки плотно скрещены на груди.

— Джасинда. — Мама называет моё имя тихо, с таким разочарованием, что я хочу бросить что-нибудь. Кричать. Мне больно, что я не оправдываю её ожиданий. Это заставляет меня чувствовать, что она не может любить меня так же, как я её.

Папа любил меня — он так гордился мной, когда я впервые проявилась. Помимо стаи, когда стало очевидно, что я огнедышащая. Первая в поколениях.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Но не мама. Мама никогда. У неё всегда была настороженность... будто я родилась каким-то опасным существом. Кем-то, кого она любила, не имея выбора.

Наша машина, наконец, движется. Я стараюсь не смотреть на Land Rover, проталкивающийся через толпу автомобилей.

Суровые морщинки собираются возле губ мамы, когда она выезжает из школы. Она кивает головой, будто это убеждает ее в чем-то.

— Хорошо, — говорит она. — До тех пор, пока ты действительно не проявишься... что не слишком-то легко сделать. — Она бросает на меня строгий взгляд. — Это как мышцы. Они потеряют силу, если не тренироваться.

Так было с ней. У меня есть лишь смутные воспоминания о мамином проявлении. Это было давно. Даже тогда, когда она могла, позволяла себе это изредка, предпочитая оставаться дома с Тамрой и мной в то время, как папа летал. Она полностью сдалась, когда Тамре не удалось проявиться.

— Я знаю.

Только я не она. Словно задыхаясь, я чувствовала с гордостью неуверенность в себе подле Кассиана... жизнь в этой пустыне, преднамеренное убийство моего Драко еще хуже.

— На всякий случай, держись подальше от этого мальчика.

Теперь моя очередь кивать.

— Конечно, — говорю я, думая об обратном. Думая о том, что могла бы ненавидеть свою мать немножко. Потому что, если я даже знаю, что мне следует держаться подальше от Уилла, я устала делать всё то, что она говорит. Было ли настолько плохо то, что от меня хотела стая, чтобы приехать сюда и быть в безопасности? Действительно ли Кассиан такой плохой? Не то, чтобы он мне не нравится. Просто не хочу, чтобы он был выбран для меня. Тем более что моя сестра влюблена в него с трёх лет. Он всегда брал Тамру на ярусные заезды, хотя мама кричала на него, чтобы он опустил её на землю. Что касается меня, я просто не хотела отставать. Мне больше ничего не было надо. Кассиан проявился и забыл нас обеих. Не замечал меня, пока не проявилась я. И Тамра... ну, предрешила свою судьбу, не превратившись в дракона. Кассиан совсем её забыл.

Безопасность. Безопасность. Безопасность.

Мама всегда произносит это слово. Безопасность. Это всё. Она привела меня к этому. Оставив стаю, убив во мне Драги, избегая парня, который спас мне жизнь, парня, который разбудил во мне Драги в этой жаркой пустыне — парня, которого я очень хочу узнать.

Она не может понять? Как можно быть в безопасности, если ты уже мёртв изнутри?

Миссис Хеннесси смотрит сквозь жалюзи. Должно быть, ждала нас. Мы входим через задние ворота, стараясь аккуратно закрыть их, чтобы они не скрипели.

И всё же, так же тихо, как и мы, она следит за нами. Миссис Хеннесси сделала очень многое с того момента, как мы переехали сюда. Так, будто в её дом въехала семья осужденных.

Видимо, я не единственная, кто это замечает.

— Она наблюдает за нами, — шепчет Тамра. — Снова.

— Не смотрите, — командует мама. — И говорите потише.

Тамра слушается и шепчет:

— Разве это не страшновато, жить на заднем дворе у какой-то старой леди?

— Это прекрасный район.

— И всё, что мы могли себе позволить, — напоминаю я Тамре.

Мы обходим бассейн, двигаясь друг за другом. Мама ведет, балансируя маленькой сумкой с продуктами. Я последняя. Смотрю вниз, на лазурно-голубой бассейн, чтобы увидеть своё дрожащее отражение. Химический запах жжёт мои ноздри.

Тем не менее, вода выглядит освежающей в этой сухой жаре, которая заставляет мои поры сужаться. У нас даже нет ванной. Только душевая кабина. Может, я смогу позже тайно поплавать. Я никогда не была хороша в следовании правилам.

Тамра ворчит:

— Я просто надеюсь, что она не обыскивала наши вещи, пока мы уходили.

Какие вещи? Мы в спешке ничего незаконного не вывозили. Одежда и несколько личных вещей. Сомневаюсь, что она сможет найти драгоценности. Даже я не смогу их обнаружить. И я видела, как мама уходила на поиски работы, немного скучая по ним.

Мама отпирает дверь. Тамра следует за ней внутрь. Я жду и ещё раз смотрю через плечо, чтоб найти миссис Хеннесси все еще смотрящей. Когда она видит, что я гляжу на неё, жалюзи закрываются. Обернувшись, я иду в пахнущий плесенью бассейна дом, задаваясь вопросом, во сколько она ложится спать.

Эта вода зовёт меня по имени. И пока, это ближе, чем небо.

Когда Тамра и я моем посуду, мама собирается на работу. Запах дорогого масла и сыра задерживается на кухне. Мамины макароны с пятидолларовым сыром и всевозможными травами мои любимые. Не то, чтобы она фантастический повар в целом. Просто она была верда драко.

Верда драко знают всё, что нужно знать о травах, в частности, как использовать их в продуктах питания и медикаментах. Мама может привести самое безвкусное блюдо к жизни. Также умеет делать компрессы на ночь, которые помогают от прыщей или высасывают яд.

Сегодня обед был для меня.

Она пытается быть хорошей — думаю, ей жаль меня. Я мамина забота. Она хочет, чтоб я была счастлива здесь. С Тамрой, это факт — она хотела оставить стаю годы назад.

Обед вкусный, восхитительный. Как дома. Мой живот приятно полон от большого количества пищи.

Мама появляется из своей комнаты в чёрных слаксах и фиолетовом топе, расшитом блёстками. Её голые плечи мерцают как бледный мрамор. Возможно, она загорит здесь. Я

хмурюсь. Возможно, мы все загорим.

— Девочки, вы уверены, что всё будет в порядке? — она смотрит на меня, когда спрашивает.

— С нами всё будет прекрасно, — бодро отвечает Тамра. — А теперь иди и заработай эти чаевые.

Мама шатко улыбается:

— Я попытаюсь, но действительно очень не хочу оставлять вас одних.

Я знаю, что это ужасно и эгоистично, но я рада, что она была занята в течение многих ночей. Слишком трудно быть рядом с ней сейчас. И таким образом, мне нужно волноваться только о Тамре, если я улизну. Когда я улизну. Как только я выберу самое безопасное место, чтобы проявиться. Это не должно быть далеко. Я должна буду идти, чтоб добраться туда, в конце концов.

Смех, как пузырьки кислоты в моей груди. Поскольку ни одно место чтоб проявиться, здесь небезопасно. Без тумана и гор для прикрытия, я никогда не буду полностью незаметна.

— Не ложитесь спать слишком поздно, — инструктирует мама. — И сделайте свою домашнюю работу.

Это — её первая ночь работы в местном казино. За ночную смену платят больше всего. Её не будет с десяти вечера до пяти утра. Получается, она сможет проводить нас в школу, вздремнуть, а затем возвращаться в течение нескольких часов за день, синхронизируя во времени, чтоб забрать нас из школы и провести вечер с нами. Идеально, пока она сможет работать на пяти часах дневного сна.

— Помните, миссис Хеннесси по соседству.

— Как будто мы собираемся беспокоить её. — Фыркаю я.

— Просто будьте осторожны, — её пристальный взгляд колеблется между мной и Тамрой, интересно, что действительно волнует её. То, что стая может обнаружить и забрать нас обратно? Или то, что я взлечу и вернусь к ним всем самостоятельно?

— Ты знаешь, — указывает Тамра. — Мы могли бы продать несколько рубинов, изумруд или алмаз. — Она пожимает плечами. — Тогда бы ты не беспокоилась. И не пришлось бы работать так много. — Моя сестра обводит взглядом, небольшую, обшитую деревянными панелями гостиную. — Тогда мы бы смогли арендовать хорошую квартиру.

Мама берёт кошелёк:

— Ты знаешь, что мы не можем сделать этого.

Поскольку стая узнает немедленно, если какие-либо драгоценности, принадлежавшие нашей семье несколько поколений, начнут циркулировать. Они будут искать эту вещь. Это то, что они ожидают, мы сделаем, чтобы выжить.

Если бы не это, я знаю, мама продала бы каждый драгоценный камень, которым мы обладали. Она не видит в них сентиментальной ценности. Камни — наше семейное наследство драко, в конце концов, и она хочет убить все связи с ними.

Драгоценные камни принадлежали нашим предкам. Поэтому в частности, на нас охотятся. Деньги. Алчность. Кроме того, жажда нашей крови, кожи и костей, которые, говорят, обладают целебными свойствами.

Но для нас это не деньги. Это жизнь.

Пахотные земли поддерживают нас, но драгоценные камни дают нечто большее. Они глазурь торта, чистейшая энергия земли. Они укрепляют нас. Как и наши предки, драконы, мы тоже можем обнаруживать их под землёй. Мы настроены на их энергию. Отсутствие

пахотной земли и драгоценностей равноценны голоду.

Тамра опирается руками о бёдра:

— Да ладно. Просто продай один. Мне нужна новая одежда.

Мама качает головой:

— У меня зарплата в пятницу. Посмотрим, на чём можно будет потом сэкономить.

— Будет ли сделка большой от продажи одного маленького камня? — я говорю легко, делая вид, что не полностью осведомлена о потенциальной опасности. Не говоря уже о боли потери одного их драгоценных камней моей семьи. Его продажа походила бы на продажу части меня. Но, возможно, она стоит того. Потому что ничего не останется от меня, если мне придется жить здесь. А так, стая нашла и забрала бы нас обратно.

Пристальный взгляд мамы колеблется на мне, сверкающий и твёрдый. Она видит сквозь мои слова, знает мою игру:

— Это было бы плохой идеей, Джасинда.

Это предупреждение. Её угрожающий тон ставит точку.

— Хорошо, — отвечаю я, устанавливая последнюю тарелку в сушилку и двигаясь через гостиную в комнату, которую делю с Тамрой.

— Джасинда, — зовёт она, когда я падаю на кровать. Мама идёт, останавливаясь в дверном проёме, смягчаясь. — Не сердись.

Я ударяю кулаком мягкую подушку.

— Что из всего этого, как предполагается, делает меня счастливой?

— Я знаю, это тяжело.

Я качаю головой — свернула на мою сторону. Не могу даже смотреть на неё. Она понимает. Она была там. Именно это выводит меня из себя.

— Ты приняла решение позволить своему Драги умереть. А теперь делаешь этот выбор для меня.

— Это и для меня нелегко.

Я впираюсь взглядом в неё через плечо. — Ты та, кто решил, что мы должны сделать это.

Она качает головой, сожалея, и на мгновение я думаю, что, возможно, смогу убедить её, что это ошибка. Может быть, она поймёт, что мне здесь не место, и никогда не будет.

— Я знаю, что это было моё решение. Я не давала вам выбора, — она соглашается. — Но я хочу, чтоб вы были в безопасности.

Я почувствовала внезапную слабость. Снова безопасность. Как я могу спорить с этим?

Она продолжает:

— А пребывание со стаей ещё больше не безопасно. Я твоя мать. Ты должна будешь доверять мне. Переезд сюда был правильным выбором. — Что-то такое было в ее тоне... что-то, что заставляет меня думать, что она не сказала мне всего. Со стаей намного опаснее, но она не хочет, чтобы я знала.

Я снова отвожу взгляд на клетчатые занавески. Вдохнув химический запах бассейна в доме, я ощутила жжение в носу. В этой комнате сильнее. Перебивает даже аромат плесени.

— Разве ты не опаздываешь на работу?

Ее мягкий вздох прозвучал в воздухе:

— Спокойной ночи, малышка. Увидимся утром.

Потом она ушла.

Она и Тамра сказали что-то друг другу. Слишком тихо, чтобы я смогла разобрать, так

что я поняла, что они говорят обо мне.

Я слышу, как впереди дверь открывается и закрывается, запирая меня в тюрьме.

Я не делила комнату с Тамрой с тех пор, как нам было по семь лет. Я не уверена, что смогу терпеть ее оптимизм, пока страдаю, но я постараюсь. Нет смысла портить ей настроение.

— Что ты завтра наденешь? — Она смотрит в наш шкаф. Трудно. В течение нескольких минут. Как будто что-то волшебное появляется, чего не было минуту назад.

Мама выделила нам большую комнату с большим шкафом. Который был не слишком заполнен. Размеры шкафа лишь подчеркивают недостаток нашего гардероба.

Я пожимаю плечами.

— Джинсы.

— Ты была в джинсах сегодня.

— Не существенно, если я надену джинсы снова. Я переодену верх.

Она шлепается на постель.

Я сидела по-индийски, втирая лосьон на ноги. Снова. Я использовала больше половины бутылки, но мое тело все еще чувствовало сухость и жажду, оно жаждало больше.

— Ты ничего не забыла в старом доме? — Спрашиваю я, надеясь, что, может быть, есть что-то, что может побудить ее к возвращению.

— Нет.

— Даже Кассиана? — смею я спросить.

Мгновенно ее настроение меняется. Ее выражение стало темнее тучи, когда она бросает:

— Он не принадлежит мне, чтобы я скучала по нему, верно?

Вот она. Старая рана.

— Это не останавливало тебя от ожидания его все эти годы.

— Кассиан не может быть с не проявившейся Драги. Его отец никогда не позволит этому случиться. Я сразу поняла это.

Действительно ли? Тогда почему я чувствую гнев? Боль? Почему она провожала его взглядом каждый раз все эти годы, если она понимает?

— Вы оба когда-то были близкими друзьями — напомнила я ей.

— Все трое были. Ну и что?

— Я не была так близка с ним, как ты.

Она вздыхает:

— Это было давно. Мы были детьми тогда Джейс. — Качая головой, она смотрит на меня. — Что ты собираешься делать с этим? Ты думаешь, что сможешь заставить меня поверить, будто у меня есть шанс с Кассианом? В то, что я вернусь к нему? Ничего себе, ты действительно отчаянно пытаешься вернуться, если думаешь, что я настолько глупа, чтобы купиться на это.

Кровь приливает к моей шее. Я что, настолько прозрачна?

— Просто я не могу поверить, что ты совершенно забыла о нём.

Её глаза блестят, голос дрожит от чувств:

— Ты имеешь в виду, мне обманывать себя? У меня нет шансов с ним. Стая не позволит этому случиться. Кассиан не позволит. Я начну здесь. — Её взгляд отвердевает, охлаждая меня. — У меня есть достоинство, Джасинда. Я не позволю глупому давлению остановить меня, наконец, от наличия жизни, так не можем мы просто забыть эту тему?

Игнорируя просьбу, я спрашиваю то, что не спросила в течение длительного времени, не решаясь, отказываясь подать сестре ложную надежду:

— Что, если ты не дала ему достаточно времени.

Её глаза вспыхивают яростью:

— Не лезь туда. Если бы я смогла проявиться, то уже сделала бы это.

Я пожимаю плечами:

— Может, ты поздно расцвела? Нидия проявляются поздно.

— Тринадцатилетние поздно расцвели, но не я. Теперь, пожалуйста, можем мы прекратить это? Я не хочу больше говорить о стае.

— Хорошо, хорошо, — обращаю внимание на свои ноги. Снова высохли.

Я качаю головой отчаянно, яростно. Моя рука работает тяжелее, втирая лосьон глубоко в кожу. Лосьон без запаха, потому что у меня было достаточно запахов, запахов, которые постоянно душат меня в человеческом мире.

Уже сейчас я чувствую себя другой. Это работает. Мама добилась своего. Мой Драги ослабевают. Умирает в этой пустыне.

Только не рядом с Уиллом.

Чувствую под пальцами кожу. Надежда порхает в груди. Да, не рядом с Уиллом. Около него мой Драги оживает. Уилл. Конечно, это рискованно. Но сейчас риск для меня — это воздух. Везде. Моя жизнь далеко не в безопасности — как бы мама не цеплялась за это.

Я следую за толпой девочек, направляющихся в спортзал, стараясь сохранить порядочное расстояние от множества тел. Это всё так подавляет. Посторонние запахи, звуки трения, нехватка открытого пространства и свежего воздуха. Ведение мячей, разносящее несвежий воздух, отскоки от деревянного пола становятся всё громче по мере моего приближения к двойным дверям спортзала.

— Похоже, мы играем с парнями сегодня, — говорит Кэтрин, когда мы вступаем через двери в кислый, насыщенный потом воздух.

Это чувство снова приходит ко мне, и я сразу понимаю, что он здесь. Я замечаю Уилла через весь тренажерный зал, смотрю, как он забивает трех очковый, подпрыгивая слегка на пятках. Даже прежде, чем мяч пролетает в корзину, он смотрит на меня. Знакомое тепло, прокрадываясь через грудь, согревает мое лицо.

— Мальчики на ту сторону, девочки на эту! — Тренер дует в свисток и жестами указывает стороны на корте.

— Ох, ужасный урок баскетбола, — бормочет Кэтрин, медленно растягивая слова. — Я предпочла бы пробежку.

Мы передвигаемся колонной для того, чтобы делать броски со штрафной линии. На середине площадки конец колонны мальчиков сталкивается с колонной девочек. Там, где они сходятся царит хаос, представители разных полов беззлобно ругаются друг с другом.

Краем глаза я замечаю Уилла, который выходит за линию и направляется ко мне и Кэтрин.

— Привет, — здоровается он со мной.

— Привет.

Кэтрин глядит на нас.

— Привет, — сухо отзывается она.

Мы с Уиллом оба смотрим на неё.

— Да, — говорит она медленно, убирая чёлку от глаз, и отворачивается.

— Итак, — начинает он, — Ты в баскетбол играешь так же хорошо, как и бегаешь?

Я смеюсь. Ничего не могу с собой поделать. Его сладкий, обезоруживающий голос заставляет биться сердце чаще. — Далеко не так же.

Разговор не продолжается, потому что мы движемся в наших линиях. Кэтрин смотрит на меня, её широко распахнутые глаза цвета моря полны осуждения. Как будто она не может понять меня. Моя улыбка исчезает, и я отвожу взгляд. Она никогда не сможет понять меня. Я никогда не смогу позволить ей. Никогда никому здесь не позволю.

Она смотрит мне в лицо, скрестив руки.

— Быстро вы стали друзьями. С самого первого года мне нравились... — Она смотрит вверх, как будто мысленно считая. — Три, нет — четыре человека. И ты четвёртая.

Я пожимаю плечами.

— Он просто парень.

Кэтрин становится возле линии штрафного броска, немного ведёт мяч и бросает его. Мяч пролетает через сетку. Она снова ловит его и бросает мне.

Я пытаюсь повторить её движения, но мяч пролетает низко, проскальзывает под корзиной. Я снова возглавляю конец колонны.

Уилл уже ждёт на середине площадки, пропуская вперёд себя других. Моё лицо нагревается в ответ на его очевидную задержку.

— А ты не шутила, — дразнит он меня под гром баскетбольных мячей.

— Ты сделал это? — спрашиваю я, жалея, что не видела его бросок.

— Да.

— Конечно, — дразню его.

Он пропускает вперёд себя другого подростка. Я делаю то же самое. Теперь Кэтрин на несколько человек впереди меня.

Он пристально рассматривает меня, моё лицо и волосы особо тщательно, как будто запоминает каждую чёрточку. — Да, хорошо. Я не могу бегать как ты.

Я двигаюсь в линии, но когда украдкой смотрю назад, вижу, что он тоже оглядывается.

— Вау, — Кэтрин бормочет своим дымным низким голосом, когда оказывается рядом со мной. — Никогда не думала, что произойдёт нечто подобное.

Я перевожу взгляд на неё. — Что?

— Знаешь. Как у Ромео и Джульетты. Любовь с первого взгляда и всё такое.

— Всё не так, — говорю я быстро.

— Могла бы хотя бы обмануть меня. — Мы снова встаём. Кэтрин делает бросок. Мяч попадает прямо в корзину.

Когда я бросаю, он отскакивает от жёсткого щита и дико пролетает в воздухе, ударив тренера по голове. Я хлопаю рукой по рту. Тренер едва спасает себя от падения. Слышен смех учеников. Она смотрит на меня и поправляет свою кепку.

Извинившись, я возвращаюсь к концу линии.

Уилл там, борется со смехом. — Мило, — говорит он. — Хорошо, что я был на другой части площадки.

Я скрещиваю руки и сопротивляюсь улыбке, сопротивляюсь возможности чувствовать себя хорошо рядом с ним. Но он всё портит. Я хочу улыбаться. Я хочу любить его, быть рядом, узнавать его. — Рада была тебя развлечь.

Его улыбка меркнет, и он снова начинает рассматривать меня с той самой странной тщательностью. Только я понимаю. Я знаю, почему. Он должен помнить... должен распознать меня в некоторой степени, даже если не может понять.

— Не хочешь сходить куда-нибудь? — внезапно спрашивает он.

Я моргаю: — Как на свидание?

— Да. Это то, что обычно имеет в виду парень, когда задаёт этот вопрос.

Удары проносятся со свистом. Парни и девушки отбивают мячи на противоположной стороне.

— На середине площадки драка, — тихо говорит Уилл, выглядя несчастным, когда смотрит на тренера, которая раскидывает трикотажные свитера. — Поговорим позже в читальном зале. Хорошо?

Я киваю, моя грудь сжимается, тяжело вздохнуть. Седьмой урок. Несколько часов на то, чтобы решить, встретиться ли мне с охотником. Выбор должен быть очевидным, простым, но моя голова уже раскаляется. Я сомневаюсь, что что-либо когда-нибудь снова будет лёгким для меня.

Кэтрин занимает мне место в столовой. Я проскальзываю рядом с ней и её другом... Видимо, один из трёх друзей, о которых она говорила, до сих пор учится в школе.

Она знакомит нас. Брендан долговязый молодой человек с подпрыгивающим кадыком.

Он сидит на корточках, откусывая бутерброд с арахисовым маслом, схватившись за него своими большими руками так, будто кто-нибудь может похитить его.

— Привет, — говорит он тихо, почти неслышно. Его бегающие карие глаза никогда не смотрят на меня долго. На самом деле, ни на что и ни на кого, кроме Кэтрин.

— Привет, — отвечаю я, затем пытаюсь найти сестру, игнорируя взгляды, направленные на меня. Так же, как игнорировала их весь день.

Я нахожу её взглядом в переполненной столовой. Держа в руках поднос, стоит с другой девушкой. Она выглядит такой самонадеянной. Такой уверенной в себе. Я никогда не видела её подобной.

Я ёрзаю на стуле. Надавливаю на место за ухом. Глядя на неё, я немного отчаянно царапаю кожу руки и вздрагиваю, когда начинает щипать. Смотрю вниз на пятнистую, раздражённую плоть. Я была такой весь день. Неудобно, слегка заболела. Бабочки в моём животе определённо не лучшего вида. За исключением спортивного зала сегодня. Я себя чувствовала хорошо там... рядом с Уиллом.

Тамра видит меня, замечает, что я сижу с людьми, поэтому заметно облегчается. Ей разрешено сидеть там, где захочет. Она кивает мне, когда присоединяется к столу, переполненному красивыми, хорошо одетыми подростками. Ясно, что это сливки старшей школы Чапаррал. Бруклин, конечно, среди них.

Ее вид на третьем уроке подтверждал все, что Кэтрин рассказала мне. Очевидно, она слышала, что Уилл сидел со мной вчера, поэтому выказала протест. Каждый раз, когда миссис Шульц отворачивалась к доске, Бруклин поворачивалась на своем стуле и одаривала меня испепеляющим взглядом. Интересно, знает ли она, что он разговаривал со мной во время урока физкультуры.

Полагаю, яростный взгляд, подобный тому, который заставляет большинство девочек хныкать. Мне всё равно. У меня есть проблемы посерьёзнее.

Я не видела Уилла с урока физкультуры. Как и не решила, встретиться ли с ним. Да, находясь рядом с ним мой драги словно подпитывается, и это всё. А я могу держать эту часть себя живой. Но он всё, чего мне следует избегать.

Для драги он смертельно опасен. Иронично, правда? Чтобы сохранить эту часть себя, я должна быть рядом с тем, кто эту часть убивает.

Я осматриваю столовую, но его нигде не видно. Должно быть, он обедает в другое время. Сожаление наносит удар по моему сердцу. И я злюсь из-за этого. Путаюсь. Мои пальцы возятся с пакетом кетчупа.

По крайней мере, я не видела его двоюродных братьев. Нет никакого беспорядка, когда дело доходит до них. Их нужно избегать любой ценой. Ксандер с его хитрыми глазами, и Ангус с его скрюченными губами. Я не знаю, как бы справилась Тамра, сидя за столом рядом с ними. Бруклин — это одно. Но они?

— Твоя сестра вписалась, — комментирует Кэтрин.

— Да, — бормочу я, открывая мою содовую, изо всех сил стараясь выглядеть в порядке, когда дело касается этого. Из-за себя.

Это не лишено смысла. Она должна вписаться в их окружение. Она сама практически человек. Она всегда любила поездки в город — куда угодно, где мы рисковали во внешнем мире, далеко от стаи. — Она хороша в этом, — бормочу я.

— В чём?

— В адаптации, — отвечаю я, потягивая апельсиновую содовую. Вид нежелательного

напитка, который мама никогда не позволит нам пить. Цитрусовые щекочут горло. Острый запах заполняет мой нос.

— Почему ты не там, с красивыми людьми?

Я пожимаю плечами.

— Ты могла бы быть, — спокойно вставляет Брендан, взявшись за бутерброд, застенчивая полуулыбка появляется на его лице. — Ты такая же красивая, как и она.

— Ну, конечно. — Кэтрин игриво толкает его в бок. — Они же близняшки.

Мои губы расплываются в улыбке. Я останавливаю картофельные чипсы на полпути ко рту. — Это всё, что нужно? Нужно быть всего лишь привлекательной, чтобы болтаться с ними? Ты красивая. Это должно помочь тебе тоже оказаться в этом кругу. Откусывая от чипсов, я беру гамбургер и рассматриваю сомнительную булочку. Сморщивая нос, я помещаю её обратно на гамбургер.

— Во всяком случае, твоя сестра должна быть осторожной.

Брендан добавляет несколько слов, — Они сделают её одной из своих.

Будто они вампиры. Тем не менее, его реплика заставляет меня похолодеть.

Потом я избавляюсь от дрожи. Мы с Тамрой сёстры. Мы любим друг друга. Никогда не причиним друг другу боль. И ничто не изменит этого. Может быть, наконец-то, её очередь принадлежать какому-нибудь месту.

Кэтрин кивает, отбрасывая слишком длинную чёлку от глаз цвета моря. — Он прав. Ты же не хочешь, чтобы она стала одной из них.

Я не хочу многого. Не хочу быть здесь. Не хочу потерять себя в этой новой жизни. Моя сестра болтается с популярными? Стоит ли добавлять это в список? Даже если это делает её счастливой?

Кэтрин машет бургером в одной руке. — Я говорю тебе, те девушки, как стая волков.

Потому что я не хочу беспокоиться об этом, я просто хочу провести свой день и выяснить, что же делать с Уиллом, я отшучиваюсь. — Ты такая оптимистичная, правда? Не говори. Бьюсь об заклад, ты чирлидер.

Брендан вздыхает.

Рот Кэтрин открывается — картина ужаса. Ее щеки краснеют. Она пожимает плечами. — Так, может быть у меня корыстные цели, касательно Бруклин.

— Правда? — передразниваю я.

— Раньше они были лучшими подругами, — отзывается Брендан. — В средней школе.

— Я говорила тебе, чтобы ты никогда не упоминал об этом, — укоризненно произносит Кэтрин.

— Правда? — спрашиваю я на этот раз без насмешки.

— Ну, да. Это закончилось в конце первой недели для новичков, когда были богинями популярности.

— Старшеклассницы — вставил Брендан. — выбрали Бруклин в качестве их протеже. С тех пор у меня просто плохая память.

А я не могу не думать о Кассиане, себе и всех других драго, счастливцев с талантами, которые стая сочла бесценными. Нам повезло. Там, я была восхитительной, ценной. В то время как Тамра стала невидимкой. Она и остальные, которые никогда не проявлялись.

Забавно. Здесь я ничтожество. Неинтересная в глазах моих сверстников. Странная девушка, которая неловко себя чувствует в своей шкуре — ну, в своей человеческой коже. Которой неудобно в ее окружении. Которая не знает, как говорить, действовать или

одеваться.

Это заставляет меня желать возвращения домой всё больше. Домой к стае. Даже если стая пытается меня контролировать. По крайней мере, там я — это я.

Медленно уверенность наполняет меня. Я должна сохранить своего драги в живых так долго, чтобы могла вернуться. Мысль, что он умирает, пугает меня, заставляет впадать в отчаянье. В достаточной мере, чтобы сделать то, чего не следует.

В достаточной мере, чтобы сказать Уиллу "да".

— Ты, вероятно, интересуешься, что же такого ты сделала в прошлой жизни, чтобы застрять здесь с нами. — говорит Кэтрин, пока заливает жаркое кетчупом, ее многочисленные кольца сверкают, пока она работает своими пальцами.

— Ну, спасибо, — шепчет Брендан.

Она одаривает его взглядом. — Не будь таким чувствительным. Ты же знаешь, что я тебя обожаю.

Я опускаю недоеденный бутерброд. — Конечно же, нет. Просто рада тем, кто хочет быть моим другом.

— Привет, Джасинда! — Натан обращается ко мне со своего стола. Он машет и рывком головы подзывает меня.

У Кэтрин проскальзывает улыбка. Она тянется за другим куском жареного мяса, избегая моего взгляда. — Есть много людей, которые хотят быть твоими друзьями. Иди. Садись с Натаном. Он порядочный парень — к несчастью, в розовой рубашке, но всё же. Без обид.

Я машу рукой Натану, но остаюсь на месте. — Мне хорошо там, где я есть. — Мне нравится быть с Кэтрин и тихоней Бренданом. Они не требовательны. Просты. Тем более, что сейчас всё сложно. Они мне нужны. — Конечно, если вы не хотите, чтобы я ушла.

— Нет. — У Кэтрин вспыхивает улыбка. — Оставайся.

Кивнув, я беру в рот чипсы. Мой взгляд скользит по помещению в поисках сестры. Её гладкие волосы лежат на плечах, такие же блестящие, как пылающий шёлк.

Тот парень, который шёл с ней вчера по коридору, сидит рядом с сестрой. Напротив него, другой соперничает за внимание. Симпатичные парни. Моё сердце расширяется немного. Из-за неё. Кто знал, что она умеет флиртовать? Кассиан был не единственным, кто отверг её, в конце концов. От неё отворачивались, когда она была рядом. Ребята со стаи редко с ней заговаривали. Их семьи очень боялись позволить им связываться с непроявленной. Они не рисковали загрязнить свой генофонд.

Я отворачиваюсь, смотрю вниз, на свой поднос. Сожалею, что не могу разделить с ней её радость. Сожалею, что должна делать всё от меня зависящее, чтобы следовать той жизни, которая делает её счастливой.

Сожалею, что возможно, в конце концов, я проиграю бой и вынуждена буду покинуть её.

День длится бесконечно. Такое ощущение, что седьмой урок никогда не наступит. Стрелки круглых настенных часов, кажется, двигаются с трудом по циферблату, проскакивая каждую минуту с нервным подёргиванием. К тому моменту, как я достигаю учебного зала, пульс в шее подскакивает одновременно с той подпрыгивающей минутной стрелкой.

Я колеблюсь некоторое время у входа, рассматривая полупустой класс. Наконец-то, я снова увижу его.

Сердце, как сумасшедшее, колотится. Я сажусь за ту же парту, что и в прошлый раз. С надеждой на то, что ОН придёт раньше Кэтрин, чтобы не пришлось ей объяснять, что хочу сидеть с ним. И я осознаю, что правда хочу: хочу сидеть с ним за одной партой, хочу разговаривать с ним, хочу встречаться с ним... хочу всё с ним. По крайней мере до тех пор, пока я здесь. И не только ради Драги, мне бы понравился Уилл Рутледж независимо от того, кем бы я была.

С мимолётной улыбкой на губах, предназначенной мне, Натан свернул к другой парте. По крайней мере мне не надо волноваться о нём, пытающемся сесть за мою парту. Предупреждающий звонок раздаётся у меня над головой. Дыхание ускоряется. Я смотрю на дверь теперь каждую секунду.

Кэтрин вбегает в класс с развевающейся чёлкой. Я, в свою очередь, пытаюсь скрыть своё разочарование так как она, а не Уилл, усаживается рядом со мной. Вот прозвенел звонок на урок, а я до сих пор жду, высматриваю Уилла.

Мистер Хэнк начал повторение пройденной темы своим нудным голосом. А я всё ещё смотрю на дверь.

— Его здесь нет. — говорит Кэтрин, после чего я, наконец, просыпаюсь.

— Кого?

— Уилла. Я видела, как он и его кузены уходили во время пятого урока.

Я пожимаю плечами так, словно мне всё равно; словно я не решила, что буду с ним встречаться; словно он вообще не спрашивал; словно каждая частичка моего естества не нуждается в нём.

— Всё в порядке. Смотря на то, какую энергетику вы с Уиллом испускали вчера и сегодня на физкультуре, я подумала, что ты его ищешь. — Говорит Кэт.

Я не отвечаю. Мои руки трясутся, поэтому прячу их под стол, я ведь рассчитывала на встречу с ним, на то, что почувствую своего Драги снова. Ведь только он приводит меня к жизни, напоминает мне... обо мне настоящей. Я нуждалась в этом, от этого чувствую себя разбитой. Чувство разочарования давит на меня.

Кэтрин начинает рыться в своём рюкзаке. К этому моменту отчаяние заполняет моё сердце достаточно, чтобы я спросила.

— Так где он? — говорю так, будто надеюсь что она знает.

— Здесь, — говорит она, передавая через стол записку. — Он просил меня передать это тебе.

Я смотрю на этот согнутый кусочек бумаги достаточно продолжительное время, и моё сердце снова начинает колотиться. Наконец, я его беру. Своими трясущимися пальцами разворачиваю холодную и хрустящую бумагу. Разглаживаю загиб, изучаю его почерк.

Джасинда,

Прошу прощения, но мне пришлось уехать из города по семейным делам. Постарайся никому из учителей случайно не заехать по голове, пока меня нет.

Скоро увидимся. (ну, недостаточно скоро)

Уилл.

Вздых облегчения срывается с моих губ. От одолевающих меня мыслей пришлось встряхнуться. Дурдом какой-то. Я связана с охотником, охотник связан со мной. Мне нужно знать больше, даже если он не может. Особенно если он не может.

— Он и его кузены пропускают очень много занятий — продолжает Кэтрин.

Охотно верю. Они были севернее этого места чуть более недели назад. Охотились за мной на водопадах. Я сомневаюсь что они ограничились до охоты по выходным. Они должны были пропускать школу.

— Правда. — Я прошлась своими пальцами по губам. Они потрескавшиеся. Сухие, как и я сама.

— Ага. — Кэтрин вытаскивает учебник по химии, открывает на периодической таблице начинает заполнять схему. — И представь себе... знаешь почему они пропускают так много?

Я качаю головой, несмотря на то что я знаю, даже лучше неё. Моё сердце сжимается в груди, словно кулак, всё сильнее и сильнее...

— Их семья увлекается рыбалкой внахлёт (с особой манерой забрасывания удочки). Мило не правда ли? Прогуливают уроки ради рыбалки. — Она стучит кончиком карандаша по столу во время изучения схемы. Звук эхом отдаётся в моём сердце, что вынуждает меня придвинуться к краю парты. Рыбалка внахлёт. Это звучало почти забавно, если бы из-за этого в груди так не заболело. Однако Кэтрин продолжает.

— Они отправляются в такие путешествия почти каждые... Джасинда, ты в порядке?

Уилл уехал... снова на охоту. Наверняка туда же, где они чуть не поймали меня. Охотиться на мою стаю. Уилл не спаситель, он убийца.

Это как раз тот отрезвляющий звоночек, в котором я так нуждалась. Я просто идиотка, если думала что охотник собирается меня спасти, защищать меня и сохранять мне жизнь. Я найду другой способ. От одолевающих меня эмоций сжимаю записку в кулаке, комкая её в шарик. Я забуду о Уилле, буду разделять какую бы то ни было связь с ним. Только вот от этого решения легче не становится, даже наоборот, боль в груди становится ещё сильнее.

В течение следующих нескольких ночей, я ухитрилась дважды сбежать, чтобы слетать на соседнее поле для гольфа. И после каждого раза я сильно болела. Проявление трудное и болезненное, но это не влияет на моё решение. У меня нет выбора, я должна стараться, я должна летать. Даже если бы Уилл был здесь, я бы всё равно это делала. Я должна научиться сохранять своему Драко жизнь самостоятельно. В то же время я работаю над мамой: убеждаю и умоляю сразу как только выпадает такой шанс. До тех пор пока мама не начинала смотреть на меня своим утомлённым, сосредоточенным взглядом; без всяких споров, но вместе с тем полная решимости остаться в Чапаралле. Тем не менее, сегодня очередь Тамры настаивать на своём. Мама отворачивается от плиты, держа в руках ложку в соусе маринара. Она спросила опять в своём недоверчивом тоне:

— Сколько?

Пар вырывается из кастрюли с пастой в воздух прямо за её спиной. В свою очередь я стараюсь не смотреть на это движущееся облако пара, так напоминающее мне туман там

дома. Моя кожа начинает побаливать. С трудом заставляю себя посмотреть опять на маму. Она выглядит уставшей, близко к её истинному пятидесяти шести летнему возрасту. Драги взрослеют по-другому: намного медленней. Наша средняя продолжительность жизни триста лет. Как только мы достигаем полового созревания, процесс старения замедляется. Сейчас моя внешность практически соответствует возрасту, но я буду выглядеть как подросток ещё некоторое количество лет, даже когда мне будет тридцать.

Для мамы время нагоняет упущенное — следствие отказа от Драги. Теперь она человек и наконец выглядит соответствующе: в морщинках на её лбу, в маленьких линиях у кончиков глаз. Эти линии постоянно красуются на её лице, теперь не только когда она волнуется.

Я встаю около стола с тремя тарелками полными еды в руках, смотря на то, как Тамра машет флайером, ловко избегая маминого вопроса.

— Давай, мам. Это классно смотрится на школьных объявлениях.

Я опускаю голову, ставлю тарелку на середину салфетки, пряча закатывающиеся глаза. Это то что Тамра хочет. Я должна постараться поддержать её. Стараться не давиться при виде фото, на котором Тамра развлекается с Бруклин и её подружками по группе поддержки.

— Это будет стоить много денег, Тамра.

— У нас нет денег?! — не могу я удержаться. Потому что вижу, как трудно маме работать. Этот запах дешевых сигарет из казино так сильно вьелся в её кожу, что даже если она примет душ и помоеет голову, он всё равно останется там, глубоко в её порах.

Тамра смотрит на меня. Я храбро смотрю на неё в ответ. Неужели она не видит мешки под мамиными глазами? Неужели она не слышит, как мама приходит домой в пять часов утра?

— Я могу устроиться на неполный рабочий день. Пожалуйста, мама. Просто подпиши анкету. Мы ведь даже не знаем, попаду ли я в команду. Мы должны будем заплатить только если я попаду.

Отчаяние в голосе Тамры — это что-то новенькое. Раньше, когда мы были в стае, я видела это только в её взгляде, но в голосе никогда не слышала. Там дома она хотела много вещей, но она смирилась с той жизнью, какой она была. Поэтому никак не могу понять, почему она так этого хочет?

Я задаю этот вопрос, не подумав. Теперь Тамра смотрит на меня своими янтарными глазами.

— Это то, на что я никогда раньше не надеялась, а сейчас это возможно.

И я, наконец, понимаю это, она действительно, будучи нормальной, может получить признание, независимо от того, на сколько мы пробудем в Чапаралле. На душе от осознания этого лучше не становится. Я понимаю, что как у нас здесь срастётся зависит по большей части от меня. Мама смотрит на этот бланк и морщинки около рта становятся всё глубже. Если она подпишет, Тамра сможет попробовать пройти отбор, если она попадёт в команду, то мы должны будем платить за форму и просто сдавать деньги на всё, что связано с группой поддержки. Только вот я не сомневаюсь что Тамра пройдёт. Бросаю на маму любопытный взгляд, что она на это скажет, может она уступит хотя бы одной из дочерей. Я понимаю, что это совсем другое, но всё же не могу перестать думать «Почему её не волнует, что хочу я?». Мама делает кивок, движение выражающее усталость и поражение.

— Хорошо.

В этот момент я тоже чувствую себя побеждённой.

С тех пор, как Уилл уехал, моя жизнь превратилась в однообразную рутину: школа,

ужин с мамой, домашняя работа, слушаю музыку и смотрю телевизор с Тамрой.

Я хожу по коридорам школы, словно холодный функционирующий робот. А тем временем мой Драги продолжает медленно исчезать. Страдая в тишине часть меня просто растворяется в темноте, как заживающая рана: пульсирует реже, болит меньше, ощущается меньше. После чего, мне ужасно хочется разорвать её, распороть зажившие её концы... заставить её кровоточить. Чтобы она помнила.

К пятнице я начинаю переживать по поводу Уилла, а вдруг с ним что-то случилось. Я почти каждую минуту думаю о том, где он, где охотится. Моя стая не единственная в той округе, просто мы никогда с другими стаями не связывались, поэтому не знаю, где именно Уилл мог бы быть. Я понимаю что это неправильно, но всё же надеюсь, что он и его семья охотятся на другую стаю. Только не на мою, я хочу, чтобы те, кого мы оставили там: Эз, Нидия... даже Кассинан, были в безопасности. Когда мои мысли возвращаются к Уиллу, я испытываю какие-то неоднозначные и страшные чувства: с одной стороны хочу, чтобы он вернулся в целостности и сохранности, но с другой, хочу чтобы тот Драги на которого он охотится был в безопасности. Два взаимоисключающих желания. Стараюсь не думать о плохом, а так же убедить саму себя, что моей стае ничего не угрожает; в конце концов, наш род не слабый, у нас есть свои таланты, свои сильные стороны. Так например, если заблудившийся путешественник каким то образом пройдёт через туманы Нидии, то туман скрывает это в его памяти и выпроваживает его обратно наружу.

Но охотники?

Это заставляет меня сжаться, так как это одна из тех тем, которые никогда не обсуждаются, но в душе всегда понятны. Стая должна быть защищена, даже если Туман скроет воспоминания охотника, ничто не мешает ему вернуться и охотиться на наш род. Он ведь всегда будет хищником. Нет, даже не так, он всегда будет хищником, жаждущим разрушений.

До этого момента, я никогда не видела ничего плохого в тренировках, даже после исчезновения отца, но сейчас...

Всё, что я вижу это лицо Уилла. Но когда я думаю о том, что он мёртв, в горле словно из ниоткуда появляется ком вместе с непередаваемой болью. Парень, который пощадил меня, чья красота кажется несбыточным сном, нереальной для меня сейчас, когда столько дней прошло с того момента, как я бросила на него свой последний мимолётный взгляд.

— Привет, Джасинда. — я поднимаю на свой испуганный взгляд. Лицо девушки знакомо, наверное мы на английском вместе учимся.

— Привет — здороваюсь с ней так, потому что не помню её имени.

Двигаясь вниз по коридору, я пытаюсь проснуться и выключить, в конце концов, этот дурацкий автопилот. Я стала как пустыня, которая меня окружает: сухая и безжизненная, привыкшая жить в середине «ничего».

Это как раз то однообразие, которое меня так беспокоит. Этот убаюкивающий прилив принятия, который угрожающе тянет меня вниз. Мама права, ничто лучше не убивает Драко, как безжизненная окружающая среда. Я не могу это оставить просто так. Я не могу здесь оставаться. Я должна найти выход из этой ситуации. Я должна летать, должна продолжать пробовать, не сдаваться.

Перед тем как войти в зал для самостоятельных занятий, делаю глубокий вдох. Мы не видели мальчишек сегодня на физкультуре, они сегодня занимались в качалке, а девочки в спортзале занимались с мячом. Я не знаю вернулся ли Уилл, однако говорю самой себе, что

это в любом случае не должно меня волновать. Я не могу с ним встречаться, не должна себе позволять надеяться на него. Я и не буду. Громко сказано, но так лживо. Потому что, не смотря на мою клятву его забыть, я не забыла, я помню всё, что с ним связано. Я даже чувствую его отсутствие, как потерю затенённых небес, туманов и пульсирующей земли. Он не может быть всем тем, что я помню, тем, что я так жажду увидеть снова. Даже если понимаю что это неправильно, даже если знаю, что должна сторониться его. Как только вхожу в зал, я спотыкаюсь, разглядев в конце помещения Ксандера и Ангуса. Холодное покалывание спускается по моей шее, от осознания очевидного.

Они вернулись...

Сразу же я ищу Уилла. Его нигде нет.

Моё сердце предательски сжимается. Ксандер наблюдает за мной, его глаза цвета смолы непроницаемы. Он посылает мне приветственный кивок. Ангус разговаривает с девушками, которые сидят за соседней партой, его большие руки дробят воздух. Он не замечает меня.

Лишь одна мысль отчаянно проносится эхом в моём сознании. Нет Уилла. Нет Уилла.

Я опускаюсь на стул. Лицом вперёд. Кэтрин ещё не пришла в читальный зал. Ей предстоит пройти долгий путь от здания искусств.

Я трусь руками о джинсы. Каждый начинает выстраиваться в передней части помещения, стремясь в проход, ища спасения. Чувствую на спине взгляд Ксандера и подумываю о вступлении братьев в колонну.

Он только что вернулся с охоты. Не оставила ли фиолетовая радужная кровь драги пятна на его руках? Имеет ли он, как ищейка, нюх на добычу? На драги? На меня? Это могло бы объяснить то, как он жадно наблюдает за мной.

Предупреждающий звонок издаёт кровотокающий ухо визг. Я привыкла к этому звуку. Вздрагиваю на месте, где сижу. Мрак окружает меня. Я моргаю один раз, плотно сжав глаза. Не хочу к этому привыкать.

— Привет, Джасинда. Хочешь пойти со мной и Майком в библиотеку? — Натан останавливается рядом с моей партой, на его круглых мальчишеских чертах лица красуется усмешка.

— Спасибо, но нет. Я буду заниматься здесь с Кэтрин.

Пожимая плечами, Натан и его друг шагают в проход, и я удивляюсь, почему не присоединилась к ним. Если всё ещё должна была.

Потом мои мысли об уходе исчезают. Эта острая вибрация появляется в груди, распространяясь по всему телу. Чувствую разрывающую кожу боль. Я поворачиваю голову, глаза чего-то ищут, останавливаясь на Уилле, когда он входит в зал.

Всё в нём ярче, чем я помнила.

Золотые полосы в его тёмных волосах. Блеск карих глаз. Рост. Ширина его плеч. Рядом с ним любой другой парень выглядит мальчиком. Молодым и глупым.

Внезапно, дни проведённые без мимолётных встреч с ним кажутся вечностью. Я слишком долго ждала этого момента. Момента, когда снова увижу его. Чтобы почувствовать, как мои лёгкие сжимаются. Чтобы сердце бешено колотилось внутри меня.

Чтобы почувствовать моего драго.

Его взгляд падает на меня, карие глаза такие яркие и голодные, что заставляют мою кожу вспыхнуть огнём. Но я чувствую, что на меня смотрит не только он. Позади, взгляд Ксандера глубоко погружается в меня.

Уилл подходит к моей парте, и я забываю обо всём остальном. Забываю, что должна держаться от него в стороне. Рядом с Уиллом, я даже забываю о смутном страхе, которым питает меня Ксандер. Лишь хочу, чтобы Уилл не останавливался сказать что-нибудь, чтобы магия, которая работает над моей уничтожающейся душой, не заканчивалась. Мне это необходимо. Он сейчас почти у моей парты. Тлея, мои лёгкие расширяются. В горле начинается пожар. Я чувствую, что это прекрасно. Я чувствую, что это жизнь.

Моя стягивающаяся кожа нагревается, вспыхивает, ярко мерцая красно-золотистым светом. Я сжимаю руку, пальцы держат крепко и причиняют боль. Как будто это может помочь от проявления в помещении, полном людей.

Он так близко сейчас, что я могу видеть зелёные, золотые и коричневые крапинки в его глазах. Ещё один шаг, и он у моей парты.

Я задерживаю моё горячее дыхание. Ищу в нём какой-либо признак.

Он отворачивается от меня и смотрит на место, где сидят его двоюродные братья. Что-то проходит по его лицу — пульсация, которая смыкает пристальную напряжённость. Со скучающим выражением лица, он проходит мимо меня, дрожащей на своём стуле.

Его холодная реакция заставляет моё дыхание остановиться. Тепло оставляет меня вместе с медленным шипением воздуха, исходящим из носа. Пламя в лёгких умирает, превращаясь в угли.

Ничего. Ни слова?

Я думаю о последнем разе, когда видела его — о его тёплом внимании. Думаю о записке, которую он мне оставил. Это не имеет смысла. Мои руки дрожат. Я сжимаю их вместе, плотно сдавливая. Никогда не чувствовала себя настолько сокрушённой. Я решила избегать его после всего этого. Чтобы завершить прежде, чем всё действительно началось.

Звонок раздаётся как раз в тот момент, когда Кэтрин проскальзывает рядом со мной, её яркие глаза сияют под флуоресцентным светом лампочек.

— Привет, — говорит она, задыхаясь от долгого похода со здания искусств. — Что случилось? — она смотрит через плечо и по-прежнему мягко говорит, — Я вижу, что они вернулись. Да... и вот он идёт.

Я смотрю краем глаза, как Уилл подходит к нашей парте и осторожно подбрасывает записку рядом с локтем Кэтрин.

Её губы изгибаются в улыбке. — Полагаю, это тебе.

Я свирепо смотрю на листок, сопротивляясь желанию схватить его. — Я не хочу её читать. Надо разорвать записку.

Она смотрит на меня с удивлением. — Ты серьёзно?

Я хватаю записку и рву её на мелкие кусочки в то время, как Уилл собирается уходить от мистера Хэнка. Когда он поворачивается, чтобы покинуть зал, наши глаза на какой-то злополучный миг встречаются. Его взгляд скользит по крошечным кусочкам разорванной бумаги. Невидимая преграда появляется в его глазах, как облака, скользящие в лесу, и моя грудь сжимается.

— Хорошооо... — Кэтрин отрывает взгляд от разорванного листа и смотрит на меня. — Это было драматично. Не хочешь рассказать, что же происходит?

Неспособная что-либо произнести, я качаю головой, раскрываю учебник по химии и, слепо глядя на страницу, убеждаю себя, что рада тому, что он меня проигнорировал. Мне необходимо помнить клятву, которую я дала себе, чтобы держаться от него подальше. Я даже рада, что разорвала записку. Рада, что он увидел эту измельчённую кучу.

Сегодня вечером. Сейчас, больше чем когда-либо я должна летать, должна дать этому ещё один шанс. Я могу положиться только на себя, но этого достаточно. Я должна верить в это. Раньше всегда было так.

Вечером того же дня я выскальзываю из-под покрывала и нахожу ботинки под кроватью. Я была достаточно осторожна, чтобы отметить, где оставила их, не желая возиться в темноте и разбудить Тамру.

Сейчас поздно, в комнате темно. Нет внешнего света, проскальзывающего сквозь жалюзи. Сторона комнаты, где спит Тамра, могильно чёрная. Надеюсь, ночь на улице так же темна. С облаками. Облака и тёмная ночь. Идеальное прикрытие.

Взяв ботинки, осторожно пробираюсь через комнату, морщась, когда пол скрипит под моим весом. Я задерживаю дыхание и прохожу в доме на цыпочках, даже не выдыхая, пока благополучно не оказываюсь снаружи.

Свет у миссис Хеннеси выключен — к счастью, её маленькая собачка не кидается лаять на скрип ворот.

На улице я останавливаюсь на тротуаре и надеваю носки и ботинки, смотря на небо, пока завязываю шнурки. Полная луна и ни единого облака. К несчастью. Но этого не достаточно для меня, чтобы отменить задуманное.

Пешком я иду в направлении площадки для гольфа, где была раньше, убеждая себя в том, что в этот раз всё должно быть по-другому. Я легко проявлюсь, полечу высоко, буду плавать в воздухе, как я это раньше делала... как родилась, чтобы делать. Я заранее рассматриваю первые пять миль. Маршрут поднимается как зелёное волнистое море впереди, резко переходя от пустыни к местности, полной скал.

Я осторожно осматриваюсь и перехожу в мир зелёной растительности. Первое место, где я вижу столько зелени с тех пор, как покинула горы. Не обращая внимания на жару, сухость, делающие мои волосы безжизненными и заставляющие чувствовать зуд на коже, я могу сделать вид, что пустыня исчезла.

Сняв носки и обувь, наступаю на зелень, наслаждаясь мягкой подушкой травы под ногами. Я больше не в пустыне. Здесь множество валунов. Впереди пруд сияет как стекло. Мой темп увеличивается, когда я шагаю в небольшую рощу деревьев. Сбрасываю одежду, и сухое тепло обволакивает моё тело.

Вздыхнув, я поднимаю лицо и вдыхаю тонкий горячий воздух, в результате чего он попадает в меня, и я позволяю ему заполнить мои лёгкие. Вытягиваю руки, желая проявиться...

Закрываю глаза, сосредоточившись и сконцентрировавшись как никогда раньше.

Нет! Это даже труднее, чем в прошлые разы.

Кости моего лица опускаются, оттачивая и резко сокращая линии и углы. Дыхание учащается, когда мой нос сдвигается, хребты давят вперёд с небольшим треском костей и хрящей. Немного больно. Будто моему телу это не нравится. Оно борется с этим. Не хочет, чтобы это произошло.

Постепенно мои конечности ослабевают и удлиняются. Кожа человека тает, заменяясь более толстой — плотно сжимающейся кожей драго.

Горячая слеза скатывается по щеке. Стон вырывается из моих губ, выталкивая меня через край.

На теле появляются проблески золотого и красного цвета. Глубокая мурлыкающая вибрация появляется в моей груди.

Наконец, крылья свободно выдвигаются. Я сразу отталкиваюсь, мне хочется плакать из-за этой некой борьбы, из-за невозможности всего этого.

Мышцы горят, кричат в знак протеста. Крылья работают, яростно хлопая, пытаются поднять меня в воздух. В воздух без концентрации. Без содержания. Крылья изо всех борются за то, чтобы поднять меня выше. Очень тяжело! Очень!

Я поднимаюсь, задыхаясь от напряжения. Слезы разочарования колот глаза, размывая

видимость. Мне нельзя терять влагу.

Зелень всё дальше и дальше от меня. Я моргаю, сконцентрировавшись на красных черепичных крышах, уходящих в горизонт. На дальнем расстоянии огни машин на шоссе кажутся совсем маленькими. Ещё дальше горы разливаются как брызги в ночи.

Я парю, медленно останавливаясь, крылья разрывают воздух.

Моё тело не чувствует себя хорошо. Даже лёгкие в каком-то странном состоянии... маленькие. Бессильные и обычные. Человеческая Джасинда чувствует себя более естественно, чем эта. И от этого мне хочется кричать. Убиваться.

Тем не менее, я заставляю себя лететь на землём, конечно, далеко не отходя, на случай, если не смогу долго удерживаться в состоянии драго. Я большими глотками пью воздух. Только это не помогает. Он не заполняет меня. Не заполняет мои сжавшиеся лёгкие.

Я упорно продолжаю, разрывающееся дыхание — единственный звук в моей голове. В конце концов, я сдаюсь и медленно разворачиваюсь. Подобно трепетанию умирающей моли.

С всхлипывающим дыханием я приземляюсь, возвратившись в рощу деревьев. Перевоплощаюсь. Я склоняюсь и хватаюсь за живот, моё тело наказывает меня за то, чего оно больше не желает делать. Эти звуки уродливы. Муки бесконечны.

Я хватаюсь за дерево одной рукой, пальцы погружаются в кору. Чувствую, как она раскалывается от давления.

Наконец, всё заканчивается. Трясущимися руками я одеваюсь, затем слабо падаю на спину, рука широко расставлены, ладони открыты. Я слаба. Ритм в моём сердце исчезает, страшные удары чувствуются в запястьях.

Земля подо мной спокойна. Я не чувствую драгоценных камней. Не чувствую энергии. Под ковром травы лишь мёртвая земля.

Я сжимаю руку в кулак и один раз бью по ней. Сильно. Но это не помогает. Под тонкой подушкой травы земля спит без сердца.

Я смотрю вверх на чёрную ночь сквозь решётку ветвей. В кокой-то момент могу обмануть себя. Представить, что моё тело не пострадало. Представить, что я снова дома, гляжу на ночь через густые заросли сосновых ветвей. Лес сжимается вокруг меня. Защищает и укрывает любящей рукой.

Эз рядом со мной. Мы вместе смотрим на небо, разговариваем, смеёмся, тревожимся о завтрашнем дне. Хочу обманывать себя дольше. Улыбаюсь в темноте как дура, мне нравится эта игра понарошку, воспоминания о времени, когда всё было просто, и мне нужно было терпеть только тёмные глаза Кассиана.

Оглядываясь назад, я понимаю, что это была лишь маленькая неприятность. До этого ада.

В конце концов, я поднимаюсь и иду домой. Дом. Это слово никак не утешает.

Иду медленно. Моё тело болит, чувствую себя всё слабее и слабее с каждым шагом. Ночь тиха. Нет автомобилей, проезжающих в этом спокойном районе в поздний час. Подошвы обуви скребут тротуар. Следуя по извилистой дорожке, я наблюдаю, как ботинки один за другим опускаются на выгоревший на солнце бетон. Сворачиваю на угол моей улицы.

Подходя ближе к дому миссис Хеннесси, я смотрю вверх.

Круглые фары на противоположном углу становятся больше. Я незаметно обрезаю тротуар и обхожу улицу. Автомобиль тяжело мурлыкает рядом с домом миссис Хеннесси.

Он замедляется. Я тоже.

Нельзя, чтобы кто-нибудь обнаружил, что меня нет дома в такой час. Чтобы миссис Хеннесси или какой-либо другой сосед доложил об этом маме.

Сейчас я могу сказать, что это не автомобиль. Грузовик? Лобовое стекло сверкает как зеркало, когда он подъезжает ближе к краю дороги. Мою кожу знобит, а пульс на шее учащается. Я смотрела достаточно каналов о преступлениях, чтобы почувствовать слезку. И знаю достаточно, чтобы доверять своим инстинктам.

Я собираюсь и замедляюсь так, чтобы едва ходить. Просматривая всё вокруг, я жду, наблюдаю, оцениваю. Приостанавливаю свои сомнения, пока они окончательно не превратились в страх и... полагаю, что смогу.

Потом я вижу это. Наверху горит свет. Как будто, опасаясь, что его заметят. Я вижу его и понимаю.

Они здесь. В том месте, где я живу. Преследуют меня. Каким-то образом, они всё вычислили. Разведали правду обо мне. Может Уилл узнал меня, наконец, и приехал, чтобы отменить свой акт милосердия той ночи в горах.

Потом они замечают меня. Land Rover нацеливает оружие в мою сторону.

Развернувшись, я убегаю.

Адреналин хлещет во мне и я забываю про усталость и боль, которую чувствовала минуту назад. На меня снова охотятся. Всё это время я находилась в чужом городе.

Боюсь, что могу проявиться. Этому инстинкту Драги я не в силах сопротивляться. Тот факт, что я всё ещё цепляюсь за человеческий облик может означать лишь то, что я умираю, ослабеваю.

Мои кроссовки стучат по тротуару, заполняя голову звуком громких пощёчин, смешивающимся с приливом крови в ушах... рёв двигателя ускоряющегося Land Rover за спиной. Похоже на оживление монстра.

Улица тянется передо мной. Некуда спрятаться, некуда деть себя, пока следую по открытой дороге.

Рискнув, я бросаюсь через улицу и резко сворачиваю вправо, во двор. Шины визжат на асфальте. Бегу, не оглядываясь, в то время, как набрасываюсь на забор, подошвы кроссовок дрожат на древесине. Я хватаюсь сверху. Заострённые кончики колышек режут ладони.

Я перетаскиваю себя через забор и попадаю во двор с камнями и кактусами. Взбираюсь через другой забор и оказываюсь на чьём-то переднем дворе.

Моё тело напрягаются, вместе с дрожью приходит тепло. Переносица выталкивается,

крылья носа растут. Лёгкие начинают гореть, грудь дрожит. Наконец-то, мой Драги. Думаю, так будет удобнее. Хорошо, что моё тело всё ещё мне отвечает. Значит я не совсем мертва изнутри.

Слышу визг тормозов. Фары хорошо светят в ночи. Я поворачиваюсь и снова врезаюсь в забор.

— Джасинда! Остановись! Подожди!

Ничего не могу с собой поделаться. Голос мгновенно достигает меня, тянет назад, как невидимая рука.

Он стоит под фонарём, его волосы блестят золотым там, где на них падает свет. Глаза тоже кажутся золотыми. Land Rover мурлыкает всего в нескольких футах от него. Он протягивает руку, пытаюсь успокоить, как-будто намерен укротить дикое существо.

— Уилл. — Имя ускользает от меня слишком тихо, чтобы он услышал.

Я моргаю долго и упорно, пусть страх исчезнет... и вместе с ним мой Драги. Открыл глаза, падаю вниз с забора.

Мой взгляд сканирует улицу в поиске остальных. Если кто-то и прячется в машине, он один. Я выпускаю шаткий выдох.

Эта рука всё ещё тянется за мной.

— Что ты делаешь здесь так поздно? — Нахмурившись, протягивает он — В час ночи.

— Я? — Иду медленно по лужайке, ещё не полностью доверяя ему. — Что ты здесь делаешь? — И нет, я не верю, что это он только что водил. — Ты преследуешь меня? — "Охотишься на меня?" Хочется добавить.

Он моргает. Некоторая напряжённость на его лице ослабляется. Заменяется чем-то другим. Он потирает заднюю часть шеи. Это движение получается неловким. Смущённым.

— Я...

— Ты, — Незваная улыбка появляется на моём лице.

— Смотрю, — ворчит он, его глаза сердиты. Словно защищается. — Я просто хотел увидеть, где ты живёшь.

Я останавливаюсь перед ним. — Зачем?

Он снова потирает затылок, на этот раз это движение дикое, он раздражён. Мной или собой, не знаю. Слева от нас, на крыльце появляется вспышка света. Я дёргаюсь, прищуриваюсь от потока недружественных жёлтых огней.

— Давай! — призывает Уилл переднюю дверь открыться.

В панике я бегу — даже не забочусь о том, как Уилл откроет мне пассажирскую дверь. Я всё-таки запрыгиваю внутрь и мгновенно оказываюсь на кожаной обивке. Позади меня захлопывается дверь.

В какой-то момент я одна. Осматриваюсь и вижу блестящие безделушки и ручки. В салоне может с комфортом поместиться несколько человек. Я содрогаюсь при мысли о том, кто обычно эти люди.

Уилл взбирается рядом со мной прежде, чем я могу переосмыслить, что же происходит, он отъезжает подальше от обочины в то время, как человек в халате выходит из своего дома.

Медленно до меня доходит. Я с охотником на Драги. Поздно ночью. Мы совершенно одни.

И никто не знает, где я.

Мысль, что это самое глупое, что я делала в жизни, появляется в моём сознании. Когда Уилл всё дальше отъезжает от моего дома, я понимаю, что это, действительно, так.

— Ты знаешь, где я живу, правда? — спрашиваю я.

— Да.

— Так почему ты не везёшь меня туда?

— Я подумал, мы могли бы поговорить.

— Хорошо... — говорю я медленно, положив руки на бёдра. Когда он ничего не говорит, я спрашиваю. — Как ты узнал, где я живу?

— Это не трудно узнать. Твой адрес можно найти в архиве, в офисе школы.

— Ты ворвался в школьный офис?

— Нет. Я знаю одного из офисных помощников. Она достала мне твой адрес в первый же день.

В мой первый день. Всё это время у него был мой адрес. Зачем? Я скрещиваю руки на груди. Холодный воздух вырывается из вентиляционных отверстий, я дрожу немного. Только нет от холода.

Он регулирует шкалу. — Холодно?

— Зачем тебе понадобился мой адрес?

— На всякий случай, я хотел найти тебя. Увидеть.

Что он и сделал.

— Это забавно, учитывая, что ты проигнорировал меня сегодня.

— Ты разорвала мою записку, — обвиняет он.

— Это не имеет значения. — Я пожимаю плечами и отворачиваюсь, вернувшись на своё место.

— Нет, имеет. Ты должна была прочитать её.

Я сопротивляюсь желанию спросить, о чём же говорилось в записке, решаю оставаться в стороне от него. Не могу позволить ему добраться до меня. — Ты планировал стучаться в мою дверь в час ночи?

— Конечно же, нет...

— Тогда почему...

— Мне не спалось. Я подумал, что по крайней мере смогу увидеть, где ты живёшь.

Ему не спалось? Как и мне. Но что ему мешало? Вина? Кровь представителей моего рода, оставившая пятна на его руках? Или то, что он собирается сделать со мной?

Он хотел что-то спросить, но потом передумал — относился ко мне, как к прокажённой в читальном зале. Почему? Я хочу узнать, но не решаюсь спросить. Это только навлечёт неприятности. Открыв дверь, я поклялась закрыть её навсегда.

Нас окружает тишина. Я могу попробовать. Он посылает мне косой взгляд, золото в его глазах вызывает тепло в моей груди, зарождает в ней огонь, мне кажется, я умираю.

С одного взгляда угольки перемещиваются. Листья грохочут, проснувшись от внезапного ветра. Он делает это со мной. Независимо от того, как я пытаюсь поверить, что он не нужен мне, чтобы разбудить моего Драги, Уилл доказывает мне обратное. Может нет никакой разницы между тем, что нужно, и тем, что я желаю.

Пальцы прикасаются к моей коже, я чувствую приятное тепло. Я медленно закрываю глаза. Его любезность напоминает мне нашу первую встречу. Когда мы били вместе в маленькой пещере. Близко. Когда его глаза жадно смотрели на меня.

Так близко к нему я могу вдыхать, пить его запах. Солёное тепло его кожи. Запах пышного леса. Мокрого ветра. Я знаю, где он был. Где он охотился. Мгновение и я дома.

Открываю глаза и изучаю его лицо. Быстрые удары пульса в горле. Его ноздри вспыхивают, будто он учуял меня.

Взгляд Уилла падает на гладкий участок кожи на моем бедре и полосу крови пурпурного цвета. Мое тело мерцает золотом от света фонаря, расположенного рядом. По крайней мере, я думаю, что это из-за этого. Пожалуйста, только не проявление.

Он опускает руку. Его лицо склоняется ближе к моему. Наши дыхания сливаются, смешиваются. Я напрягаюсь, когда его рука касается моего дрожащего бедра. Воздух ускользает сквозь зубы.

Его пристальный взгляд задерживается на моём лице на мгновение. Будто спрашивая. Посредине его глаза очень тёмные, окружённые ярким ореховым светом. Он смотрит вниз, его лицо полностью нацелено на моё бедро, на пятна крови, портящие мою кожу.

Вновь я напоминаю себе, что он хищник. По голодному взгляду на его лице, я вижу его таким, какой он есть. Охотник.

Его большой палец задевает идущую кровь, размазывая ее. Я задыхаюсь, опаленная лаской.

— Твоя кожа. — Его большой палец снова гладит меня.

Живот напрягается, почти до боли.

Он хмурится. — Такая горячая.

И это так, я чувствую клубящийся дым глубоко внутри меня. Пар расширяет мои лёгкие. Мне нужно его остановить. Оторваться от его прикосновений. Знакомая встряхивающая вибрация появляется в моей сущности, и я знаю, что произойдёт, если не оторваться.

И многое в этом — в нём — наполняет меня страхом. Я должна заставить себя действовать. Но я только хочу больше. Больше Уилла.

Мой желудок сжимается от ощущения руки на моём бедре. Его большой палец гладит меня, вытирает кровь, затем останавливается. Я вдыхаю через нос.

Он убирает свою рубашку с моей руки и осматривает рану. — Не плохо, — заявляет он.

Я киваю, моё сердце стучит слишком быстро, чтобы я смогла заговорить.

Он продолжает, — У тебя дома есть антибиотики?

Я всё ещё не могу говорить. Он действительно говорит о первой помощи? Моя нога покалывает, пульсирует там, где он коснулся меня. Его нежное касание моей руки имеет тот же эффект.

Я молчу, и он смотрит вверх. Ловит меня своими карими глазами, его зрачки расширены, как большое, чёрное пятно смолы. Удивительно, но красиво. Интересно, он сидит на наркотиках? Какая-то часть меня всё же отрицает это. Или я не могу этого в нём увидеть, или я просто не хочу, чтоб это было правдой.

— Ты другой, — шепчу я, смотря на него, забыв о вопросе. У меня чешутся ладони в стремлении почувствовать его... прикоснуться к его лицу, широкой груди.

Он снова смотрит, впитывая меня своими глазами.

Отличаешься от кузенов, думаю я. Отличаешься от всего, что я когда-либо слышала об охотниках. Отличаешься от мальчиков Драги, которых я знаю. Зоркие глаза Кассиана никогда не заставляли меня затаить дыхание. Никогда не оживляли моего Драги, сделав меня импульсом сознания.

Я облизываю губы и глубоко вздыхаю. — Где твои кузены? Вы не всё делаете вместе?

Потому что я должна помнить это. Всегда. Потому что даже если он не является угрозой для меня, то они являются.

Ловушка рушится прямо на глазах. Он отступает, опуская мою руку. — Вижу, кто-то рассказал тебе обо мне и моей семье.

— Ты сам сказал мне держаться от них подальше. Естественно, мне стало любопытно. Люди говорили, я слушала. — Ну, по крайней мере, Кэтрин.

Он медленно кивает. — Да. Я так сказал. И ты должна так поступать. — Вздохнув, он проводит рукой по волосам. — И к тому же, ты должна держаться от меня подальше. Я должен так говорить. — Он опускает голову на подлокотник, закрывает глаза, его лицо выражает страдание и напряжение. Снова я хочу прикоснуться к нему, провести рукой по его щеке, и сделать проще то, что его так гложет.

Его слова эхом проносятся во мне. Ты должна держаться от меня подальше. Я это уже знаю, но сидя на переднем сидении его машины, я не совсем следую этому. Но я хочу. Хочу не чувствовать этого давления, этого постоянного притяжения к нему. Хочу, чтобы мой Драги не просыпался рядом с ним. Я провожу левой рукой по бедру.

— Это ты преследовал меня, — напоминаю я ему, он вздрогнул. Я проскальзываю рукой к бедру, там где кожа ещё пульсирует от его прикосновений.

— Ты права. — Он открывает глаза, снимает Land Rover с рычага и отъезжает от тротуара. Через несколько поворотов я понимаю, что он едет ко мне домой. Отчаяние шипами колет внутри меня, заставляя меня быстро спросить. — Зачем ты приехал ко мне домой сегодня вечером? Посреди ночи?

Костяшки его пальцев белеют, сжимая руль. — Я не ожидал увидеть тебя снаружи, но...

— Да? — спрашиваю я.

Он жмёт на педаль, останавливаясь перед моим домом. Выключает фары. Поворачивается, чтобы увидеть меня. Склоняясь ближе, протягивает руку на спинку моего сиденья, практически касаясь моего плеча.

Его выражение лица загадочно. Глаза выглядят странно с пульсирующими зрачками. — Ты не похожа на других девушек. Ты особенная.

Пьянящее тепло растекается по моим щекам. Я рада этому признанию. Рада, что я уникальна для него, как и он для меня. Вернувшись домой, я как никогда чувствовала себя в безопасности, защищенной и благоговейной. Даже с Кассианом я всегда чувствовала, что я ему нравлюсь не потому, что я такая какая есть, а лишь потому что я нужна стае.

Каждую минуту с Уиллом, я чувствую себя в опасности, без защиты. Опасность находится рядом, так ощутимо, как вязкий туман, что я оставила позади. И мне все мало. Мало его. Я все еще жажду его близости.словно наркотик, необходимый для выживания, который надо получать каждый день. Зависимость. Мощная, всепоглощающая.

— Я пытался отрицать это, — продолжает он, — но не могу, каждый раз когда я вижу тебя. Если бы ты была, как другие девочки... — Он хрипло смеётся. — Если бы ты была похожа на других девочек, то меня бы здесь не было.

Внезапно застеснявшись, я сгибаю пальцы вокруг колен. Его бы здесь не было, знал бы он правду. Кто я, что я.

Я облизываю губы. — Я не такая, как тебе кажется...

Это близко. Очень близко. Настолько близко, насколько я способна подобраться к истине.

— Я думал, возможно... — он останавливается, качая головой.

— Что? — Я с трудом узнаю свой голос, такой напряжённый, такой жёсткий. Стук моего сердца раздаётся у меня в ушах. Надежда, которую я не могу понять, никогда не чувствовала раньше, вызывает трепет в моём животе.

— Не имеет значения. Это глупо. — Его голос затихает, хриплый, еле различимый. — Просто забудь, что я приехал увидеть тебя. — Он бормочет что-то очень тихо, настолько, что я не могу разобрать, но думаю, что это — проклятье. — Это не сработает. Не с моей семьёй. Они... другие.

— А что с твоей семьёй? — я спрашиваю, зная ответ. Ну я знаю, что с ними, касается меня. Причины Уилла могут отличаться.

Его губы кривятся в жестокую ухмылку. Я не хочу его видеть как охотника. — Скажем так, мы не особо ладим.

Я стараюсь выглядеть невинно. — Твой отец...

— Он точно не из тех, кто играет в футбол на заднем дворе. Как только я закончу школу, я уйду.

Облегчение охватывает меня. Это подтверждает, что он не похож на них. Не охотник, не убийца. Я стараюсь не выглядеть слишком счастливой. Чтобы сохранить внутри то, что я чувствую от этих слов.

Я облизываю губы и спрашиваю. — А пока ты не можешь иметь друзей?

Он проводит рукой по волосам. Золотистые пряди волнами возвращаются на место. — Всё немного сложнее, но да, я не хочу быть рядом с кем-либо... с кем-либо из моей семьи. — Его взгляд встречается с моим. Жёсткий. Решительный. — Они ядовиты, Джасинда. Я не могу подвергнуть тебя опасности. Не могу подвергнуть опасности любого, о ком забочусь. — Он качает головой. — Извини, я не хотел ввести тебя в заблуждение. — Его пальцы сжимают руль, пока он восстанавливает голос. — Мне просто очень жаль.

Грудь болит. Потому что он тоже это чувствует. Эту связь между нами. Он чувствует её, и он хочет уничтожить её, отрицать. Независимо от того, что импульсивность привела его сюда, она не будет действовать на него.

Я думаю, это хорошо, но не могу поблагодарить его за это.

Он подъезжает к дому миссис Хеннесси. — Лучше иди внутрь.

Жар гнева сжимает мою кожу. — Никогда не считала тебя трусом, — выпаливаю я.

Его голова поворачивается в мою сторону. — Что ты имеешь в виду?

— Ты приехал сюда сегодня по какой-то причине. Почему ты не можешь честно в этом признаться? — Прежде чем я смогу подумать, что делаю, я склоняюсь над центральной консолью и смотрю ему в лицо. — Ты всегда делаешь то, что хочешь?

Может я рискую, подразумевая, что он хочет меня, но пульс на его шее говорит, что это так. И он здесь, в конце концов.

Его взгляд опускается к моим губам. — Я не думаю, что в последнее время делаю то, что действительно хочу, — говорит он хрипло, настолько низко, что я с трудом могу его слышать. Похоже, что я больше чувствую его.

Его слова эхом отзываются во мне, откликаюсь так глубоко, что я уверена, для этого есть причина. Причина, почему мы нашли друг друга сначала в горах, а теперь здесь. Причина. Что-то ещё. Что-то большее, чем просто совпадение. — Я тоже.

Он наклоняется через консоль. Его рука ложится на мою шею, передвигая моё лицо ближе. Я двигаюсь как жидкость, тая из-за него. — Может настало время изменить это.

С первым прикосновением его губ я чувствую жгучее тепло, проскальзывающее сквозь меня, повергающее меня в шок. Мои вены и кожа пульсируют.

Я встаю на колени, хватаясь за его плечи, пытаюсь подобраться поближе. Мои руки скользят по его крепкой груди. Его сердце бьётся, как барабан под моими пальцами. Моя кровь обжигает, лёгкие расширяются и тлеют. Я не могу набрать достаточно воздуха... по крайней мере, достаточно для того, чтобы охладить пожар внутри меня.

Его руки держат моё лицо, скользят по щекам. Его кожа, по сравнению с моей, похожа на лёд, я целую его крепче.

— Твоя кожа, — шепчет он у моих губ, — она такая...

Я пью его, его слова, его прикосновения, стон вырывается из моих губ, когда я чувствую его вкус, когда ощущаю это притяжение, сжигающее мою кожу. Сладкая боль распространяется по спине.

Он целует меня крепче, прохладными, сухими губами. Перемещает руки от губ вниз, к шее. Его пальцы останавливаются под моим ухом, и я дрожу. — Твоя кожа такая мягкая, такая тёплая...

И тогда я понимаю, что именно за покалывания я чувствую на спине. Мои крылья оживают. Такие готовые и нетерпеливые, я не чувствовала этого с момента прибытия в Чапаррал. Они проталкиваются через спину, готовые освободиться.

Я с криком отстраняюсь и тянусь к ручке. Со вздохом полным боли, я распахиваю дверь и падаю.

Я встаю на ноги и даже не беспокоюсь закрыть дверь... просто бросаюсь прочь.

Его отчаянный крик следует за мной. — Джасинда!

Через несколько метров я останавливаюсь, поняв, что этого расстояния достаточно, чтобы он меня не заметил, оглядываюсь назад, грудь поднимается и опускается в такт глубоким, горячим вдохам.

Он наклоняется через консоль, практически к пассажирским сидениям. Что-то проходит по его лицу. Эмоции, которые я не могу прочитать. Не могу понять. — Увидимся в школе, — говорит он так, будто в этом нет никаких сомнений.

Не ответив ему. Не дав согласия, я поворачиваюсь и бегу по дороге настолько быстро, насколько могут нести меня мои ноги. Верно.

— Джасинда! — он выкрикивает моё имя, и я вздрагиваю, надеясь что миссис Хеннеси или соседи не проснулись.

Я ему ничего не говорила, но ответ был на моём лице, в том, что я убежала от него. Он слышал его ясно. Видимо, наш первый поцелуй убедил его в том, что всё между нами должно продолжиться.

Но мне поцелуй сказал обратное. Сказал то, что я уже знала, но упорно отрицала. Я не могу рисковать и быть с ним. Даже если его эмоциональная подавленность исчезает рядом со мной, у меня есть собственные проблемы. Он единственное из чего я могу черпать силы... но другое дело, если я проявлюсь в его присутствии. Я знаю, что буду делать. Знаю, что должна делать.

В школе я не буду больше с ним разговаривать, не буду смотреть на него... и, конечно, никогда не прикаснусь к нему снова.

Даже если это будет убивать меня, я буду его игнорировать и держаться на расстоянии.

Пока я иду спеша по тропинке, пальцы касаются ладони, отслеживая разорванную кожу, поглаживая на ней сырость. Кровь. Моя кровь. Доказательство того, кем я являюсь.

Паника скребёт сердце, заставляет грудь сжаться.

Я резко останавливаюсь и оборачиваюсь, будто смогу увидеть Уилла на обочине, но его там нет. Рубашка... и она отправилась вместе с ним. Отправилась в логово врагов.

Закрыв глаза, я качаю головой, страх царапает горло. Он ушёл. Уехал вместе с рубашкой, пропитанной моей кровью. Моей кровью фиолетового оттенка... кровью драго.

Когда он увидит её, захочет разобраться. Он узнает, кто я на самом деле.

В доме тихо, когда я проскальзываю внутрь, двигаясь как тень через комнаты. Тамра неподвижно лежит под одеялом, когда я спокойно сбрасываю туфли.

Кровать прогибается под моим весом. Я вдыхаю, сложив руки на груди, и пытаюсь успокоиться, все мои мысли лишь о рубашке с моей кровью, которая теперь в распоряжении Уилла.

— Если ты меня разбудишь, я никогда тебя не прощу.

Как ни странно голос моей сестры, проносющийся в темноте не испугал меня. Моя голова заботится о том, как вернуть свидетельство того, что я не человек.

Она не требует объяснений, а я не собираюсь их предоставлять. Достаточно того, что она знает о моём выходе из дома.

Её кровать скрипит, когда она перекачивается в сторону. Не могу придумать, что сказать. Не могу успокоить её. Ничто не заставит меня чувствовать себя менее виноватой, менее эгоистичной.

Мои губы ноют, когда я вспоминаю поцелуй Уилла. Я чуть не обратилась. Чуть не потеряла себя. Чуть не разрушила всех нас.

Это может произойти, если я не получу рубашку Уилла.

Я должна вернуть её. Любой ценой.

На следующий день пот стекает по моей спине, ведь я бегу последнюю милю к дому Уилла. Моя обувь тяжело стучит по асфальту, и это странным образом заставляет меня двигаться дальше.

Я обещала маме вернуться до ужина. Субботними вечерами ей нравится ужинать раньше. Обстановка в доме и так напряжённая, так что мне не хочется расстраивать маму.

Было бы огромной удачей, если бы Уилл использовал корзину для белья так же, как и мы с Тамрой. Я представлю брошенную в неё рубашку и мою кровь, фиолетовую, переливающуюся и мерцающую даже вне моего тела, едва заметно. Надеюсь. Он единственный из всех, поймёт, что это за фиолетовые пятна. Раскрыв себя как Драги, я подставлю всех нас. Подвергну каждого Драги большому риску, даже маму и Тамру. Просто имея отношение ко мне, они могут лишиться своих жизней.

Я замедляюсь по мере приближения к его дому, замечая испано-черепичную крышу меж деревьев. Я запомнила направление, которое дала Кэтрин по телефону. Знаю, по какой причине она мне понравилась. Не считая содержательного "хम्म", она не совала нос и не спрашивала, почему я захотела узнать адрес Уилла.

Ворота открыты, так что я бегу по дорожке, колеблясь в нерешительности на несколько секунд у широкого портика, когда замечаю Land Rover, припаркованный у отдельно стоящего гаража. Я рывком останавливаюсь на пару секунд, обдумывая свой следующий шаг.

В идеальном мире дом был бы свободным, с окном, оставленным открытым и разблокированным. Я бы соскользнула внутрь, отыскала рубашку и исчезла бы минут через пять. Но мой мир никогда не был идеальным.

У меня нет выбора. Я не могу рисковать ещё один день. Я просто должна покончить с этим. Скверно чертыхнувшись, я двигаюсь вперёд.

До того, как я могла бы успеть передумать, я поднимаюсь по ступенькам и звоню в большие двойные двери. Звук эхом, как в огромной пещере или пропасти, протягивается по ту сторону двери. Наверное, я должна была одеться во что-то другое, а не в спортивные полосатые шорты и майку. Я стянула волосы назад, в "конский хвост", который повис, словно лошадиный, струясь у меня за спиной... Не самый лучший вид.

Когда дверь начинает распахиваться, то самое чувство снова охватывает меня, и я уже понимаю, что Уилл рядом, прежде чем вижу его.

Он даже не пытается выглядеть счастливым увидев меня. Учитывая то, как быстро я вчера сбежала из его автомобиля, неудивительно, что он выглядит удивленным.

— Джасинда. Что ты здесь делаешь?

Отбрасываю объяснения по поводу прошлой ночи.

— Я подумала, что могла бы проверить место, где ты живёшь. Знаешь. На всякий случай.

Он не смеётся, даже не улыбается моей шутке — полная противоположность его словам прошлой ночью. Вместо этого он бросает тревожный взгляд через плечо. По крайней мере, не бьёт тревогу, что драко на пороге его дома. Очевидно, он не осматривал рубашку вблизи.

— Не пригласишь войти?

— Уилл? Кто там? — дверь ещё больше открывается. Мужчина с карими глазами как у Уилла становится рядом с ним. Сходство ограничивается лишь глазами. Мужчина не такой

высокий как Уилл, жилистый, словно проводит много времени в спортзале, оттачивая своё тело.

— О, здравствуй. — В отличие от Уилла, он улыбался легко, но пустой улыбкой. Похоже, он делает так всё время, не придавая значения.

— Папа, это Джасинда. Из школы.

— Джасинда, — говорит он мягко, тянясь за моей рукой. И я даю ее ему. Пожимаю руку олицетворению зла, которое вижу в его глазах, чувствую в его прикосновении, он не такой, как Уилл. Этот охотник никогда не позволит Драко сбежать.

— Мистер Рутледж, — мне удастся заговорить нормальным голосом. — Приятно познакомиться.

Его рука пожимает мою. — Аналогично. Уилл давно не приводил друзей.

— Папа, — с нажимом говорит Уилл.

Он выпускает мою руку, хлопая Уилла по спине. — Хорошо, я остановлюсь, если это тебя смущает. — Он смотрит на меня снова, его выражение, энергичное, поскольку он рассматривает меня с очевидным одобрением. — Джасинда, присоединись к нам. Мы делаем гриль на задней палубе.

— Папа, я не думаю...

— С удовольствием, — вру я. Мысль об ужине с папой Уилла, заставляет мои зубы стучать, но я должна войти. Речь идёт не только обо мне. Тамра, мама, стая, все драко... оставив рубашку в этом доме, я подвергну их невероятной опасности.

Мистер Рутледж жестом приглашает меня войти. Я проскальзываю мимо Уилла в жутко холодный дом.

— Тебе нравится грудинка, Джасинда? Она жарится с самого утра. Скоро должна быть готова.

Уилл идет около меня, поскольку мы следуем за его папой через обширный вестибюль. Наши шаги отзываются эхом по плиточному полу. Дом прохладно прекрасен. Безжизненное искусство висит на стенах, и чистые белые вентиляторы шумят снизу от нас в двойном высоком потолке, поскольку мы спускаемся через широкий коридор.

Я слышу строгий голос Уилла возле моего уха. — Что ты здесь делаешь?

Только сейчас я поражаюсь своему присутствию здесь. В его доме, логове моих врагов. Здесь ли они держат пленных драко? У меня бегут мурашки по коже, страх опасно близок. Я задерживаю дыхание и провожу ладонью по руке, останавливая разыгравшееся воображение.

— Ты так разочарован видеть меня? — спрашиваю я, находя в себе храбрость. Его папа заворачивает за угол. — Ты хотел видеть меня вчера вечером. — Я почти задыхаюсь от воспоминания. Вчера вечером я почти думала, что он будет преследовать меня до дома.

Он хватает мою руку, заставив остановиться. Его глаза бродят по моему лицу, словно в поиске чего-то. Я ощущаю его смятение, его неспособность понять меня... или то, почему я здесь.

— Я хочу видеть тебя, не могу думать ни о чём больше... — Он делает паузу, выглядя неуверенным. — Просто не здесь.

— Уилл? Джасинда? Идемте!

Он вздрагивает от голоса своего отца. Его пристальный взгляд мерцает.

— Мы увидимся в каком-нибудь другом месте. Я рассказывал тебе о своей семье. Ты не должна быть здесь, — говорит он спокойно.

— Что ж, я здесь и не собираюсь уходить. — Я освобождаю руку и иду вперед, хлопая

по плечу, — Как раз вовремя. Я голодна.

— Джасинда, — умоляет он, его голос звучит с каким-то отчаянием, которое мне не понятно. Я уверена, что его желание держать меня вне своего дома, вдали от своей семьи, связано с тем, что он охотник на драко. Но какое это имеет отношение ко мне? Он не знает, кто я на самом деле. Его семья не должна что-то заподозрить только потому, что к нему домой пришла девушка.

Уилл догоняет меня на кухне с мерцающими поверхностями и современными приборами. Я ощущаю его беспокойство, поскольку мы ступаем через французские двери на палубу. Несколько человек обращают на нас пристальные взгляды. Никто не говорит.

Мистер Рутледж двигается ко мне и открывает крышку коптильщика. — Каждый человек — это...

— Джасинда, — Ксандер встаёт со стула из кованого железа, держа в потной руке бутылку содовой. — Уилл, я не знал, что у тебя свидание.

Ангус жуёт чипсы из большого пакета, не потрудившись встать или сказать что-нибудь, он просто пристально смотрит.

— Должно быть, выскочило из головы. — Уилл ведёт меня к одному из столов патио, и представляет другим: родителям Ксандера, ряду дядей и тетей, ещё несколькими кузенам. Я понимаю, что все они охотники. Их, по меньшей мере, тридцать человек. Я не думаю, что малыш, пьющий сок из пакета или скачущий семилетний мальчик — охотники. Пока что.

Они все приветствуют меня, оценивая с той же самой алчностью, которую я вынесла от отца Уилла. Поскольку мы едим, я подвергаюсь ряду вопросов. Где ты живешь? Откуда приехала? Кто по профессии твои родители? У тебя есть родные братья? Занимаешься спортом? Такое ощущение, что у меня берут интервью. Мистер Рутледж, кажется, больше всего интересуется тем, почему я бегаю... бегала в семи милях от их дома.

— Также, она очень быстрая, — вставляет Уилл добровольно, почти неохотно, будто знает, что ведётся светская беседа, но не хочет в ней принимать участия.

— Правда. — Мистер Рутледж приподнимает свои брови. — Дальние расстояния требуются большой выносливостью. Я всегда восхищался людьми, обладающими такой стойкостью.

За время нашего диалога Ксандер изучает меня через стол, спокойный и полный решимости. Присутствие Уилла немного успокаивает меня. Это и вежливость присутствующих охлаждает пар внутреннего дворика. Моя кожа впитывает его.

Когда еда заканчивается, тети Уилла поднимаются, чтобы принести десерт из кухни. Я не теряю свой шанс и подпрыгиваю, чтобы помочь. В кухне я вырываюсь на свободу, извиняясь, якобы для пользования уборной.

Я ухожу по лестнице от главного входа. Мои кроссовки молча ступают по красной дорожке, когда я заглядываю в комнату за комнатой, до тех пор, пока не нахожу спальню Уилла.

Даже если бы я не ощущала его присутствие, я знала бы, что обшитая панелями комната принадлежит ему. Она не настолько холодная, как остальная часть дома. Кровать заправлена, но, с другой стороны, видно, кто здесь живёт. Книги и журналы разбросаны на ночном столике. Раскрытый учебник по литературе лежит на столе, а рядом с ним наполовину написанное сочинение. Рамка с фотографией женщины с золотисто-каштановыми волосами как у Уилла, стоит там же, и я знаю, что это его мать, вижу его в её улыбающемся лице.

Оторвав свой пристальный взгляд, я открываю дверь туалета и вижу корзину под грудой одежды. Порывшись в ней, я со вздохом облегчения достаю окровавленную рубашку. Крепко сжав её в своих дрожащих руках, закрываю дверь, пульс в шее бешено стучит. Что я теперь буду с ней делать?

Поскольку я тщательно осмотрела зал, у меня появилась идея спрятать рубашку где-нибудь снаружи, может в передних кустах, где я смогу забрать её тогда, когда выйду отсюда. В моих мыслях лишь план, поэтому я быстро, но очень осторожно спускаюсь в зал. Спрятать рубашку, вероятно, будет очень просто.

Неожиданно, я слышу шум — кто-то поднимается по лестнице.

Паника вспыхивает в моей груди. Я ныряю в самую близкую комнату, закрывая дверь мягким щелчком позади себя. Держу дверную ручку, уши напрягаются, чтобы услышать малейшее движение на той стороне. Я останавливаю пламя страха быстрыми вдохами и охлаждаю лёгкие. Проявление на данный момент — худший сценарий.

Мой пристальный взгляд сверлит дверь, как будто я могу увидеть через нее другую сторону. Выпустив ручку, я делаю один шаг назад, потом другой. Мои глаза уставились на дверь, не моргая, поскольку я сжимаю в руках рубашку. Такое ощущение, что я могу заставить её исчезнуть, прекратить её существование. Если бы можно было проявиться и сжечь её, не выделяя дым, я бы непременно сделала это.

Поскольку проходит некоторое время и никто не заходит, напряжение отливает от плеч. Становится легче дышать и я обращаю внимание на комнату, в которой оказалась.

Ужас наваливается с новой силой. Делает меня неподвижной. Мой пристальный взгляд принимает все это с головокружительной скоростью.

Кожа Драги... везде.

Стол, абажуры, мебель. Все покрыты плотью моих братьев. Желчь взбирается по моему горлу.

Мои колени дрожат, и я опираюсь на стул, тогда дрожь переходит к рукам. Я выпускаю рубашку, пристально, в ужасе смотрю на мерцающую черную обивку, которой я коснулась — плоть оникса, отвратительно знакомая с ее переливающимися мерцаниями фиолетового цвета. Отец возникает в моём сознании. Может быть...

Нет! Ужасная ярость охватывает меня. Я закрываю руками рот, сдерживая крик, пальцы, зарываются в щёки. Глаза болят, и я понимаю, что плачу. Слезы катятся по моим рукам.

Тем не менее, я осматриваюсь, немного повернувшись, душу рыдания в подушке на диване, покрытой кожей глубокого бронзового цвета земного драко — второго по распространённости вида, которого отличает умение находить драгоценные камни, съедобные растения, подземные воды... всё, что связано с почвой.

Увидеть их останки здесь, в этом доме, в этой пустыне, так далеко от земли, которую они любят, страшно.

Я отвожу взгляд, слишком больно смотреть на мерзкие доказательства моей смертельной гонки.

Мой взгляд падает на гигантскую карту Северной Америки, растянувшейся на одной из стен. Чёрные, зелёные и красные флажки расставлены на ней, сгруппированы в основном в горных районах, идеальных для существования драко. Мой желудок втягивается как ракушка. Я опускаю руки с лица на пол дюйма ниже, мои глаза уставились на чёрные флажки. Так много. Я в ужасе от мысли о том, что они отражают.

Только два красных флага выступают из карты, но они больше чем другие. Они

изолированы, никакие черные или зеленые флаги не окружают их. Один находится в Канаде. Другой в Вашингтоне. Убитые зоны? Мертвые зоны?

Мои глаза лихорадочно просматривают карту Каскадных Гор, небольшой угол, где я жила. И там, я вижу два других флага. Один зеленый. Один черный. Я сжимаю руки до тех пор, пока перестаю чувствовать пальцы.

Зелёные флаг располагается на всей площади моего дома, а рядом с ним чёрный отбрасывает свою тень. Один чёрный флаг. Я задумываюсь о папе. Он единственный в нашей стае, кто умер неестественной смертью среди последних двух поколений. Я смотрю на этот единственный чёрный флаг до тех пор, пока мои глаза не начинают болеть. Страшное понимание проскальзывает через всё моё тело. Это флаг убийства.

Ужасное подозрение приходит ко мне, наматывается вокруг, как змея. Уилл мог быть частью группы, которая убила моего отца.

Мы всего в нескольких сотнях миль к югу от нашей стаи... Это вскоре должно было произойти со мной. И возможно это произошло бы, возможно, так должно было случиться; я просто не захотела столкнуться с этим. Я уставилась на карту и теперь не могу отойти от неё. Ясно, что они охотятся в нашей местности. Я всегда знала это.

Мои глаза жжёт и я быстро моргаю. В это ужасно поверить. Ком спускается, застревая где-то в горле.

Папа понимал меня. Понимал, как мне необходимо летать. Потому что он чувствовал то же самое. Он никогда не желал, чтобы я подавляла в себе драко. Я не хочу верить в то, что Уилл ответственен за убийство единственного члена моей семьи, который любил меня такой, какая я есть.

Я с трудом качаю головой. Он был, вероятно, слишком молод, чтобы охотиться тогда. Я хочу верить в это. Он не такой, как все. Уилл позволил мне бежать. Он просто не мог убить моего отца.

Но его семья могла. И все они рядом.

Развернувшись, я хватаю рубашку, убеждая себя идти, бежать, покинуть этот дом прежде, чем будет слишком поздно. Прежде, чем я не смогу уйти. Но я не могу оторвать глаза от той стены. Это подобно ужасной автокатастрофе — всё, что я вижу.

Звук закрывшейся позади двери, вырывает меня из транса.

Я пытаюсь удержаться на месте, когда поворачиваюсь и вижу Ксандера, при этом от страха сталкиваю салфетки со стола; я пытаюсь не думать о том, как он нашёл меня... не думать о том ужасе, в который меня повергло нахождение в этой комнате, похороненной в коже представителей моего рода.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он.

— Я искала ванную комнату. — Я быстро моргаю, вдыхаю через нос воздух тонкими струями, пытаюсь охладить пожар, разгоревшийся в горле.

— Одна из них рядом с кухней. — Он поднимает голову и изучает меня своими сверкающими тёмными глазами. — А почему ты поднялась? — Его взгляд проходит по комнате и задерживается на карте, прежде чем остановиться на мне. — Что ты здесь искала?

— Я ничего не искала, — отрицаю я, пытаюсь избавиться от пожара в горле.

Он показывает на рубашку Уилла. — Что там у тебя?

Я сжимаю скомканную ткань. — Ничего. Просто рубашка.

— Уилла? Почему она у тебя? — Его глаза сужаются, веки тяжелеют, делая взгляд более подозрительным. — Только не говори мне, что ты одна из тех девушек, которые спят с пучком волос своего парня. Ты не поразишь меня этой сентиментальностью.

Наши взгляды встречаются. Я молчу как камень. Когда он тянется к рубашке, я резко отступаю на шаг. Знаю, что моя реакция чрезмерная — особенно, что ничего ужасного не случилось — но я не могу ничего с собой поделать.

Он следует за мной. — Что ты делаешь? Почему ты здесь на самом деле?

Я прислоняюсь спиной к стене. — Уилл. Мне нравится Уилл, вот и всё. Иначе зачем мне быть здесь? — Я один раз машу ладонью в сторону его груди, моя паника перерастает в гнев, я готова и правда прикоснуться к нему. — Отвали.

Он игнорирует меня и продолжает приближаться. — Я думаю, что ты тоже ему нравишься. И это впервые. — Его взгляд жадно проходит по мне, не упуская ничего. — Что в тебе такого особенного, а?

Я врезаюсь в стол. Моя рука тянется к нему, чтобы схватиться за его край. Когда я прикасаюсь, вспомнив, начинаю задыхаться. Потрясённая, я вырываю руку, чтобы освободить часть своего тела от контакта с покрытым кожей оникса столом.

Он мрачно улыбается, не упустив из вида мою реакцию. — Красивый, правда? — Его кисть касается моей, когда он протягивает руку и гладит поверхность стола.

Мой желудок яростно скручивается. Боясь за себя, я пробиваюсь мимо него и делаю нечто ужасное, что никогда не смогу вернуть обратно.

Он хватает меня и заставляет снова посмотреть на него. Возмущившись от его прикосновения, моя кожа долю секунды мерцает красновато-золотистым цветом. — Не могу припомнить, чтобы в прошлом Уиллу нравились девушки. Он не позволял себе любить их. С тех пор, как он заболел... и это заставляет меня поверить, что ты нечто большее. Признаюсь, мне любопытно.

Заболел? Когда Уилл заболел? Я хочу спросить, но не могу сделать этого, стоя здесь, в этой страшной комнате, держа рубашку, пропитавшуюся моей кровью, чувствуя прикосновения Ксандера и его попытки выяснить, почему я так сильно отличаюсь.

Я вырываю руку и уверенно прохожу мимо него, чувствуя как воздух бьёт мне по лицу.

Я отхожу недалеко, прежде чем он снова догоняет меня. Когда это происходит, реальный страх того, что я никогда не выберусь из этой комнаты, окутывает меня. Его лицо так близко к моему, что я могу увидеть своё отражение в его тёмных глазах. — Я хочу знать, что ты здесь делаешь.

Моя грудь быстро вздымается, я чувствую, как внутри меня начинается пожар.

— Отпусти её.

Голос, доносящийся сзади, приносит мне облегчение. Уилл стоит на пороге, его руки сложены по бокам.

Тем не менее, Ксандер не отпускает меня. — Я застал её роющейся здесь.

Уилл приближается, его лицо холодное, как мрамор. — Отпусти её.

Ксандер напрягается, держа меня рядом с собой, всё ещё хватаясь за мою руку. — Начни, наконец, использовать свой мозг. Я поймал её здесь.

— Ты делаешь из мухи слона. — Уилл подходит и освобождает меня. Я спотыкаюсь. Ксандер выхватывает рубашку из моих рук.

— Нет, — я задерживаю дыхание и тянусь за рубашкой.

Но уже слишком поздно. Ксандер отходит, теребя рубашку и рассматривая её с притворной скукой. — Что в ней такого особенного?

Его не интересует рубашка. Он хочет узнать, почему я хочу её... почему то, что он забрал её, мне не нравится.

Мои глаза уставились на пятна крови, потому что это всё, что меня сейчас интересует. Моё дыхание съедает грудь облаками пара.

Знаю, в какой-то момент Ксандер понимает, на что смотрит, за чем наблюдает, и узнавание проходит по его лицу, как яркий, живой взрыв молнии.

Уилл тоже это осознаёт, и все мы стоим там, словно замороженные, ожидая, что кто-то из нас сделает хоть какое-то движение или заговорит.

Уилл первым делает это. Он выхватывает рубашку у своего брата.

Ксандер не сопротивляется. Не могу шелохнуться, не знаю, что сказать или сделать. Я прокручивала в своей голове разные сценарии, но не этот.

— Это твоя... — спрашивает Ксандер Уилла. Думаю, он имеет в виду кровь. Я услышала это в его паузе. Ксандер переводит взгляд на меня, его тёмные глаза горят.

Я дрожу, нахожусь в замешательстве, не зная, что творится в его голове.

Он поворачивается к Уиллу. — Что мы знаем о твоей маленькой подружке? Ты разговаривал с ней? Вы поведали друг другу семейные тайны? Что ты вообще знаешь о ней?

— Не будь идиотом. Отпусти её, — шипит Уилл, его рука спускается по моей и хватается за ладонь. Он поддерживает меня? Или сдерживает? — Ты ошибаешься — говоришь, не думая, так что заткнись.

Ошибается в чём? Что Ксандер подозревает? Я потерянно наблюдаю за двумя братьями. Почему он не беспокоится о крови Драги на рубашке Уилла? Почему не требует объяснений?

Уилл бросает взгляд на рубашку. Он замирает, когда видит рукав... видит на нём мою кровь. Его большой палец ощупывает нечёткое фиолетовое пятно почти восхищающимся жестом.

— Ты ходишь один? Это так? — требует Ксандер. И я понимаю. Он обвиняет Уилла в охоте на Драги в одиночку. — Ты знаешь, какой опасности подвергаешь себя? Чёрт возьми, Уилл. Думаешь, ты горячий говнюк...

Не буду обсуждать остальную часть его слов.

Уилл хватает Ксандера за воротник. — Заткнись!

Ксандер смотрит на меня через плечо Уилла, оценивая. Он не обеспокоен всем этим. Почему? Всего лишь ровно настолько, как если бы он уже давно знал истину, либо так ничего и не понял. Это слишком невероятно.

Уилл швыряет его, будто не выдерживая прикосновения к нему. — Если ты закончил трепать всем нервы, я бы хотел пойти вниз, чтобы отведать пирожных твоей мамы. А ты, Джасинда? Как насчёт пирожных? — Он спрашивает так, будто у меня нет другого выбора. Уилл заканчивает этот допрос.

Я молча киваю, думая о том, что это ещё далеко не конец. Ксандер видел кровь. Мою кровь. Даже, если не понял этого. И Уилл тоже видел её. Дрожь проходит по моей спине, потому что Уилл уже знает.

Ксандер что-то бормочет и собирается уйти, но останавливается и смотрит на меня со зловещим блеском в глазах. Я едва удерживаю себя от желания убежать, инстинкт Драги просыпается во мне.

Уилл подходит ко мне. Его близость придаёт мне мужества, спокойствия — именно то, в чём я сейчас нуждаюсь. — Давай, Ксандер. Мы спустимся через секунду.

Ксандер, сердито шагая, выходит из комнаты.

Повернувшись ко мне, Уилл переходит сразу к делу. — Кто ты?

Вспоминаю нас в тех горах, нежность на его лице, когда он смотрел на меня в облиии Драги. Эта правда вертится на кончике моего языка, я хочу рассказать ему, но потом проглатываю слова, всё слишком глупо. Это не самое лучшее место для признаний. Не место, чтобы сказать ему это. Всё слишком много для моего нынешнего состояния.

— Я не знаю, о чём ты говоришь.

Он долго смотрит на меня, прежде чем отвернуться и с отвращением оглядывать комнату. Его глаза темнее, чем затенённый лес, и я знаю, что он смотрит на всё это так, как оно есть. Так же, как и я.

Повсюду мёртвые драги.

Затем его взгляд опускается на рукав рубашки. — Она была на мне, когда ты порезалась. Это твоя кровь. — Он держит рубашку между нами, это тихое доказательство, которое я не могу опровергнуть.

Я ничего не говорю... Каким образом мне защищаться?

— Есть только один способ, чтобы у человека была кровь такого цвета, — добавляет он.

Я изо всех сил стараюсь скрыть свой шок. Люди могут иметь кровь Драги? Как это возможно?

— Ты энкрос? — требует он. — Как ещё ты... — Его голос прерывается и он начинает медленно качать головой, выглядя немного больным.

Я облизываю губы. — Что такое энкрос? — Это я дрожу или только мой голос, который душит вопрос, ответ на который я уже знаю?

Он смотрит на меня, выжидая. Так, будто прямо сейчас может ответить. Его взгляд говорит мне, что он на это не купится. Он знает, что я что-то скрываю. И рубашка этому доказательство. Он смотрит на меня и ждёт, определённо зная ответы на мои вопросы. — Да ладно, Джасинда. Ты не можешь иметь такую кровь и не знать. — Его зрачки темнеют, становясь похожими на чёрную, мёртвую воду ночью. — Скажи мне. Кто ты?

Я пытаюсь сделать шаг. — Нам нужно идти.

Он резко называет моё имя, ограждая мне путь. Мне не обойти его, нет никакого способа избежать этого. Я загнана в угол, как кролик, и мой пульс вырывается из горячей кожи.

Я не могу объяснить. Он слишком много знает, слишком много понимает... Я не могу придумать разумного объяснения.

Таким образом, я делаю единственное, что может остановить его вопросы.

Я хватаю его лицо обеими руками и притягиваю его голову к моей. Он ничего не делает до того момента, как мои губы касаются его. Его кожа кажется такой тёплой, как скала на солнце под ладонями. Тогда он отвечает на мой поцелуй.

С резким вздохом он притягивает меня к себе. Его руки бродят по моей спине. Я ещё ближе подхожу к нему, сливая воедино мою мягкость и его жёсткость. Мы словно две части единой головоломки, которые, наконец, воссоединились.

Я борюсь с возрастающим теплом и вибрацией глубоко во мне. Тогда я слышу это: мурлыканье, доносящееся из задней части горла, звук, который принадлежит Драги. Определённо не человеку.

Я больше рискую, крадя ещё немного времени, забыв, почему я инициировала этот поцелуй, забыв обо всём; но ощущение его рта на моём, его вкус, сладкий, как туманный ветер, на моих губах. Он жёстко прижимает ладонью меня к себе, так, будто хочет превратить нас в одно целое, соединить навечно.

Я больше не могу рисковать.

Не тогда, когда мои лёгкие наполнены паром и кожа лица натягивается даже в этой комнате смерти.

С резким вздохом я отстраняюсь.

Он дрожит, как и я. Его руки ощупывают воздух и, наконец, достигают меня. Выражение его лица немного потерянное, глаза настолько тёмные, что зелёный цвет практически не обнаружить. Я задерживаю дыхание, убеждённая в том, что он хочет притянуть меня обратно к себе, и надеюсь, так и сделает. Надеюсь, он сделает выбор в пользу меня. Затем он отстраняет руки. Смотрит на меня очень пристально, так, будто я — его потерянная часть.

— Пойдём отведаем десерт, — говорю я, затаив дыхание, мои губы покалывают, всё во мне горит, как прошлой ночью, на переднем сидении его машины, весёлый, как во время полёта ветер, бьёт мне в лицо.

Спешу выйти из комнаты до того, как сломаюсь и поцелую его снова... или прежде, чем он возобновит свой допрос. Он всё ещё держит рубашку, но я полагаю, что на сегодня всё.

Спускаясь по лестнице, не могу забыть те слова о том, что есть способ, чтобы кровь человека имела такой цвет.

Как? Как кровь Драги может течь в человеке? Я никогда не слышала об этом. Делают ли они что-то с энкросами в их ужасной практике? Кажется, есть один вариант, но я не уверена.

До меня доходит, что Уилл знает многое о моём роде, и то, что известно мне — лишь малая часть того, что знают люди его мира... и я жажду иметь больше информации. Знание может изменить мою жизнь.

В понедельник я иду по пустому залу в ванную комнату. Пропуск в руке, радуюсь любому моменту, свободная от шумной толпы. Плакаты трепещут вдоль стен, как мотыльки своими крыльями, закрепленными, не в силах вырваться. Воздушный кондиционер мурлычет, как спящий зверь в чреве школы. Приглушенные звуки разливаются из кабинетов, мои шаги эхом отдают на плитке.

Это приятный перерыв. Ферре Кен говорит со мной на английском языке, несмотря на угрозы миссис Шульц, ему к лицу фронт. Класс — зоопарк.

Дома, мы никогда не осмеивались не уважать наших учителей. Не тогда, когда ваш учитель наук является одним из старейших ониксов в истории. Или ваш учитель музыка Драги, что может привести к поломке стекла силой своего голоса.

Я останавливаюсь возле фонтана и пью глубоко, люблю спасательную прохладу работающую над моими губами, языком и горлом. В конце зала шкафчик хлопает, и я подпрыгиваю. Выпрямляясь, я вытираю подбородок тыльной стороной ладони, наблюдая, как девушка уходит от своего шкафчика с учебником в руках.

Я вздыхаю дрожащим голосом. Я была на грани весь день, весь уик-энд на самом деле — с тех пор как побывала в доме Уилла. Я постоянно ожидаю, что отряд охотников, спуститься на меня в любой момент.

Естественно, я думаю. Я была поймана в той комнате... почти, рубашка... и я чудом избегала объяснений для Хандет или Уилла.

Ксандер подозревал, но не пытался выяснить правду. По крайней мере, это то в чем, я убедила себя. Если он подумал, что я Драги — я бы никогда не покинула этот дом живой.

Уилл же другая история. Он может использовать рубашку против меня. Если он когда-нибудь считал, что драго может изменить себя, тогда ему придется узнать правду.

Я останавливаюсь у двери туалета для девочек, при звуке мягких голосов и приглушенного смеха. Девушка вываливается, лицо покраснело, глаза стеклянные, она пытается сгладить ее растрепанные волосы.

— О, — щебечет она, увидев меня. Она вытирает свой рот, как будто она боится, что ее помада размазалась. Только она не носит помаду. По крайней мере, не сейчас.

Позади нее знакомые темные глаза оседают на меня. Задерживаю дыхание.

Я быстро отхожу в сторону, желая уйти от них.

Девушка держится за руки Ксандра, ведя его за собой, как будто это не большое дело. то что она была в уборной девочек с мальчиком.

— Да ладно, Ксандер, — Она хихикает, — Давайте вернемся в класс.

— Эй, Джасинда, — Он проходит мимо меня, медленно. Кисти напротив меня. Пар шипит между зубами.

Мое горло сжимается, мой ум прыгает в память, рубашка залитая моей кровью в руках Ксандра. Он держал доказательство того, что я, и даже не знал об этом.

Мне трудно управлять собой. Страх и паника внутри меня. Страх, с которым бороться с даже мои пальцы, локоны моих волос, готовые защищаться. Дым поднимается в моих легких, съедает мое горло, расширяя трахею.

— Давай, Ксандер, — Девушка сильнее тянет руку, явно не оценив потери его внимания.

— Увидимся в читальном зале, Джасинда, — Он говорит мое имя, как будто дегустируя

— Ты будешь сидеть с нами сегодня?

Я качаю головой,

— Я буду сидеть с Кэтрин.

Он смеется,

— Ты слишком напугана, чтобы сидеть с нами?

Девушка смеется, громко, но я могу сказать, что она страдает от одиночества.

— Я не боюсь ничего, — храбрые слова так незначительны.

— Нет? — Он наклоняется близко. Я делаю шаг назад, противостоя растущему ожогу в задней части моего горла, желание проявиться. Разве это не отлично? — Может быть, ты должна.

Ложа руку на плечо девушки, он поворачивается и уходит от меня.

Вихри проходят через меня, я смотрю на его высокомерную прогулку по коридору. Память о моем отчаянном полете через заснеженные горы проносится через мой разум. Мои мышцы сжимаются, я помню как дико, безнадежно бежала через лес — паника.

На мгновение я снова там,

Она собирается продать камень.

Мое горло сжимается. Хотя я и предлагала ей продать драгоценный камень раньше, — как способ, того чтобы выследить нас — я не могу смириться с этой мыслью, сейчас.

— Вы не можете это сделать-, говорю, наблюдая, как мама снимает с нее рубашку и поднимает ее короткий топ с блестками с вешалки.

Она даже не возится с отрицаниями. — Нам нужны деньги, Джасина.

— Эти камни являются частью нас. — Она одевается.

— Больше нет.

Я попробую другой подход, тот, который будет влиять на нее.

— Гордость найдет нас. Выследит нас. Они будут знать.

— Я не собираюсь продавать их здесь.

— Где же тогда?

Она поворачивается к комоду с зеркалом. Применяет помаду, которая выглядит сырой и кровавой на ее бледном лице.

— Я собираюсь попросить несколько выходных дней. Я продам их где-нибудь еще. Далеко отсюда. Мы будем в безопасности.

У мамы всегда есть ответы, только никогда не те, которые я хочу услышать.

Я пытаюсь как-нибудь скрыть то что мои руки трясутся.

— Ты не можешь, — на смотрит на меня с разочарованием в глазах.

— Неужели ты не понимаешь, Джасинда? Это то, что нужно сделать.

Ее устойчивое спокойствие в отчаянии... заставляет меня чувствовать себя еще более одинокой. Сад. Неправильно. Как я должна быть лучшей дочью? Тот, кто не понимает, что она всего лишь пытался помочь мне.

Но я не являюсь. Не я. И не смогу когда-нибудь, не от того, насколько сильно я стараюсь. Не так давно, как она пытается убить часть моей души.

На следующий вечер мама не собирается продавать камень и я тоже. Глупо, но я думаю, что, может быть если я не буду об этом говорить, она забудет что хочет продать один из них.

В то время как она и Тамра ждут нашей пиццы в Чабби, лучшая пиццерия в Чапаррал, я иду три двери вниз, что бы выбрать фильм на ночь. Скорее всего это будет комедия. Все, чтобы отвлечь меня.

Это происходит на обратном пути.

С фильмом в руке, я пересекаю квартал прямо перед Чабби, когда мои ноги срываются и я оказываюсь внутри узкого прохода, находящегося между двух бетонных стен. Запах ближайшей помойки заполняет мой нос.

Я борюсь, огонь съедает горло.

Скручивая голову, я стараюсь повернуться так, чтобы превратить лицо моего злоумышленника в кучу костей и пепла.

— Остановись!

Я узнаю этот дымный голос мгновенно. В глубине моего сознания, я знала что если стая когда-нибудь разыщет меня, найдёт меня... Он будет одним из первых кто сделает это.

Он держит меня.

— Ты закончила? Я не собираюсь отпускать тебя, пока ты не пообещаешь не сжигать меня.

Я судорожно смеюсь.

— Не уверена, что могу обещать тебе это.

После долгого момента, большие руки на моих плечах расслабляются. Я досчитала до трех и повернулась.

— Привет, Джасинда, — он сказал это так, как будто наша встреча, самая естественная вещь в мире.

Мои глаза не могут принять то, разум уже знает. Я смотрю на него. Необъяснимость его слов, нависшая стена. Более шести фунтов. Я и забыла о его размерах. Его чистое присутствие. На мой взгляд, со временем проведенном в человеческом мире он сжался. Теперь я снова и снова осознаю, почему он лидирующий оникс в нашей стае. Второй, только его отец.

— Как ты нашел нас, Кассиан?

Он скидывает голову. Пурпурно-черные пряди гладят его плечи.

— Ты думаешь я не искал? — спрашивает он.

— Я не верю.

— Да неужели?

— Почему ты не мог просто забыть?

— Я не мог этого сделать.

— Потому что твой отец сказал так, — я шиплю, думая о его отце.

Угольно-черный мигает под оливковым оттенком кожи Кассиана, его драги готов вырваться.

— Я здесь не для своего отца и не для стаи.

Его пурпурно-черные глаза впились в мои. И я вижу что он говорит правду. Он здесь для себя.

Я скидываю голову.

— Все прошло, Кассиан. Я не собираюсь возвращаться домой.

По крайней мере это так. Не с ним.

Он реагирует на это типичным мужским лицом Драги. Лицо его вы вытягивается, нос расширяется, становясь ребристым. Кожа черного Драги в один момент сменяет человеческую плоть.

Я готовлю себя, сгибаю пальцы ног в ботинках. Клубы пара выходят из моего носа, как теплое дыхание в зимний вечер.

— Твоему мачо дисплею не запугать меня.

— Ты врешь.

— Я буду бороться с тобой, — предупреждаю я.

Он может быть сильнее, но я не беззащитна. И он это конечно же знает. Вот почему он здесь. Для того, чтобы посмотреть, что я могу делать после всего.

Он изучает меня, после сложившихся обстоятельств.

— Готов? — призываю я.

— А ты? — парирует он.

Готова ли я испепелить его одним лишь дыханием? При всей его сердитые внешности, он частного прошлого, один из моего вида.

Через мгновение он сказал:

— Ты не можешь бороться со стаей.

Я приподнимаю бровь.

— О, а причём тут стая? Я думала ты тут от своего имени.

— Это так, но они собирались послать кого-нибудь за вами. Я вызвался, если я вернусь пустыми руками они просто пошлют ещё кого-нибудь. Наверное Корбина.

Я стараюсь не дрожать. Корбин. Сын Джабель и двоюродный брат Кассиана. Он и Кассиан никогда не ладили. Даже не пытались.

— Возвращайся со мной домой, Джасинда. Это неизбежно.

Мои руки сжались в кулаки, ногти врезались в ладони.

— Это то что ты хочешь? Меня, которая будет ненавидеть тебя до конца своих дней, потому что ты не дал мне выбор?

— Ты преодолешь это.

— Нет.

Он выглядел удивлённым, даже немного грустным. Его глаза узкие, как будто он увидел меня в первый раз. Новую сторону меня, во всяком случае.

— Ты можешь вернуться, — сказала я, предотвратив открытие. — скажи, что не смог найти.

— Я не могу сделать этого.

— Ты думаешь я просто просто проснусь как-то утром и подумаю, Боже, я хочу быть собственностью снова, инструментом, который будет использоваться для размножения. — Я складываю руки. — Я не вернусь.

Он смотрит на меня долгим взглядом. Мой живот дрожит под этим взглядом. И на мгновение я полностью получаю эффект, который он оказывает на многих девушек. На мою сестру и на любую другую самку стаи.

— Очень хорошо. Тебе не может здесь нравится. Ты не можешь хотеть оставаться здесь. Для этой нищеты. Независимо от того, что ты говоришь, что ты думаешь сейчас, ты устала от

человеческого мира. Это тепло должно быть ад для твоего Драги. Здесь очень тепло. Я подожду, — он наклоняет голову назад, как будто рассчитывая, сколько ещё я смогу продержаться здесь. — Пять недель, — объявляет он.

Пять недель, хах. Я очень удивлена что он вообще дал мне столько времени.

— О, моя мама будет просто рада тому что ты здесь. Она наверное готовит жаркое.

— Она не должна знать что я нашел вас... Или что я вернулся. — Его губы скривились. — Не хочу чтобы она снова схватила тебя и убежала.

Она так и сделает. Он прав.

Его глаза смотрели в мои и я почувствовала прилив знакомого беспокойство. Ну что ты ещё, тоже. Что-то, чего я никогда не чувствовала с Кассианом раньше. Странное чувство тоски. Я сказала себе, что это тоска моей стаи, моему виду. Это имеет смысл. Это не к нему конкретно. Это к тому, что он есть. То что он из себя представляет. Я почти чувствовала запах гор и тумана исходящий от него. Это стоило больших усилий, чтобы не шагнуть и не вздохнуть этот запах.

— Я могу быть терпеливым, — добавил он.

— Мне нужно твое слово. Твое обещание. Ты не вмешивайся, пока я здесь и не заставляешь меня вернуться. — Потому что если он это скажет, я поверю ему. Он был для меня много кем, но он никогда не был лжецом.

Его тяжелый взгляд смотрит на меня.

— Я обещаю.

— Хорошо, — наконец согласившись, я двигаюсь мимо него — Я верю тебе.

Что-то в его глазах, его лице, заставляет меня поверить ему. И действительно, если у меня выбор?

— Ты должна, — Мурлычет он. — Ты всегда можешь доверять мне.

Выйти из переулка я обнаруживаю что мамой и Тамра ушли из Чабби. Быстрый взгляд через плечо подтверждает что Кассиан ушел. Внезапно ветер поднимает мой взгляд вверх, к тёмной тени в воздухе, которая крутясь выше, истязает в чёрную ночь так быстро, словно туман.

Только его голос задерживается, шепча сквозь меня "Ты всегда можешь доверять мне."

Я надеюсь он прав.

Я дёргаюсь от неожиданного звонка вскоре после начала пятого урока. Смущенная, я оглядываю весь класс и парты с оставленными на них вещами.

— Что происходит? — Спрашиваю я девушку рядом со мной.

Она закатывает глаза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Где ты была? Разве ты не слышал объявления? Сегодня? Всю неделю?

Я качаю головой. Я в курсе основной звуковой записи со школьными новостями, даже сейчас, один месяц, это не то чему я уделяла пристальное внимание.

"Один месяц". Я чувствую себя узником, заключённым и отсчитывающим свое время.

Воспоминания о Кассиане осеняют меня. Я практически не сомкнула глаз, с изображением того, как он был в том переулке. Заманчиво думать, что он может быть близко, рядом, готовый отвезти меня домой. Должно быть всего этого стало слишком много. Больше чем я могу вынести. Хрошо иметь другой выход.

— У нас митинг, — объясняет девушка.

— О. — Я смотрю на свою парту, интересно, смогу ли я остаться в этой комнате.

— Это обязательно, — вставляет она.

— О, — повторяю я.

Она посылает мне отвращенный взгляд.

— Немного школьного духа не помешало бы. Наша бейсбольная команда сделала плей-оф.

Я киваю, как будто я знаю, что это. И все равно, что это большое дело. Я уже думаю о том, что будет. Подготавливаю себя для митинга. Надеюсь, он будет на свежем воздухе.

Моя кожа дрожит при мысли быть застрявшей в одном помещении вместе с более 600 учащимися. Этого не может произойти. Я не справлюсь с этим. Физкультура в зале с 60 учащимися была достаточно плоха. Стоя, я следую за учащимися идущих в зал.

Я думаю никто никогда не пойдёт моим путём, когда все учащиеся спускаются в зал предназначены для меньших учащихся.

Глубокий бой Барабанов вибрирует вдоль старого деревянного пола и путешествуй через мои ноги, прямо в центр моей грудной клетки, неприятно пульсируя.

Я миную двойные двери и мой желудок падает, скручивается при виде чрезмерно активных подростков, тесно запакованных на трибунах. Группа собирается в дальнем конце зала. Её члены носят темно-красный мундиры со строго выглядящий воротником. Они играют на своих инструментов, покачиваясь, как будто они наслаждаются этим. Их пухлые красные лица блестят от пота, рассказывая нам другую историю.

Пот стекает по моей спине. Тут жарче, чем снаружи. Мои поры широко открыты, хватая, ища холодный воздух, туман и конденсацию. Но здесь есть только один приторный аромат всех собравшихся людей. Учащиеся толкают меня.

— Двигайся уже, — фыркает девушка, врезавшись в меня.

Я пробегаю взглядом по морю тел, находящихся в зале. Обернувшись, я напрягаюсь глядя на дверь или что-то. Кто-то, кто-нибудь за кого можно зацепиться среди этих потных тел. Тамра. Катерина или Брэндон. Даже Натан будет хорошо. Кто-то что б отвлечь меня и помочь пройти через это.

Не Уилл конечно. Я знаю лучше. Он не того рода отвлечения.

Я поднимаю лицо, пробуя проглотить чистый воздух. Невозможно. Зал устаревший и здесь воняет потными, грязными телами. Я пытаюсь вздохнуть глубже, всасывая воздух в мои сжатые лёгкие. Я получаю запах крови похороненный глубоко в деревянном полу и чувствую себя больной, увядшей. Голос Кассиана раздаётся у меня в голове "Тебе не может здесь нравится. Ты не можешь хотеть оставаться здесь, в нищете."

Мои ноги двигаются медленно. Говорю себе, что это не может длиться долго, нахожу место. Сажусь на первое место которое нашла, находившиеся так низко как только можно найти на трибунах.

Группа поддержки развлекает толпу, качаю помпонами и бросая тела на воздух. Там Бруклин. Её губы раскрыты в широкой улыбки когда она кричит в толпу. И впереди, сидя так близко как только можно, сидит Тамра, с выражением восторга на лице.

— Эй, — девушка с брекитами (зеленые резиновые полосы растянуты как веревки слизи между металлом) толкает меня. — Ты младшая?

Я смотрю на нее, на угрожающее щелканье зубов, которые выплевывают ее слова. Словарь который я не могу казалась запечатлить.

Я ощущаю перезагрузку. Группа стучит в барабаны, как кулаками в моей голове, пытаюсь открыть его изнутри.

Я встряхиваюсь, прыжки, крики, возгласы рвутся наружу, даже громче чем при крушении поездной полосы.

Сбитая с толку, я смотрю вокруг. Из дверей десятков парней в красных майках выбегают на площадку. Толпа сходит с ума. Меня швыряет из стороны в сторону как в море.

Голос директора поднимается над всем этим — странным, бестелесным звуком через микрофон как будто Бог говорит.

Кто-то вцепился в мой рукав прочной хваткой. Это снова та девушка. Слизистые брекеты.

— Эй. Это младший раздел.

Я слышу слова, но они не проникают в меня. Я их не понимаю.

— Кто ты? Рыба? — требуют она.

О.

— Студент — второкурсник, — отвечаю я.

Она наклоняется ко мне ближе и говорит громко, медленно. Как будто с умственно отсталой.

— Ты. Сидишь. Там. — Она пронзает воздух пальцем показывает через плечо.

Две девушки рядом с ней смеются. Обмениваются утвердительными взглядами. Девушка толкает меня в плечо.

— Иди. Выбирайся отсюда.

Несчастливая я двигаюсь чтобы пройти. Не потому что слизистые брекеты сказала мне. А потому что я здесь. Потому что я потеряла всё. Небо, стаю... Жизнь.

Потому что маму даже не волнует, что она делает для меня. Потому что Тамра так счастлива. Потому что Уилл единственный, кто возвращает меня назад. Заполняет грызущего боль, но я не могу быть с ним рядом.

Я стою. Мой мир кружиться. Сухой жар, неприятные запахи, жжение, шум, липкий пот людей...

Этого всего слишком много. Слишком. Много. Я в беде.

Кто-то кричит чтобы я села. Другие подняли крик. Я вздрагиваю. Чувствую как кровь отходит от моего лица, как вода из решета.

Среди шума, я узнаю голос слизистых брикетов.

— Она собирается блевать? Ужас!

Блевать? Я желаю... Желаю чтобы я была просто больная. И не умирала. И мертва. Призрак.

Серые края моего зрения. Я не могу увидеть. Я с трудом могу сдерживать себя. Я поднимаю ногу, стараюсь шагнуть вниз. Я вижу свою судьбу. Я собираюсь съесть древесины. Или приземлюсь телом. Я знаю это. Чувствую что падаю. Скрываюсь в серой глубине. Воздух превращается в ветер на моем лице.

Затем ничего. Это закончилось.

Руки ловят мои руки. Вытаскивают меня обратно. Серость отступает. Свет наводит мой взгляд на его лицо.

Уилл.

Он наклоняется ко мне, его красивое лицо полно решимости. Его карие глаза блестят, дикие с волнением. Я не могу определить. Он бормочет заплетающимся языком себе поднос, затем его челюсть сжимается, не сказав больше ничего.

Его рука скользит вниз по моей руке, через складки на моей руке. Его пальцы

переплетаются с моими. Я слышу быстрый стук его сердца через одно касание.

Его присутствия всегда делает это со мной. Вздыхает всю жизнь обратно. Гонит призрака, быстро, словно увядший туман. Моя кожа подтягиваться, рвется с осознанием. Моя грудь вибрирует. Ее переполняет облегчение, благодарность и что-то еще.

Взгляд его держит мой. В этот момент все затихает. Все превращается в далёкий гул. Мы одни.

— Давайте убираться отсюда, — Звук его голоса разрушает чары. Шум бросается на меня. Сотни кричащих подростков. Неприятные запахи. Головокружение возвращается. Я смотрю вокруг на дикие лица. Slimy Брекеты смотрит с широко раскрытыми глазами. Ее друзья смотрят аналогично.

Я киваю. Более чем готов. Внезапно уже не важно, что я не могу быть с ним. Мне просто нужно, избегать тренажерный зал.

Он ведет меня за руку вниз на трибунах. Его теплые пальцы переплетены с моими. Он чувствует себя хорошо, как и я в очередной раз, безопасно. Он движется с уверенностью, уходя от трибуны. Виляя вокруг опоздавших. Мы проходим Кэтрин. Она хватается за запястье.

— Где ты, — Ее голос умирает, когда она видит волю. Она из ее рта выходят слова, которые я не могу разобрать.

Я двигаюсь дальше, меня тянет вперед.

— Эй, Уилл!

На трибунах замечаю Ангуса. Я не вижу Ксандера. Наверное, в ванной комнате, где-то с другой девушкой.

Уилл кивает головой вверх на Ангуса и подтягивает руку к моей.

Мы переходим центр тренажерного зала, там, где сидит Тамра. Кручу головой, чтобы посмотреть, как она поднимается на ноги, морщась. Тревога. Я не понимаю, что наполняется в ее янтарных глаз.

Ее взгляд устремлен на танцевальных болельщиц. Я понимаю, почему она смотрит на них. Я не должна смотреть, но я делаю это. Я закрываю свой взгляд на Бруклин. Ее лицо горит красным и я знаю, что это не имеет ничего общего с напряжением их жизни.

Я не вижу больше, даже если бы захотела. Проталкиваемся между тяжелыми двойными дверями. Уровень шума снижается до приглушенного рева, когда мы находимся в зале. Я все еще чувствую биение группы по зданию, урчание своего тела.

— Куда мы идем? — Спрашиваю я.

Уилл продолжает идти, быстро с его длинными шагами. Он тянет меня за собой, пока мы не оказываемся снаружи, торопясь под крытым переходом.

Он смотрит на меня через плечо, его глаза блестящие, теплые и интенсивные. Мой желудок трепещет. Мне все равно. Меня не волнует, куда мы идем. Везде лучше, чем здесь. Везде с ним.

Мы пересекаем назад в главном здании и Уилл приводит меня к трапу на южном конце.

Хлопанье дверей повторяется долго и глубоко в чреве подъезда, закрывая нас. Он чувствует, мы как в узкой капсуле, запечатанный в земле. Содержимся отдельно от всех и всего. Последние два человека в мире.

Уилл садится на ступеньку. Я следую его примеру. Бетон холодный и твердый подо мной.

Я обычно избегаю лестничные клетки в пользу открытых пандусов в центре школы, которые соединяют первый этаж со вторым. Даже если это займет у меня больше времени, чтобы достичь моего класса.

Но здесь, с Уиллом, это не беспокоит меня так сильно.

— Спасибо, что увел меня оттуда-, бормочу я шнуруя пальцы вокруг моих коленей и глядя на него снизу вверх в расстоянии шага.

— Да. Ты смотрелась немного зеленовато.

— Я не справляюсь толпе слишком хорошо. Я всегда была такой, я думаю.

— Ты можете попасть в беду, — предупреждает он, глядя на меня этим странным, голодным образом. Он гладит свою нижнюю губу пальцем. Я замечаю вспышку на секунду, его глаза выглядят странно. Разные. Все светящиеся ирисы и тонкие темные зрачки. Почти как у драго. Я моргаю, чтобы отогнать свое видение. Его глаза снова нормальные. Просто мое воображение.

— Митинги являются обязательными, — продолжает он, — Многие люди видели, как ты ушла.

— Они увидели, как ты ушел тоже.

Он наклоняется в сторону, подпирая локоть на одной из ступени позади него.

— Я не беспокоюсь об этом. Я был в беде раньше, — Он улыбается криво, ухмыльнулся и держит скрещенные пальцы.

— Митинг окончен, — говорит он без надобности. Зал по-прежнему пуст, но это не на долго, — у меня английский.

Я перекрещиваю руки на груди, мне холодно. И я дрожу, несмотря на жару.

Мой драго любит его слишком много, чтобы остаться скрытым. Независимо от того, как я стараюсь, я не могу контролировать себя возле него. Я не могу рисковать подвергая гордость опасности. Даже не могу сдерживать моего драго. И я не могу рисковать видя презрение в его глазах, если он узнает, кто я есть. Не говоря уже о том, что его семья будет делать, если они узнают.

И есть Кассиан... где-то там. Ожидая. Наблюдая. Он мог показаться в любое время. Он и Уилл никогда не смогут встретиться.

Я киваю, моя грудь болит.

— У меня испанский, — С другой стороны здания. — Увидимся скоро.

Я говорю это, пустые обещания.

Зал оживает. Заполняется студентами хлопающими шкафчиками. Голоса, кажутся, громче, тела быстрее, ароматы сильнее.

Он все еще стоит передо мной, глядя на меня, как будто он хочет что-то сказать. Мои глаза говорят ему нет, скажи ему, чтобы ничего неговорил. Какой в этом смысл?

Я должна закончить это дело между нами навсегда... даже если это означает, оставить этот город без мамы и Тамры. Я не могу держать это, и я не могу заставить себя сказать маме, что я общалась с врагом. Они оба враги. Уилл и Кассиан.

На мой взгляд, это улажено. Когда Кассиан возвратится, я уйду вместе с ним.

Уилл качает головой, хмуро глядя на меня.

— Увидимся позже, — Он произносит это твердо.

Я улыбаюсь, к сожалению, Потому что я могу продолжать работать вечно, если это необходимо. По крайней мере, я могу уйти туда, где он никогда не сможет меня найти. Студенты текут мимо нас, как рыбы в ручье. Обернувшись, я исчезаю в толпе.

— Что все это значит? — требует Кэтрин, проскользнув ко мне в исследовательском зале.

Я пытаюсь сделать невинный вид и пустой взгляд, но она швыряет блокнот и копию «Убить пересмешника» на стол и квадраты выпадают передо мной. (Прим. переводчика: квадраты — это возможно фотографии или письма)

— Объясни это! Я думала, ты покончила с ним.

— О чем ты говоришь? — я пытаюсь оттянуть время, придумывая оправдание. Она заслуживает этого. У меня не много друзей в этом городе, только Кэтрин и Брэндан. Я ощущаю острую боль от того. Что потеряю их, когда уйду.

— А, школьная группа поддержки? — она вскинула голову. Тряхнув неровной челкой. — Ты. Уилл. На глазах у всей школы? Ничего не напоминает?

— О, — я смотрю на дверь, надеясь, что он не зайдет прямо сейчас, когда мы говорим о нем. — Ничего такого не было. Он увидел, что я выглядела нездорово, и помог... — мой голос обрывается. Я виновато пожимаю плечами.

— О, — она кивнула с притворно серьезным видом. — Конечно. Я вижу. И то, что вы двое делали на лестничной площадке, было просто его способом улучшения твоего самочувствия?

Я медленно закрываю глаза. Здорово. Теперь все полученные мною взгляды имеют смысл.

— Новости распространяются быстро, — промурлыкала я.

— Да, как и любые новости.

— Это был просто поцелуй.

— Угу. Ладно, это больше, чем другие девочки от него получили.

Этого не должно было произойти, но моё сердце стало трепетать от этого. Я делаю губы «уткочкой», чтобы спрятать улыбку. Кэтрин игриво толкает меня локтем.

— Ю-ху. Он тебе нравится! Я знала это. С самого первого дня. Эй, он не может быть таким уж плохим, если тебе он нравится. По крайней мере, у него есть вкус. А Бруклин может идти на...

— Ш-ш-ш, — я напряженно смотрю, чувствуя его приближение, жду, когда он зайдет.

Он появился в дверном проёме. Только он был не один. Его кузены были с ним. Вечные тени. Мое сердце упало. Это не может быть Уилл. Невозможно. Это не Уилл, который говорил со мной на лестничной площадке, отчаянно целовавший меня, будто я кислород, нужный его легким. Не с кузенами на его стороне. Это не Уилл, отпустивший моего Драги на свободу. Это не может быть он. Я даже больше не хочу, чтобы он был мальчик, я не могу сдерживаться. Это жестоко и бесчувственно. Когда я не могу контролировать себя достаточно, чтобы не думать о нем. Таким образом, лучше всего. Мне нужно видеть его с ними, помня, что он мой враг. Закреплять стену между нами до тех пор, пока Кассиан не придет ко мне. И я оставляю Чапарал.

Я смотрю на мои руки на столе, надеясь избежать момента, когда пройдут мой стол. Но, смотря вниз, я увидела ботинки Ксандра, остановившиеся у моего стола. Пауза.

— Здравствуй, Джасинда.

Темная дрожь прошла по моему позвоночнику. Я скрестила руки на груди и подняла

лицо. Не важно, что мой взгляд менее, чем дружественный. Со скрюченной линией губ Ксандр взглянул на Уилла.

— Ты не скажешь «привет», Уилл?

Ангус изучает меня, как будто я вдруг стала достойна его внимания. Как будто я кусок мяса, который нужно взвесить.

— Мы ранее уже здоровались, — сказал Уилл сухо.

— Да! — смеется Ангус. — Я слышал об этом приветствии. Я не понимаю, она была так весела, что повелась. Я мог бы сам с ней повеселиться, если бы знал, как это здорово.

Кэтрин шипит. Она выскакивает вперед, я хватаю ее руку, останавливая, чтобы она ничего не натворила.

— Заткнись! — рычит Уилл.

Я помню, что Уилл сказал о своей семье в машине в ту ночь. «Отрава» — назвал он ее. Я помню ту комнату, крошечные красные и черные флаги, разбросанные по всему североамериканскому континенту — и лицо Ксандра, когда он поймал меня там.

Ангус смеётся снова, его рот широкий со зверскими чертами.

— Хорошо, — начинаю я, едва ли признавая странность моего голоса, густой. Как меласса во рту. — Это не было тем, что запоминается.

Больно говорить ложь, жестко, но я должна.

Ксандр выглядит сбитым с толку, не уверенным, он смотрит то на меня, то на Уилла.

Пристальный взгляд Уилла рылся внутри меня. На мгновение, я представляю себе вспышку боли там. Затем она ушла.

— Возможно, ты должна попробовать другого Рутледжа, — Ангус игриво двигает своими густыми рыжими бровями.

— А разве вы не равнозначные? — спросила я. — Попробуй одного, узнаешь остальных.

Он хмурится. Слово «равнозначные» задело его.

— Свинья, — бормочет Кэтрин.

Я предупреждающе сдавила ее запястье.

— Не к тебе обращаются, фрик. — кинул Ангус.

И мне это не нравится. Я не люблю уязвленную волну, которая проходит по ее лицу, прежде чем она снова выглядит стойкой и твердой снова. Знакомое тление зарождается внутри меня.

— Ой, — она смотрит на меня с недоумением, дергая свою руку. Я забыла, что все ещё держу ее. Я быстро отпускаю ее. Она трет свои запястья, и я знаю, что она почувствовала нарастающий жар внутри меня.

Блестяще! Сначала я почти раскрылась Уиллу, когда он целовал меня, теперь это.

Возможно, сегодня будет хорошая ночь, чтобы снова попытаться на поле для гольфа.

— Садитесь, — окликнул впереди Мистер Хенк.

Ангус идет в конец класса. Ксандр мгновение изучает меня своими демонически-темными глазами, пока не оказался у меня за спиной.

Уилл медлит, смотрит на меня, как будто ожидает, что я что-то сделаю, скажу что-нибудь.

— Предполагаю, ты не заинтересована во мне сидящем с тобой?

Я отвожу взгляд. Не могу ничего сказать — не могу заставить себя произнести еще одну уродливую ложь. Не смотря, я слышу, как он уходит. Чувствую, как рядом со мной образовывается пустота от его ухода.

— Вау, — тихо говорит Кэтрин благоговейным голосом. — Ты на самом деле отшила Уилла Рутледжа!

Я пожимаю плечами, борясь с болезненным комом в горле.

— Ты в порядке? — спрашивает она.

— А почему я должна быть не в порядке? Он на самом деле не мой тип.

Я мельком глянула через плечо туда, где он сидел, сгорбившись между кузенами. Они разговаривали, но без Уилла. Он уставился в окно, его взгляд прикован к пятну снаружи. Его выражение лица напоминает мне о матери. О Тамре. О том, как они привыкли смотреть, когда мы жили со стаей. Пойманные в ловушку. Всегда ищущие выход.

Моя грудь чувствует жесткую и плотную массу, разрастающуюся в центре. Он не заслуживает наказания.

— О чем ты думала? — отрезала Тамра, когда я присоединилась к ней на обочине. Мама все ещё была на несколько машин позади и медленно приближалась к нам.

— Ты должна знать. Этот спортзал, эта очередь... — я дрожу, шурясь от пустынного солнца. Сухой ветер поднял мои волосы с плеч, превратив их в дикую растрескавшуюся массу сухую, как солома.

Ее глаза заискрились, и я знаю, что она ждет этот момент с группы поддержки, что бы зажечь меня.

Гнев зарождается в моих жилах, потому что, если кто-то и должен знать. Что будет со мной делать группа поддержки, пройдя я через это, то только она. Она не может быть Драгой, но она понимает. Мы разделяем эту историю. Мы происходим от драконов. Драконов, правивших землей и небом тысячелетия назад. Как я должна терпеть это ограничение? В гимназии, наполненной суровыми звуками и людьми?

— Я знаю только то, что ты не контролируешь себя. Особенно в отношении Уилла Рутледжа. Я думала, ты собираешься держаться подальше от него.

Я пытаюсь. Даже сейчас, когда он убивает меня. Я пытаюсь. Но я не говорю это. Вместе с этого, я думаю о времени проведенном с ним, она не знает об этом и не чувствует удар беспощадной расплаты.

— Если ты так беспокоишься, то скажи матери.

Я отбрасываю эту мысль, потому что она не поймет.

— Таким образом, мы сможем снова переехать? — отвечаю я, приподняв плечи.

И это — суть дела для нее. Она сжала губы в тонкую линию и откинула волосы:

— Я так не думаю.

Я оглядываюсь назад к ряду автомобилей. Мамин Хэтчбек едет ближе к краю. Солнце печет, обжигая мою макушку, я переминаюсь с ноги на ногу. Я сжимаю пальцами ремень рюкзака и спрашиваю, прежде чем смогу себе помочь:

— Тебе даже все равно, что со мной делает пребывание здесь?

Она резко поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— А как ты обо мне заботилась все эти годы, пока мы жили со стаей?

Конечно, я заботилась. Я бы так не сопротивлялась Кассиану, если бы не заботилась. Кассиан был моим другом. Он как горы для меня, закрывал со всех сторон. Я могла позволить себе любить его, но не позволила. Я сделала это ради Тамры.

— Чего ты от меня хотела? Стая была для нас домом. — напомнила я.

Она злится, боль пылает в ее глазах.

— Твой дом. Он никогда не был моим. Я всегда была нарушителем, застряла, наблюдая,

как Кассиан подлизывался к тебе. Все любили тебя. Хотели быть твоими друзьями, парнями, ВСЕМ...

— Я никогда не просила этого от них. Никогда не просила от Кассиана.

— Нет. Но ты получила это. Ты и его получила. И не из-за тебя. Не потому что он любил тебя, — она качает головой. — Ты знаешь, я могла бы жить с этим, с вами вместе,... если бы он действительно любил тебя.

Она произносит это, как величайшую невозможность. Шутка. Я поднимаю лицо, ловя потоки ветра, которые могут дать мне облегчение. Но его нет. Она продолжает:

— Людей привлекает не то, кто ты, а то, что ты. Первенец всегда получает приз. Всех и все. Даже папу. У вас двоих был собственный клуб избранных.

— Ты пытаешься быть жестокой? — рявкнула я. — Я не могу изменить любое из этого. Тогда не могла и сейчас не могу.

Она долго молчит. Но потом она начала говорить мягче:

— Разве ты не можешь научиться, хоть немного, это ценить, Джасинда?

В ее янтарных глазах уже нет той ярости, и хотя я вижу, что она обижается, меня она не ненавидит. По крайней мере, не хочет.

Я качаю головой, не зная, что ответить. Я знаю, что она не захочет услышать правду, потому что она ей не понравится. Она не хочет услышать, что я пыталась. Для меня дело не в том, чтобы выбирать, нравится мне здесь или нет. Это не то, что я могу контролировать. Так или иначе, какое это имеет значение? Я не буду здесь надолго. Конечно, я не могу сказать ей об этом.

Мы садимся в машину, Тамра — спереди, я — сзади.

— Эй, как дела в школе? — спрашивает мама.

Тамра ничего не говорит, я тоже. Воздух становится напряженным. Мама смотрит между нами.

— Ужасно. — фыркает Тамра. Затаив дыхание, я жду, что она скажет что-нибудь о группе поддержки. Обо мне и Уилле. Время идет и ничего. Она молчит. Я выдыхаю тихо с облегчением. Полагаю, она хочет остаться здесь, это плохо. Или, может быть, она сожалеет о своем всплеске. Она королева ситуации. (прим. переводчика: все держит под контролем). Интересно, она заговорила бы, если узнала бы она правду. Зная, кто на самом деле Уилл. Узнает ли она? Наверное, нет. На этот раз она слишком заиклена на себе и получении того, что хочет. И я не могу винить ее за это, потому что она права. Раньше у Тамры этого не было. Я переживаю за нее. Но все не настолько плохо, чтобы с радостью приняла ту душу, которой пойдет мое пьянство, если я останусь здесь и ничего не сделаю. И это вполне объяснимо, потому что мой уход освободит их. Тамру и маму. Печальная реальность. Если хочешь сделать лучше близким, лучше им быть без тебя.

— Джасинда? — подгоняет мама.

— Великолепно, — вру я, потому что это единственное, что она хочет услышать от меня. — У меня был великолепный день.

Мы почти дома, когда мама делает свое большое объявление.

— Завтра я уеду. — Я ошеломлена на мгновение, фактически думая, что она могла бы подразумевать, что все мы уедем завтра. Тогда я понимаю. Она собирается продать драгоценный камень. Пылающий янтарь. Замороженный огонь.

Я наклоняюсь вперед, чтобы посмотреть на нее, напрягаясь, чтобы лично убедиться, если она серьезна. Как она может сделать это? Как она может притвориться, что она сможет продать неотъемлемую часть меня, отрывая мое сердца и продавая кому-то, кто думает, что это — только кусок скалы? Ценный, но безжизненный. Мертвый.

— Завтра утром. Вы должны будете сесть в автобус. Я планирую вернуться вовремя, чтобы забрать вас в пятницу днем. Я уже предупредила миссис Хеннеси, и она присмотрит за вами. То чувство, которое начинается в моем животе — извилистый страх, который я чувствовала несколько лет назад, когда Северин постучал в наши двери, чтобы сказать, что папа пропал без вести.

— Миссис Хеннеси? — Тамра морщит нос.

Так как сестра не спрашивает, насчет отъезда мамы, она явно уже знает. И не заботится. Только я волнуюсь. Только я себя неважно чувствую.

— Куда ты едешь? — Требую я, мне нужно знать. Так или иначе, это имеет значение. Как возможно, когда-нибудь, я могу найти камень и спасти его от того, чтобы быть потерянной в вечность. Мама молчит.

— Куда ты идешь, чтобы продать его? — Кричу я.

— Это так здорово, — говорит Тамра, роясь в рюкзаке, — можем мы уже поехать? Но оставаться в той, же самой школьной зоне, конечно. О, как насчет сотовых телефонов? Думаю, только у нас двоих нет их...

— Успокойся, Там. Не нагоняй себя. — Мама гладит ее по колену. — Это должно только ослабить часть давления. Мы еще не уходим. Остановка поможет купить для вас, девочки, некоторую одежду. И, возможно, я могу передумать. Оставайтесь дома на пару ночей. Я буду скучать по своим девочкам. Возможно, — она смотрит нежно на нас, ее яркие глаза, блестящие с обещанием, — я даже позабочусь о покупке для вас двух автомобилей. Тамара визжит. Летит через сидение, чтобы задушить маму в объятии.

Автомобиль? Семейный драгоценный камень променять на автомобиль? Кусок техники, которая продержится возможно только десятков лет? Вряд ли справедливый обмен. Я смотрю в окна, слишком оскорбленная. Не могу двигаться и разговаривать. Мигая горящими глазами, я вижу, что дворы пролетают. Вся скала и стратегически устроенные валуны. Кактусы, сонный Бугенвиль, и пустыни мудреца. Плавные ленты высокой температуры танцуют выше отбеливаемого солнцем асфальта.

— Я нуждаюсь в вас, девочки, обещаю навещать, проверять миссис Хеннеси. Сообщите ей, если вам понадобится что-нибудь. Я буду звонить каждый день.

— Да! Хорошо! — Дивно восклицает моя сестра.

— Джасинда? — Говорит мама мое имя с переднего сиденья. Она ждет. Ожидание чего-то от меня. Бесполезно спорить с нею. Ее мысли составлены. Но мои — тоже. Что-то должно произойти. Вырваться на свободу. И это буду я. Они стали счастливы здесь, когда обосновались, а на их пути та жизнь, о которой они всегда мечтали. Они не хотят уезжать. А

я не могу остаться.

— Все равно, мне плохо, — достаточно неопределенный ответ, чтобы удовлетворить ее, надеюсь. На мгновение я чувствую себя обветренной, как будто воздух прошло сквозь грудь.

После того как папа взял нас в парк развлечений в штате Орегон. Одни из тех кратких каникул бегства от мамы, гордости, всегда делали пункт, чтобы запланировать. В прошлом, когда Тамра и я были просто сестрами, чьи основные жалобы друг с другом вращались вокруг разделения игрушек. Прежде, чем я когда-либо проявляла. Беспомощны тяжести. Не могу полететь, чтобы спасти себя ... Я чувствую тот же самый беспомощный ужас. Поскольку все, что я говорю, не отговорит маму от ее нынешнего курса. Ничто не заставит ее понять то, что она делает мне. Я падаю. И на этот раз, ничто не спасет меня. Никакое механическое устройство не будет работать на свое удивление и отдергивать меня в последнюю минуту. Но она действительно понимает, тихий голос шепчет сквозь меня. Именно поэтому она делает это. Мама хочет, чтобы я была на земле. Позже, той ночью, я нахожу ее, упаковывающую вещи в комнате. Она одета для работы, планируя уехать после того, как ее смена закончится. Коробка из нержавеющей стали лежит на ее кровати около ее шерстяной байки. Тревога наносит удар моему сердцу при виде этого.

— Ты не продашь их все? — Спрашиваю я. Она смотрит на меня, сворачивая рубашку.

— Нет. — Говорит она и продолжает упаковывать вещи, ее движения, измеренные, медленные. Я киваю, облегченно вздыхаю, шагаю к почтовому ящику с ключом. Мои ладони покалывают, жаждущие открыть это.

— Можно посмотреть?

Она вздыхает. — Не делайте этого, Джасинда. Просто забудь.

— Не могу, — я касаюсь крышки, поглаживаю ее. Мое горло болит. — Просто покажи мне. В последний раз.

Она качает головой. — Ты выбрала трудное для себя решение.

— Покажи мне.

Мама роется в своем кармане, ее сердитые движения, ее голос низкое бормотание, поскольку она размахивает ключом. Отпирая коробку, она вскидывает крышку. Я впитываю дыхание в мгновенном жаре цвета. Ритмичные голоса окружают меня. Мягким шепотом, они охватывают меня, напоминают мне о моем истинном характере, медленно исчезающем от этого мира. Но не с такой скоростью, как мама думает. Не с желанием вокруг. Он — вероятно, единственная причина мои Драги. В этой пустыне, без драгоценных камней, без него, я обречена. Как поцелую, достигающие камни, мое ядро ... спасает меня. Моя кожа встает. Дрожит. Один камень достигает меня по другим. Я закрываю глаза, поглощая нить новой энергии.

— Какой? — Шепчу я, открывая мои глаза, но подозревая, что мама снимает янтарь с удобного места около его братьев. Конечно. Моя челюсть напрягается. Я знала. Так или иначе, я знала, что это было. Я наклоняюсь, глядя пристально, запоминая, клянясь найти его снова. Молча, нахожу его, наблюдаю янтарный пульс со светом. Подмигивание и вспышка, как будто он слышит меня и понимает. Я верну тебя. Когда-нибудь. Когда я больше не узник прихотей моей матери. Если я не исчез полностью к тому времени. Поникший ни к чему, не превратился в фантом, которым она хочет, меня видеть. Я протягиваю руку, чтобы погладить его поверхность. Теплый и пульсирующий. Жизнь наполняет меня мгновенно. Как она знает, что это кормит меня, мама отступает, держа драгоценный камень только вне досягаемости. Моя кожа плачет, жаждет контакта. Я ринулся вперед, жаждущий его чувствовать его снова.

— Ты должна остановить это. Отпусти старую жизнь. Пристальный взгляд мамы врежется в меня, и мне вспоминается то, как она имела необыкновенную страсть смотреть. Живой, яркий. Возможно, камни все еще поют.

— Так много ждет тебя здесь, если ты просто откроешь себя для него.

— Да, — я ворчу. — Возможно я попробую себя в черлидинге. — Она поворачивает голову, смотрит на меня резко.

— Там нет ничего плохого.

Да. Она любила бы это. И мне жаль, что я не мог. Мне было бы легче, если я могла бы сделать это. Если я могла бы быть как Тамра.

— Я не Тамра, мама! Я — Драги.

— Нет.

— Да. Это — я. Если ты хочешь убить ту часть меня, то ты действительно должна убить меня. Я вдыхаю глубоко.

— Папа понял это. И он мертв. Это убило его. Я мигаю.

— Что?

Она отворачивается, кидает янтарь назад в почтовый ящик с ключом. Думаю, она решила, что беседа закончена, но мама сталкивается со мной взглядом снова, и ее на ней не ее лицо. Незнакомка смотрит на меня, ее чрезмерно яркие глаза, бросаясь дико как появление животного из покрытия лесов.

— Он думал, что мог бы найти другую стаю. Он не знал, что мы жертвуем нашей дочерью

— Гордость? — требую я объяснений, горячее опровержение, протекающие по мне. Запрещено общаться с другой стаей. Начиная со дней Первой мировой войны, когда мы фактически уничтожили друг друга.

— Папа не сделал бы этого! Он думал, что может найти стаю, которая не будет убивать при виде его! Для нас.

— Для тебя? Для нас? — Она смеется. — Ах, да. Если бы. Твой отец пошел бы на всё чтобы защитить тебя, Джасинда. — Ее глаза становятся холодными. — Он сделал это.

Я качаю головой, борясь с ее словами. Папа не умер из-за меня. Это не может быть.

— Это верно, — говорит она, как она может прочесть мои мысли? Но я знаю, что это — правда. Ужасная, отвратительная, правда. Я дрожу, от того, что не могу дышать. Я — причина папиной смерти.

Я набираю воздуха.

— И ты обвиняете меня в этом? Почему ты просто не сказала это?

Ее глаза мигают. — Никогда. Я обвиняю стаю

Я двигаю медленно головой из стороны в сторону, как будто под водой. — Я хочу вернуться.

Хочу убежать от нее, от всего, что она говорит мне. Это слишком много. Я почти говорю ей о Кассиане тогда. Из меня выскакивают слова:

— Ты и Тамра можете остаться здесь. Возможно, я смогу вас навещать, — Она качает головой отчаянно. — Категорически нет. Ты — моя дочь. Мы созданы друг для друга.

— Я принадлежу стае, горам и небу.

Разве она не знает? Появятся только боль и смерть, для тех, кто пытается оставить стаю?

— Они не сделают этого. Кассиан обещал.

— Я не позволю, — смеется она. Дикий смех пугает меня.

— О, Джасинда. Когда ты собиралась рассказать? Нужно ли мне объяснить это для тебя?

Я качаю головой, смущенный, начиная чувствовать себя так, словно я не должна верить Кассиану.

— Я уже знаю, что они хотят, чтобы я сблизилась с Кассианом ...

— Это не все. — Мама хватается меня за руку. — Ты хотите знать то, что стая запланировала тебя? Холодный страх несется по мне, глубокий и ужасный, но я киваю. — Если бы мы тогда не уехали, они отрезали бы тебе крылья. Я вырываюсь из нее, шагаю назад и качаю головой... Нет, нет, нет. Наша стая не сделала бы этого. Обрыв крыла — древняя форма телесного наказания для Драги. Отнимать у Драги приспособления полета — страшное наказание ... и чрезвычайно болезненное. — Они не сделали бы этого мне.

— Ты — собственность, объект. Драгоценный товар для их будущего. Они сделали бы что угодно, чтобы удержать тебя. Я вижу лицо Кассиана, помню его серьезное выражение. Он, возможно, не лгал, возможно, не знал, что это ожидало меня. Кассиан, не хотел, чтобы я вернулась с ним. Я не верю этому.

— Это не правда. Ты сказала бы мне раньше.

— Я говорю это теперь. У них были планы относительно тебя, Джасинда. Они не были готовы рискнуть с тобой. Не после того последнего трюка.

Теперь слезы катятся по моему лицу, шипящему на моих щеках пропаривания.

— Ты говоришь это так, словно я не вернусь. — Мой голос кажется не моим. Горячая эмоция сжимает мое горло так, чтобы я мог едва дышать.

— Повзрослей, Джасинда. Ты больше не маленькая девочка. Это — правда. Глубоко в твоей голове, ты знаешь это. Ты хочешь вернуться к этому?

— Мам, — говорит Тамра из дверного проема. Она уставилась на меня в беспокойстве. Ее гладкая бровь мнется в пути, который напоминает мне о том, когда мы были маленькими девочками, оба столь защитные друг из друга. Мы постоянно спали вместе по ночам. С той памятью я не чувствую себя настолько ужасно одинокой. Только смущенной. Я вытираю руками щеки. Слезы заставляют меня чувствовать себя слабой, маленькой. Драги не должно быть. Возможно, я становлюсь человечнее.

Голос мамы смягчается, и я дергаюсь, поскольку она касается моего плеча.

— Ты не можешь вернуться, Джасинда. Хоть когда. Ты понимаешь теперь?

Кивок, я опускаю свою голову. Позволяя моим волосам попадать в мои глаза. Таким образом, она не будет видеть слезы. Поражение. Поскольку я знаю, что она не лжет. Все, что она сказала — правда. Я не могу вернуться к стае. Я в ловушке, если остаюсь здесь. Я буду в ловушке, если вернусь к ним. Так или иначе, это не имеет значения. Я никогда не буду свободна. Правда надавливает на меня. Зверская, сокращающаяся боль,двигающаяся в мои лопатки. Я проношу мимо своей сестры, стоящая в дверном проеме, почти опрокидывающемся в моем порыве, чтобы убежать. Оцепенело, я слышу шепот мамы. Интересно, знает ли она об обрыве крыла? А если она знала все это время. Кассиан должен был знать, что его папа и старшие намеревались порезать мои крылья. Как он мог бросить меня и лгать с такой искренностью в глаза? Он не заботился обо мне? Дружбу мы когда-то разделили? Я чувствую себя глупой и потерянной ... глупой. Стая способна к чему-либо. Горбясь, я сжимаю свой живот, поскольку я пихаюсь через дверь ванной. Делая выпад к туалету, я освобождаю живот, рыдающий через болезненную дрожь, блюя много раз.

Сотрясение, ошеломленная, я наконец останавливаюсь.

Слабость.

Вялость.

Прислоняясь к прохладной стене, я захватываю дрожащее лицо обеими руками и признаю, что все, что я когда-либо знала, чтобы верить, все я когда-либо, верил — не существует. Я никогда не смогу вернуться домой. У меня нет дома. Я звоню. Исчерпанный от крика, я слушаю звук своего собственного распиливания дыхания от моих губ в течение нескольких моментов. Голос Тамры плавает через лес, столь мягкий и низкий, мне требуется момент, чтобы понять.

— Это не твоя ошибка, Джасинда. Не вини себя. Конечно, ты доверяли им.

Моя голова вскидывается, смотрит на дверь. Она знает? Она заботится? Я предполагаю, что не должен чувствовать удивление. Она — моя сестра. Столь же отличающийся, как мы, я никогда не чувствовала, что она ненавидела меня или обвиняла меня в том, что я согласовался с гордостью, когда она не могла. Теперь, если бы я ввернул вещи для нее здесь в Чапарале, то она обвинила бы меня в этом. Как будто она может прочесть мои мысли, она продолжает, так как они относились к тебе... как своего рода памятник для стаи. Не реально, не любого они уважали или заботились о ..., это было неправильно. Кассиан был неправ. Она вздыхает, и интересно, как это, она знает то, что я должен получить известие от нее прямо сейчас.

— Я только хочу, чтобы ты знала это. — Пауза. — Я люблю тебя, Джасинда.

Я знаю, я почти говорю. Тень ее ног ниже двери исчезает. Я кусаю губу, пока медно-красный сильный запах крови не одолевает меня. Медленно выхожу из ванной.

Глава 21

Это был первый ночной дождь с того момента, как я здесь. Я уже начала думать, что никогда больше его не увижу и не смогу ощутить его на коже. Что я приехала в далекий, забытый уголок мира, где нет дождя и пышной зелени. Где земля не шепчет свои песни.

Но сегодня, небо разверлось и плакало крупными слезами. Днем мама раскрывает мне последнюю уродливую правду, которую скрывала от меня. В каком-то смысле дождь уместен.

Смотря на стекающие по окну капли, я думаю о Уилле с его ужасной семьей. Он заключенный, как и я. Провожу кончиками пальцев по моим сухим губам, чувствуя его. Сложив руки, я представляю, что он будет чувствовать, если Кассиан поцелует меня. Другой Драги. Ответит ли ему мой драги? Будет ли поцелуй такой же магический? Может он уже целовал меня и до сих пор врал мне в лицо? Он стоял бы и смотрел, как они отрезают мне крылья?

Тяжело слушать. Тяжело, ведь я никогда раньше не слышала дождь. Но кожа моя наслаждается монотонным звучанием. Его нежное постукивание по дорожке из гравия снаружи. Его звонкие удары о металлическую крышу садового сарая.

Я немного улыбаюсь. Чувствую надежду в мягкой, привычной картине, которая заполняет тишину ночи. Возбуждение. Ожидание. То же я чувствовала, когда губы Уилла коснулись моих.

Папа не хотел бы, чтобы я была виновата в его смерти, и он не хотел бы, чтобы я сдалась. Я люблю свою маму, но она не такая. Мой Драги слишком большвя часть меня. Я не смогу вернуться к стае. И я не смогу остаться здесь, избегая Уилла, ожидая появления Кассиана.

Должен быть другой выход.

Папа хотел, чтобы я дралась, чтобы нашла способ сохранить своего драги. Он погиб, пытаясь найти другой вариант для нас. Он сделал свой выбор. И он не похоронил нас в мире смертных. Даже когда ему это не удалось, верил, что это возможно.

Его голос звучит в моей голове, почти так же ясно, как если бы он сидел рядом со мной: "Найди новую стаю, Джасинда."

Мои пальцы свело, я согнула, разогнула их и провела по краю моего пледа. Вот оно — ответ, что мне нужно делать.

Я не могу знать точное местоположение любых других стай, но я знаю, кто это знает. Я могу спросить Уилла. И я видел карту своими собственными глазами. Если бы я смогла немного изучить ее, я могла бы запомнить точные места.

Это уже кое-что. Начало.

Быть может я могу получить информацию у Уилла и попасть в эту комнату снова, не вызывая у него подозрения, совсем другое дело. Очевидно, что мне придется проводить больше времени с ним....

Озноб прошел по моему затылку, когда я обдумывала, как я могла бы это сделать, не заставив его удивляться моей резкой смене в интересах.

Птица кричит снаружи. Звук, будто она сбита с толку, в отчаянии. Уипп ка-Каа-ка-Каа. И я поражаюсь глупым существом. Я вижу картину, она сидит на своей ветке, а дождь бьет вниз по ее хрупкому, небольшому тельцу. Удивительно, что она не прячется. Ищет укрытия.

Спрятаться. Почему она не знает ничего лучшего. Может быть, она потерялась, как я, выпала из своей стихии. Может быть, она не может вернуться домой. Может быть, у нее нет никакого дома.

Моя довольная улыбка тает. Я дрожу от внезапного холода в комнате. Натягиваю плед выше, вплоть до моего подбородка, и пытаюсь согреться.

Я сжалась в комок сжала глаза и легла неподвижно, на сколько это возможно и постаралась отключить мой слух.

Я вспоминаю как в детстве мама на ночь целовала меня и убирала упавшую на лоб прядь волос. В комнате темно. Еще не утро. Тусклый свет из кухни проникает в комнату.

Мама, должно быть, уже пришла домой после ее смены, чтобы забрать свои вещи. Янтарь. Мое сердце захватывает с осознанием.

Я вдыхаю, почувствовав ореховый мускус кофе в воздухе. Он поможет ей бодрствовать во время езды. Там, где она была не может быть закрыто, и она там была все ночь.

"Будьте добры", шепчет она, как я шесть раз. Она говорила, это каждый день, когда Тамра и я пошли к дверям школы. "Я люблю тебя." Да, и это она тоже говорила.

Через узкие щелки глаз, я смотрю ее тень, подошедшую к Тамре, которая спала в своей постели. Слышу, как мама поцеловала ее лоб. Другое затихшее прощание.

Тогда она вышла из комнаты. Пошла продавать наследие нашей семьи. Часть моей души, которую я никогда не верну.

Свет на кухне исчезнет. Замок передней двери защелкивается позади нее. Я сопротивляюсь, хочется вскочить на ноги, побежать за дверь, схватить и остановить ее, бросая себя на ее пути, и просить ее, чтобы видела меня, любила ту часть меня, которую она никогда не могла любить.

Тамра ворочается в постели напротив меня и продолжает спать в мирном забвении.

Затем, тишина. Траурное молчание. Только я не сплю. Только я знаю.

Мое сердце кровью обливается.

Мы поспешили за дверь и помчались по дороге вокруг бассейна. Без мамы, которая обычно нас подталкивала, мы опаздываем. Снова.

Вчера вечером по телефону она пообещала быть дома вовремя, чтобы забрать нас из школы сегодня. Я рада что мы больше не будем вынуждены ехать на автобусе. Я ненавижу запах выхлоп, находившихся в автобусе

Телевизор миссис Хеннесси орёт из её дома я вижу что жалюзи раздвинуты. Их придерживают красные ногти. Проверяет нас. Даже когда мама ушла это не существенно изменил её бывшего шпионажа, теперь она просто ищет повод.

Там проносится передо мной. Она всегда стремится попасть в школу, но сегодня особенно. Сегодня она пробуетея для команды.

Я буду там после школы. Наблюдать хлопать в ладоши. Показывать свою поддержку. Даже если я решу составить всё позади.

Неприятный комок застрял в моей груди. Может даже оставить её позади.

Когда придёт время, я надеюсь, она и мама присоединятся со мной к новой стае, но я знаю что более вероятно что я буду делать Это одна. Несмотря на это, это шанс который я должна принять. Просто как шанс, который я беру в уходе...в поиске стаи, которая примет меня и не зарежет, прежде чем я успею объяснить им о себе.

Точка. Проходя через боковые ворота я потягиваю из кружки. Мама обычно не позволяет пить кофе, но потом, она же не здесь.

Тамара, дернувшись, останавливается передо мной. Ее печенье Поп-Тартс Падает на землю, кусок пропавшей без вести. Я врезаюсь в нее, шипя, когда горячий кофе попадают на мои пальцы.

— Что ты...

— Джасинда. — Она кусает мои имя как делает, когда я делаю что-то действительно раздражающее. Стаскиваю тщательно смазанный рулет из её тарелки. Краду напиток, который она налила для себя.

Крошечные волоски на моем затылке встали дыбом. Если за её взглядом. Чёрный Land Rover ждёт у обочины. Мотор урчит. Водитель открывает дверь и выходит. Подходит медленно, глубоко засунув руки в карманы.

Я холодею. Он уходил в последние дни — на охоту, я уверена — задерживал мои планы для откачки информации. Он вступает на тротуар и камни отскакивают от его ног. Он выглядит красиво стоя там, и знакомая боль появляется в груди. Я удивляюсь, как я могу любить и бояться кого-то с одинаковой интенсивностью.

Я не двигаюсь. Моя грудь и начинает болеть.

— Дыши, — командует Тамра спокойно стоя рядом со мной.

Верно. Я вдыхаю через мой нос. Это немного облегчает боль. Но есть еще горячая вибрация, исходящая изнутри меня. Мурлыкая, она поднимается внутри меня.

— Что ты... — Жалки шепот мой голос замирает.

Тамра падает назад рядом со мной. Наши плечи соприкасаются. Я ловлю её взгляд. Она впивается в меня взглядом, как если бы я должна была что-то сделать с Уилом стоящим на обочине.

В отдалении приближается автобус. Рёв его удушливого двигателя рычит громче. В

любой момент он повернёт на нашу улицу.

Я отрицательно качаю головой. Она говорит моё имя снова. Тянет его, как длинный свистящий ветер.

— Джасинда.

— Я не буду ничего делать, — отказываюсь я.

Уилл наконец говорит:

— Я думаю, вы могли бы ездить в школу.

Мы уставились на него.

— Вы обе, — быстро добавляет он, вынимай руку из кармана и показывай на каждую из нас.

— Нормально ли работать на тебя? — Я стараюсь говорить скучно, непринужденно, но мой голос звучит неправильно. Вместе с кольцами гнева.

Он смотрит в замешательстве.

— Что?

— Показываешься незваный на лужайке у девушки — сладко улыбаешься и ожидаешь что она прыгнет на переднее сиденье с тобой?

— Легко, — шепчет Тамара, и я удивляюсь, если это потому что она боится что я потеряю самообладание и превращусь плеер ним, или потому что она хочет застать меня с каким-нибудь парнем? Она меня предупредила, держаться от них подальше. Но почему она этого хочет? Так почему я должна подстраиваться под это?

Он кивает и наклоняет голову. Выглядит сладко отвратительно скромным. Словно прочитав мои мысли, он говорит:

— Только однажды.

Его губы кривятся в медленной заговорщической улыбкой. Я ничего не могу с собой поделать. Я безумно красивые и моё лицо вытягивается. Насколько я помню в ту ночь я первая прыгнула а его машину.

— Привет, — говорит Уилл Тамре, как будто только вспомнив, что никогда не встречался с ней. Официально в любом случае. Он протягивает руку. — Я Уилл.

— Я знаю. — Тамра не жмёт ему руку. Закатив глаза на меня, она объявляется со вздохом. — Да ладно. Садись в машину. — Говорит она, двигаясь вперед меня.

Держит дверь открыта для неё. Она запрыгивает назад, когда автобус проезжает мимо нас.

Уилл мигает кривой ухмылкой.

— Упустила свой автобус.

— Да.

Мы смотрим друг на друга в течение долгого момента, прежде чем я наконец спрашиваю вопрос, который мучает меня долгое время.

— Почему ты здесь?

Он глубоко вздыхает.

— С меня хватит.

— Хватит чего?

— Хватит позволять тебе избегать меня.

Я поднимаю свою голову. Я не должна от него убегать? Может ли это быть так просто? Так легко? Пуф! Он находится здесь, нравится ли мне это или нет. Мне даже не нужно убеждать его, что я изменила свой взгляд?

— Ты уверен что это хорошая идея?

Потому что я нет. Сомнения терзают меня. Я не уверена что готова для него. Даже если быть с ним это значит получать нужную мне информацию о других стаях, я всё ещё оставляю вопрос о появлении, всякий раз когда я слишком близко к нему. Я хочу быть рядом с ним. Я могу быть с ним, не будучи вместе с ним? В своей истинной форме?

Разве я способна на такого рода самоконтроль?

— Я уверен, — ответил он твердым голосом.

— Ты когда-нибудь слышал выражение " Будь осторожен в своих желаниях, они могут исполниться?" — Он настолько близко, насколько я когда-либо подпускали его.

Тамра зовет из машины:

— Мы едем?

Уилл улыбается, согрев этим, мою итак горячую кожу.

— Не хочешь ли поехать? — уговаривает он.

Как будто бы у меня есть выбор.

— Я опоздала на автобус, — напомнила я, проходя мимо и садясь в машину, перед тем как он сможет закрыть дверь.

Мгновение спустя, когда он отъезжает от бордюра, я предполагаю что поездка в школу с моей сестрой, сидящей за спиной, будет неловкой. Это подтвердилось, когда она спросила:

— Так что происходит между тобой и моей сестрой?

Он усмехается и дергает шей, будто там что-то резко зачесалось.

— Тамара. — Сжимая приборную панелью поворачиваюсь и сморю не нее. — Не твое дело.

Она фыркает:

— Мы бы не сидели здесь, если бы это было так, не так ли?

Я открываю рот, чтобы потребовать продолжения обсуждения, но голос Уилла остановил меня:

— Мне нравится твоя сестра. Очень.

Я смотрю на него тупым взглядом.

Он смотрит на меня, затем понизив голос, говорит:

— Ты мне нравишься.

Я знаю что я думаю, но тепло до сих пор ползет по моему лицу. Я наклоняюсь вперед в кресле, скрестив руки на груди и уставившись прямо перл собой. Я не могу унять дрожь. Не могу говорить. Мое горло болит слишком сильно.

— Джасинда, — говорит он.

— Я думаю, ты ее шокировал, — предполагает Тамра, затем вздыхает. — Послушай, если ты действительно её любишь, ты должен сделать это доступным. Я не хочу чтобы каждый в школе шептался о том что она одна из твоих игрушек, которые удовлетворяют тебя на лестнице.

Теперь я действительно не могу говорить. Моя кровь горит. У меня уже есть одна мать, которая делает всё, чтобы контролировать мою жизнь. Мне не нужна сестра, выступающая в качестве матери номер два.

— Я знаю, — говорит он. — Это то, что я пытаюсь сделать сейчас, если она мне позволит.

Я чувствую его взгляд на моем лице. Тревожный. Ожидаящий. Я сморю на него. Мое дыхание вздрагивает, видя интенсивность в его глазах.

Он серьезен. Ну тогда он должен быть. Если он готов вырваться из своего добровольного одиночества ради меня, особенно когда он подозревает что я есть больше, чем говорю...он знает, что говорит.

Его пальцы отбивают ритм на руле.

— Я хочу быть с тобой, Джасинда. — Он качает головой. — Я буду бороться.

— Боже, — бормочет Тамра.

Я знаю что это значит. Это кажется слишком много. Крайность. Слишком быстро. В конце концов мне только 16.

Я начинаю, маленький рывок.

Я думаю ему 16. Я даже не знаю. Я не знаю о нем ничего, кроме его секрета. Это затмевает всё остальное. Он должен быть кем-то большим. Больше чем его секрет. Больше чем охотник. Больше чем мальчик, который не хочет быть силой разрушения. Больше, чем мальчик, который спас мне жизнь. Мальчик вокруг которого я построила фантазию. Я не знаю реального его.

Ксандер упоминал что Уилл болен, и я даже не знаю что с ним случилось.

Но я не чувствую себя плохо по этому поводу долго. Потому что он не знает реальную меня. И тем ни менее он еще хочет быть со мной. Может быть он идеально подходит, потому что я хочу быть с ним тоже. Не только потому что мне нужно быть рядом с ним для выяснения информации. Хотя это тоже нужно. Что-то я хотела бы забыть, но не могу позволить себе. Забывая, смирюсь к жизни здесь. Навсегда. Как призрак. Тихий голос шепчет сквозь меня, заманчивую мысль... Нет, если у тебя будет Уилл.

Как только мы паркуемся, Тамра оставляет нас. Я смотрю, как она быстро идет по автостоянке. Она машет нескольким людям. Сестра подходит к девушке, чье имя я не знаю. Они начинают болтать, как будто они знают друг друга всю жизнь.

Я сижу в тишине.

Смех поднимается, горький в глубине моего горла. Я поглощаю его.

— Я думаю, тебе пора идти, — говорит он.

Я киваю. Он выключает зажигание. — Так, как учеба?

— Что?

Он смешно на меня смотрит. — Джасинда, — он произносит мое имя так, как будто смеется.

— Разве ты не слышала что я сказал? Неужели ты думаешь, что я шучу?

Может быть. Да. Это смешно, как сомнение может сделать вас игнорировать то, что это ясно как день перед вами.

— Я иду к тебе на занятия, — объявляет он так, как будто это так очевидно.

Это то, что я хочу, напоминаю себе. Для того, чтобы мне сблизиться с ним, чтобы изучить эту вещь... Эту связь между нами. Чтобы быть рядом с ним и стать его доверенным лицом. Узнайте все о других стай. Просто некоторые тонкие вопросы должны сделать трюк. Потом, когда у меня есть ответы, я могу сделать мой шаг и убежать.

Я думаю немного о том, чтобы оставить его навсегда позади. Глядя вниз, беру широкую руку Уилла, я думаю, можно ли любить руки парня. Чтобы не чувствовать глубокую тоску, просто глядя на них? Такие сильные и загорелые, вены слабые.

— Ты в порядке?

Я поднимаю мой взгляд обратно к лицу. На мгновение я думаю, что он спрашивал о моих планах. Могу ли я быть в порядке с ним? Покачав головой, я моргаю, пытаюсь думать. Если бы это было только то, что я получил от того, с ним, то я думаю, что я бы в порядке. Но это не так. Это не просто. Ну, большая часть. Это, что он бросил один взгляд на меня Драги и увидел, насколько я красива, как тем, чем стоит экономить. Это всегда будет там, фирменные глубокие, навсегда впечатывается.

Это то, что привлекает меня к себе и всегда будет.

Он ворочается на кресле:

— Джасинда, то, что я чувствую к тебе. Я знаю, ты чувствуешь это тоже.

Он смотрит на меня так, словно ждет чего-то. А я могу лишь кивнуть.

— Да, — признаюсь я.

Но я его не понимаю. Не понимаю, почему он относиться со мной так. Почему он должен желать мне так много? Что я предлагаю ему? Почему он убил меня в тот день в горах? А почему он меня преследуют сейчас?

— Хорошо, — говорит он. — Тогда как насчет свидания?

— Свидание? — Я переспрашиваю, никогда не слышал это слово раньше.

— Да. Свидание. Вечер. Ты. Я. — Улыбается он, а на его щеках появляются ямочки. — Ужин. Кино. Попкорн.

— Я согласна.

На мгновение я забываю. Забываю, что я не обычная девушка. То, что он не обычный

мальчик.

Впервые, я понимаю Тамру.

— Да. — Довольно говорит Уилл. Притворяется. У меня есть веские причины моего свидания. Причина, по которой нас разделят на части навсегда.

Глупый. А вы думаете, у меня будет будущее с ним? Боже. Повзрослейте.

Уилл улыбается. Он вышел и открыл мне дверь машины.

Вместе мы идем через автостоянку. Бок о бок. Мы движемся только несколько футов, прежде чем он нежно обнимает меня. Как раз мы возле здания, я вижу несколько детей, гуляющих вокруг флагштока. Тамра со своей обычной компанией.

Я смотрю на него и вижу в его глазах решимость. Они ярко блестят. — Трусишка.

— О, — все что я могу сказать.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь лицом к нему. Чувствую как что-то во мне переворачивается. Уилл притягивает меня к себе.

Я встаю на цыпочки и притягиваю его к себе, обнимая за шею. Поцеловать его. Прямо здесь, у всех на глазах. Безбашенно. Глупо.

Но я забуду про людей, которые смотрят на меня. Забуду все, кроме сплетения наших губ. Я глубоко вдыхаю.

Не самые умные действия, которые я когда либо делала.

Я делаю шаг назад пока не стало слишком плохо. Я ощущаю пальцы, когда Уилл гладит мою щеку.

— Эй, Джалинда, Уилл, — Ксандер и Ангус проходят мимо нас. Его губы сжаты, а глаза пусты.

Уилл напрягается. Ребята жестоко смотрят друг на друга. Звенит звонок.

— Мы опаздываем, — говорю я и смотрю на входную дверь. Тамра кивает мне перед тем как пойти вместе с девчонками.

Я смотрю на Уилла, но он не смотрит на нее, он смотрит на меня. Мое сердце сжимается. Он берет меня за руку. Я забываю обо всем.

— Где твой парень? — Дразнит меня Кэтрин, когда присоединяется ко мне.

Она дразнила меня весь день.

— Не знаю.

Я осматриваю зал. Думаю, мой Драги слишком сильно реагирует на него.

Я следую за Кэтрин в читальный зал.

— Сегодня я и Брендан идем на концерт. Хочешь присоединиться?

— У меня другие планы.

— Дай ка угадаю...

Раздается звонок, который спасает меня от разговора с Кэтрин. Мы заходим в туалет.

Через несколько минут входит Бруклин со своими подругами. Выглядят они почти одинаково. Блестящие губы, черная подводка и идеально прямые волосы.

Кэтрин закрывает кран, стряхивает воду с рук и оценивающим взглядом смотрит на девочек, которые загораживают выход. Я вздыхаю, равнодушно смотря на эту ситуацию. Это должно было произойти, но я не хотела, чтобы Кэтрин была вовлечена сюда.

Звенит звонок.

Прошла может быть минута. Я не знаю, сколько времени мы ждем кого-то, чтобы заговорить или переместиться. Наблюдая за Бруклином, я даже не уверена, что она знает свое следующее движение, что она собирается сказать или сделать.

Я наконец говорю, надеясь использовать в своих интересах ее нерешительность.

— Это был звонок. Мы не хотим быть отмеченными как отсутствующие. Я гляжу на Кэтрин, предупреждая ее следовать за мной через стену девочек.

— Да, — Бруклин поднимает свою голову, ее едкий тон. — Это — просто не такое большое дело которое вы имеете ко мне прямо сейчас.

Я останавливаюсь в дюйме от нее.

Она продолжает, — Но ты знаешь, что — то, что имеет большое значение для меня?

Я жду, удерживая ее пристальный взгляд.

— Рыжеволосые шлаки как ты, кто вступает в мою школу и действует, как будто у вас есть собственное место.

Кэтрин взрывается, ее высокий голос устал от нетерпения. — Дайте ему отдых, Бруклин.

Одна из бруклинских девочек попадает в лицо Кэтрин.

— Никто не говорит с тобой, неудачница.

Бруклин приближается. Мы нос к носу.

Я пожимаю плечами, уверена, я вошла в какой-то плохой фильм о сердитых болельщиц, борющихся за чемпионство. — Что ты хочешь, чтобы я делала с этим?

Мое спокойствие, кажется, питает ее гнев. — Вернитесь в ту крысиную нору, из которой вы пришли.

— Я точно не принимала решение приехать сюда. Возможно вы говорили с моей мамой об этом У меня нет большой удачи.

Угол ее головы углубляется, как будто она серьезно рассматривает его. — Как насчет этого? Вы исчезнете, или твоя сестра заплатит.

Я вдыхаю резко и просматриваю все пять девчонок. Действительно ли они серьезны?

Я думал, что тебе понравилась Тамра, — говорю я.

Бруклинские пожимают плечами. Скрещивает свои руки. — Она хорошая. Мы, возможно, терпели бы ее. Ее пристальный взгляд перелистывает меня. — Но не тебя.

— Отпустите Тамру из этого. — Мои руки выются в моих сторонах, гвозди, погружающиеся в мои ладони. Я приветствую боль. Мой гнев нравится ей. Мои легкие сжимаются, обожжены. Глеют глубоко в пределах. — Это между нами.

— О, — Бруклин дразнит легко обижающимся голосом. — Это не сладко? Разве ты не хорошая сестра? Возможно, если ты прекратишь бросаться на людей, Тамра в команде”.

Девочки кивают, улыбаются самодовольно.

Я могу испытать напряженность, столь же резкую как дым, жжет, тлеет на воздухе.

— Это — такое дерьмо. Продвись, Джасинда. — Кэтрин пытается пропихаться мимо них... Действие зажигает Бруклин и ее команду. Повышаются свободные осколки напряженности. Пружины как трещащая катушка.

Девушки сходятся на нее, как в тумане. Кэтрин выкрикивает, звук, внезапный и острый в заряженном воздухе. Я мельком увидел ее глаза морской волны, широкие и испуганные,

прежде чем она пошла.

— Кэтрин! — Я ныряю в воду. Внезапно, я поймана в запутывающей путанице корчащихся тел.

Локоть в моих ребрах пробивает воздух от меня. Я не могу найти Кэтрин — ... Боль, вбивается мне в лицо. Я думаю, что это — чей-то кулак.

Гудение заполняет мою голову, мои уши. Глубокие колебания разбиваются из моей груди. Тогда слишком поздно. Так или иначе, я в конечном итоге на полу... Восхитительный ожог мурлычет в моем ядре, кипит, разрывается, вспыхивает по мне как сыпь пожара. Я поглощена.

Холодная плитка шипит против моей горячей, сползающей кожи.

Заостренная обувь пинает меня в ребра. Боль.

Я пытаюсь подняться, но получаю толчок вниз. Мой подбородок раскалывается на против пола. Кровь переезжает мои зубы, медно-красный аромат, заполняет мой нос. Я глотаю назад горькое наводнение, надеюсь, что оно могло бы охладить жгучий поток во мне. Держи карман шире. Я продолжаю гореть, курить. Моя высокая температура повышается в легких. Пар поднимается, чтобы заполнить мой рот, обугливает внутреннюю часть моих ноздрей.

Ругательства горят на воздухе. Наряду с советом. Поддержка о том, как избить меня.

— Пороучите ее!

— Держите ее!

— Схватите ее за волосы!

Рука запутывается в моих волосах, захватывает горсть. Слезы колют мои глаза. Я моргаю, борясь, чтобы убрать их.

Без взглядов я утыкаюсь лицом в удушающую прессу тел. Найдите руку, держащую меня, причиняющую мне боль ...

Разделяя мои губы, я вдыхаю, удар выбивает воздух из глубины моих догорающих легких.

Удар.

Крик заканчивает все это. Это не тип крика, который ты слышишь в кино. Это задерживается, отскакивая эхом от стен, прожигая в моих ушах в течение многих моментов. Это приносит всех к резкой остановке. Включая мое сердце, которое захватывает при темном ожоге в моей груди.

Все озираются дико, ища источник.

Кроме меня.

Я смотрю на Бруклин. Ее лицо бледное. Ее рот дрожит. Сырая боль застекляет ее глаза. Она качается на полу в ванной комнате, пальцы сцеплены через руку, кончики белые, где они роют ее плоть. Я нюхаю воздух. Чувствуйте запах опаляемой плоти.

Вершина блондинки пирамиды приседает около нее.

— Что произошло?

Пристальный взгляд Бруклина берет на прицел меня.

— Она сожгла меня!

Бруклин поднимает ее руку, чтобы показать ожог. Вторая легкая степень. Поврежденная кожа — розовая. Все глаза направляются на меня.

Я сопротивляюсь. Это — больше чем ожог. Я глотаю назад реку пламени так быстро, как это оставили мои губы. Это только вступило в контакт. Возможно, было намного хуже,

действительно.

Кэтрин просматривает меня, требуя в тишине. — У тебя есть что — то более легкое?

У меня нет шанса ответить.

— Получите ее!

Они атакуют меня. Снова. Я борюсь, пытаюсь вырваться на свободу от нагона. Моя дрожь кожи, стремящаяся постепенно исчезает.

Кэтрин кричит мое имя, так как Бруклин воет.

Мои широко открытые легкие, заполнились дымом. Пульсирующий пар съедает мое горло, расширяя мою трахею. Я запечатаваю губы, трудные, полные решимости держать огонь в это время, но я испытываю страх во рту. Страх перед ними. Страх за то, что сделает мой Драго, если я не сбегу из этой ванной. Страх за то, что это будет значить для такого количества ...

Весь этот страх добивается цели. Я не получаю возможность против инстинкта тысячелетия в процессе создания. Мой толчок крыльев, мембраны, напрягающиеся, чтобы вырваться на свободу от моей спины. Я хныкаю, борюсь, сопротивляясь столько, сколько я могу. Напряжение костей. Моя человеческая плоть исчезает, и мое истинное лицо обостряется, нос, уступающий дорогу расширение моста, продвигающиеся горные хребты.

Это бесполезно.

Я сдаюсь. По крайней мере, частично. Мне удастся предотвратить проявление полностью на грязном полу в ванной комнате, но не долгое время.

Я выдыхаю через нос, это — мой единственный выбор. Тщательно, я поворачиваю шею, качаю головой и раздуваю их всех с дымящимся дыханием.

Они освобождают меня, крича. Спотыкаюсь. Падаю на пол.

Продвигаясь, я мельком увидела себя в зеркале. Красно-золотой блеск моей кожи. Обостренные особенности и остроконечный нос. Лицо, которое размывает как мерцающий свет от камина.

С удушьем я ныряю в коридор, хлопаю закрытой дверью. Большой глоток воздуха и борьба, пытающаяся охладить мои легкие.

И надеюсь, отчаянно надеюсь, что ни один из них не видел то, что я просто сделала в зеркале.

Я прижимаю вибрирующие ладони к двери. Склонив голову, слепо пялюсь на потертые носки ботинок, втягиваю сквозь зубы густой воздух, жгущий мое нёбо. Я сосредотачиваюсь. Возвращается зудящая энергия крыльев, разворачивается и рвется сквозь мою рубашку.

Задышавшись, я борюсь с каждым инстинктом, с каждой частичкой моей сущности. Мои руки дрожат, мышцы горят. Так тяжело с выпущенной маленькой частичкой себя... Остальная я тоже хочет.

На этот раз все наоборот. Я стараюсь быть человеком, хороню моего Драгу.

Не. Сейчас. Не сейчас! Я бросаю голову, сплевывая прилипшую к губам прядь.

Снаружи кабинки доносятся голоса, но я не могу разобрать о чем они говорят. Я могу только бороться с жаром обволакивающим меня.

Затем я слышу это.

Его.

Один голос я слышала даже при смерти. Лежа трупом в земле, я все равно буду слышать его. Он достигает центра меня и разжигает огонь.

Мой страх усиливается.

— Уходи! — прошу я, мой голос хриплый из-за тления. Я работаю челюстью и горлом, пытаюсь остановить преобразование моего голоса.

Он не может быть здесь. Не может видеть меня такой.

— Ты в порядке? — Уилл стучит в дверь. — Они обидели тебя?

— Обидели ее? — огрызается Бруклин. — Посмотри на мою руку! Она сожгла ее огнем! Я едва взглянул на нее, а она напала! Выходи оттуда! — удары сотрясают дверь кабинки под моими дрожащими ладонями. Я рывком откинулась.

Мое лицо начинает вытягиваться, щеки заостряются, растяжение — кости вставляются на правильные места. Я проигрываю бой. Я смотрю на свои руки и издаю стон при виде размывающейся плоти на руках. Древний инстинкт захватывает меня. Мне нужно больше времени.

Почему он должен находиться здесь сейчас?

Мои крылья начинают толкаться, несильно, только достаточно, я слышу, как рвется моя рубашка.

Хлопковая спина рубашки ослабевает на моих плечах и скользит вниз по рукам. Мои крылья разворачиваются, тонкая кожица мембраны растягивается позади меня, дрожа в ожидании полета. Еще не в полной мере проявиться, но уже достаточно сильные, чтобы поднять меня в воздух.

Подошвы ботинок поднялись над полом.

Я хватаюсь за скользкие стенки кабинки, пытаюсь сдержать дрожащие золото-красные чешуйки. Горячие потоки проходят через меня. Я пытаюсь вернуть нормальный облик, Я сжимаю зубы, подавляя крик. Хруст раздается снаружи.

— Джасинда! Открой дверь!

Теперь другой звук. Скольжение. Обувь визжит, скользя по стенке. Сотрясение, стук. Кабина раскачивается вокруг меня.

— Джасинда... — выдыхает Уилл.

Его голос звучит уже не за стенкой кабинки. Сердце замерло в горле, я медленно

заглатываю и поднимаю глаза.

Уилл смотрит на меня поверх кабинки, его рот раскрыт от шока. Его карие глаза сверкают пониманием, что-то во мне умерает от того, как он смотрит на меня.

— Уилл, — мне удалось подавить дым, мой английский едва понятный. — Пожалуйста.

Я не знала его лица. Красивое, но не сейчас. Другое. Грозное.

Я слышу его шаги, тяжело хлопающие по полу к выходу из туалета. Убегая от меня.

Согласно часам над столом директора было еще только 7.

Я уверена, это ошибка. Я не выдавала себя, теряю все, все надежды и шансы за такой короткий срок.

Директор вешает трубку и снова смотрит на меня. Его глаза суровые синие под густыми бровями. Я уверена, это взгляд, который наводит страх на большинство подростков, но на меня он мало действует. Не сейчас, когда где-то рядом Уилл соединяет все части головоломки. Я сижу в оцепенении, смотря из окна его кабинета на красно-коричневую землю, сухую и морщинистую, как кожа старика под палящим солнцем.

Мне удалось в полной мере вернуть себе облик до того, как пришли сотрудники для выяснения причины перепалоха. Несмотря на утверждения Кэтрин, что это не мы начали, что это Бруклин и ее друзья напали на нас, меня забрали.

Несколько девушек продемонстрировали свои ожоги в качестве доказательства, а т. к. огня у меня не нашли, сошлись на мнении, что я потушила его в туалете.

— Твоя мать уже в пути.

Я киваю, зная, что она дома в настоящее время. Она обещала забрать нас во второй половине дня.

Я одета в красную футболку Чапarrал, которая пахнет картонной коробкой, из которой ее достали. Моя разорванная футболка лежит на дне мусорки. Большинство предполагает, что она стала такой в ходе драки. Другое предположение, что я сама нарочно это сделала.

— У нас здесь строгие правила, мисс Джонс. Без насилия, без запугивания.

Я киваю, едва улавливая смысл его слов. В мыслях я вижу только лицо Уилла. Звук его быстро удаляющихся шагов. Я думаю, как сильно он должен ненавидеть меня.

Постепенно это засасывает, страх с каждым моментом все глубже и глубже проникает. Что-то еще случилось. Даже ненависть Уилла не такая ужасная, как это.

Я сделала это. Выпустила своего Драги. Открыла ему величайшую тайну. Единственное, что сохраняло нас в течении многих столетий. То, что охотники не знали. Не могли знать.

Теперь знают.

Ну, по крайней мере один из них знает. Все из-за меня. Я закрываю глаза. Желудок сводит. Холод проходит по моей спине, покалывая мою кожу.

По-видимому директор прочитал у меня на лице расстройство.

— Я вижу вы сокрушены. Хорошо. По крайней мере осознаете тяжесть своего поступка. Надеюсь, когда вы вернетесь в школу, вы будете хорошо себя вести. Вы новенькая в этой школе, мисс Джонс, и начинаете не очень хорошо. Подумайте об этом.

Я кивнула.

— Хорошо. Вы можете подождать свою мать снаружи, — он жестом показал на дверь. — Я буду говорить с ней о вашей временной отставке, когда она приедет.

Я встаю и ухожу из комнаты. Мое тело движется плавно. Я слишком уставшая от борьбы самой с собой. Я сажусь в кресло под неприятный взгляд узких глаз секретаря. Скрестив руки на груди, я откидываю голову на стенку и жду маму. Жду и беспокоюсь.

Беспокоюсь о том, что будет делать Уилл. Расскажет ли он отцу? Его кузенам? Или он просто будет бороться со мной? Как я могу его убедить, что не было того, что он ясно видел? Особенно после того, как он обнаружил меня шныряющей в его комнате.

На самом деле я рада, что мне дают отдых. Рада, что будет какое-то время прежде чем я встречу с ним и все выясню. Предполагая, что он не появится на пороге с кавалерией, чтобы уничтожить меня.

К тому времени, когда мама закончит разговаривать с директором, уроки уже закончатся. Я рада, что когда мы выйдем из кабинета школа будет пустой.

Пока мы идем от школы до стоянки мама не говорит ни слова. Она зловеще молчит. Я кидаю в ее сторону несколько взглядов, хочу спросить о ее поездке, о янтаре. Даже сейчас, после всего, что случилось, мне нужно подтверждение, что эта часть меня потеряна.

Тамра ждет в машине. Пунцовые пятна горят на ее мраморной сливочной коже, и я знаю, что это не из-за того, что мы оставили ее ждать на солнце. Она плакала. Ее красные шорты и белая футболка объясняют все. Пробные были сегодня во второй половине дня. Во всей этой суматохе я почти забыла, что сегодня ее большой день.

Она не теряет времени.

— Как ты могла? — ее лицо пылает. — Теперь все, что я делала, все в пустую. Я могла быть золотой медалисткой гимнасткой, и они бы возможно проголосовали за меня. Не сейчас, когда ты напала на них!

Она не понимает, я пыталась защитить ее. Она не понимает, какое зло эти девочки. Один взгляд на ее лицо и я понимаю, что она не хочет слышать ничего из этого.

— Мне очень жаль, Тамра, но...

— Жаль? — она мрачно качает головой. — Так всегда происходит, куда бы мы не поехали! — она машет руками, подыскивая слова. — Почему все происходит из-за тебя?

Я смотрю на нее. В ее глаза, такие же, как и у меня, которые просят дать ответ. Простят оправдаться, но я не могу.

Мамин голос заставляет нас повернуться.

— Не здесь. Сядьте в машину. Сейчас. — она озабочено осматривается по сторонам. Мы замечены. Несколько людей все еще находится на стоянке.

Я скольжу на сидение. Я уже устроилась, когда хлопнула дверь с маминой стороны.

— Нам не нужны посторонние уши. — она оглядывается через плечо, ключи держит в руке. — Я поговорила с директором. Теперь я хочу услышать, что там на самом деле произошло?

Я кусаю губы, не зная, как рассказать.

— Я резко вбежала в ванную комнату. — Я пожимаю плечами, будто это обычное явление. — Потому что я начала превращаться.

Моя сестра стонет.

Плечи мамы опускаются. Повернувшись, она заводит машину. Теплые потоки воздуха идут из вентиляционных отверстий.

— Как плохо?

Потому что мое превращение может быть только плохим.

— Я спряталась в душевой кабинке. Они ничего не видели. Или не поняли, что видели. Но я сожгла одну из них. Это вышло случайно. — я вздрагиваю. — Может больше, чем одну.

Моя сестра в бешенстве прыгает на месте.

— Просто замечательно!

— Тамра, — говорит мама, глубоко вздыхая. — Это не легко для Джасинды. Она справилась на много лучше, чем это могло быть.

Я начала с малого, удивлюсь, если она это имеет ввиду. Я не чувствовала, что я "справлялась". Я чувствовала, что была на волоске.

Мама паркуется.

— Неделя дома — думаю это как раз то, что вам нужно.

— Неделю дома? — Тамра смотрит то на меня, то на маму. — Тебя освободили?

Мама продолжает:

— Может я погорячилась, Джасинда, заставив тебя идти в школу сразу. Слишком много всего.

— Я хотела идти в школу. — говорит Тамра.

— Я не должна была ожидать, что ты изменишься в одночасье. Сейчас едва только май. Если ты сможешь сделать это до лето, я уверена, что к тому времени когда школа снова начнется...

— Меня здесь кто-нибудь слышит?! — восклицает Тамра. — Я потеряла сегодня то, что было мне действительно нужно! — она бьет кулаком по бедру.

Мама смотрит на нее, пораженная.

Тамра качает головой из стороны в сторону, как будто не может понять.

— Почему все время только о Джасинде?

Мамин голос спокойный

— Дай ей время, Тамра. Это скоро закончится.

— Ты имеешь ввиду, я буду мертва, — вставляю я осуждающе. — Почему ты не говоришь, что ты имеешь ввиду? Ты имеешь ввиду, что мой драги скоро будет мертв. Ты когда-нибудь остановишься? Выход для тебя это убийство части меня.... убить меня, это неизбежная вещь для того, чтобы вы были счастливы. Почему вы не можете просто принять меня такую, какая я есть?

Мама сжимает губы в тонкую линию. она смотрит на дорогу.

Тамра с откидывает голову на спинку, отвращено ворча.

Я знаю, что ни одна из них не сможет этого сделать. Они единственная семья, которая у меня осталась, но они могут быть чужими, я чувствую их отчужденность.

Я потеряла Уилла. Выпустила драгу. Отдалилась от семьи. Даже моя стая хочет сломать меня.

Мне некуда идти.

Но я не могу остаться здесь.

В эту ночь у моей сестры свидание. В это ночь Уилл должен был пригласить меня на наше первое официальное свидание. Ужин. Фильмы. Попкорн. У нее все это будет. Но не у меня. Я не ожидаю, что он придёт. И все же, когда я слышу стук в дверь, мое сердце замирает, а бабочки начинают танцевать в животе.

Я узнала о ее свидании из школы он стоит в нашей маленькой гостиной, вытирая потные ладони о штаны. Симпатичный с красивыми глазами. Светлый. Не такой высокий, как я и Тамра.

Я стараюсь не думать о Уилле, о том, что я буду делать теперь, когда он все знает. Я не могу ожидать, что он сделает вид, будто не видел того, что видел. В любой момент он и его семья могут прийти и забрать меня. Единственное, что дает мне надежду, это память о нашей первой встрече. Он отпустил меня тогда. Конечно зная меня, как сейчас, он не мог

видеть мою боль, не мог повернуть меня к его семье. Верно? Семье, чьей частью он не хочет быть. Он ненавидит это.

Тем не менее, это большая надежда. Я должна быть честной с мамой, чтобы мы смогли оставить Чапarrал, но я не могу заставить себя произнести эти слова. Слова, которые навсегда отрежут его от меня. Не то, чтобы я имею какую-либо власть над ним. Особенно сейчас. Глупо, Джасинда. Я не могу ничего не делать. Я не могу рассчитывать, что Уилл не станет охотником, он был воспитан, чтобы быть им и раскрыть меня своей семье.

Я смотрю на Тамру и Бена через окно, я сижу в тишине, не говоря ни слова.

Я чувствую себя ужасно, не потому что Тамра на свидании, а я нет, но потому что я не знаю, что она спросит. Я не знаю, нравится ли ей хоть кто-нибудь. Я не могу ей что-нибудь сказать, чтобы не разрушить все. По крайней мере не сегодня. Может быть завтра...

Она права. Это все из-за меня. И это отражается на другом. На том, кто заставляет меня плакать.

Вскоре это будет только со мной.

Когда я покину это место, я должна жить в одиночку. Быть одна. Может быть навсегда.

Я проснулась вместе с Тамрой. Она идет в школу утром, но я не встаю. Я притворяюсь, что сплю, когда она одевается. После того, как они с мамой ушли, я встаю и делаю себе омлет с сыром, как папа, чтобы съесть его перед утренним ток-шоу, которое отупляет сознание.

Во второй половине дня, у меня в доме была тишина. Хватит волноваться о том, что я сделаю, а что нет. Я пошла гулять. В течение пяти минут, я теребила свою футболку из-за потного тела. Когда я проходила мимо поля для гольфа, я остановилась, чтобы осмотреть поле. Прилегла на зеленую траву, тем самым заработав любопытные взгляды седовласых пенсионеров. Пообещав себе полежать в следующий раз, я иду домой, готовясь к следующему шагу — взлом дома Уилла, чтобы посмотреть один взглядом на карту.

Когда я прохожу мимо миссис Хеннесси, она поливает растения и говорит:

— Так ты одна.

Я останавливаюсь. — Извините?

— Твоя мать кое-что рассказала мне.

Отлично. Я подхожу к ее каждому подозрению.

— Я догадалась, что это ты, — добавляет она с удовольствием.

— Я сделала гуляш, — кричит она.

Я останавливаюсь. — Что?

— Говядина, лук, болгарский перец. Немного сметаны сверху. — Она пожимает плечами. — В случае если ты голодна. Я сделала много. Никогда не привыкай к приготовлению пищи для одного.

Я смотрю на нее на мгновение, иначе думая о ней. Может быть, она больше любопытна, так как одинока. Одна в тихом доме. Одинокая.

— Конечно, — отвечаю я. — Когда?

— Сейчас она горячая. — Она идет внутрь.

Через несколько минут иду и я.

На следующий день, я не жду приглашения. Я у двери миссис Хеннесси, после того как Мама и Тмра ушли.

Мисс Хеннесси много не говорит. Она готовит. И печет. Много. Она не шутила, когда говорила, что всегда делала много пищи. Она кормит меня, как будто я инвалид, которому необходима откормка. Отчасти это хорошо.

Компания помогает держать свои мысли подальше от Уилла.

За завтраком французский тост, обильно посыпанный сахарной пудрой и каплей сиропа, я слышу звук. Стук. Я кладу вилку в тарелку.

Мисс Хеннесси тоже слышит его.

— Это к тебе?

Я качаю головой, поднимаюсь и подхожу к окну гостиной.

— Я не знаю, кто бы это мог быть, — говорю я, когда заглядываю через жалюзи.

Уилл стоит у двери дома.

Я замираю, взвешивая мои варианты. Могу ли я спрятаться? Я к этому не готова. Для него.

— Это твой парень?

Я качаю головой:

— Нет... Да... Нет...

Мисс Хенненсси смеется, — Ну, по крайней мере, не так выглядит. Почему бы тебе не поговорить с ним?

Я снова качаю головой.

— Что? — спрашивает она, — плохая идея? Ты боишься?

— Ничего, — слишком резко качаю головой я.

Ложь. Да, я боюсь. Боюсь того, что он мне скажет. Боюсь слов, которые он не успел сказать мне тогда, в ванной комнате.

— Джасинда, — слышется голос Уилла через дверь.

— Если ты не боишься, почему ты прячешься? Он сделал тебе больно?

— Нет, он не причинил мне боль, — по крайней мере, я думаю, что не будет. Не сейчас... Я фыркнула.

Моя кожа покалывает. Я смотрю в окно, ища его братьев в кустах, которые хотят на меня наброситься.

Я помню его в ванной. Я не могу избавиться от выражения его лица у меня в голове. Широко раскрытые глаза, ужас.

— Ну, чего ты ждешь? — спрашивает меня миссис Хенненсси.

Я посылаю ей легкую улыбку и выхожу из комнаты.

— Привет, Уилл. — тихо говорю я.

Он оглядывается. Выглядит так, словно ждет чего-то. Чего? Не ужели он думал, что снова увидит меня при всем параде? С крыльями и огненной кожей?

— Иди за мной, — я быстро мимо него в дом у бассейна. Слышу как закрывается дверь за мной. Я поворачиваюсь к Уиллу. Он стоит в одних шортах, которые сидят низко на талии.

— Разве ты не должен быть в школе?

Он смотрит на меня, его глаза блестят. Они преливаются коричневым и зеленым цветом. Словно, он видит меня в первый раз.

Если подумать, так оно и есть.

— Я решил отдохнуть, — сказал он.

— Твой отец просто так это не оста...

Если подумать, так оно и есть.

— Я решил отдохнуть, — сказал он.

— Твой отец просто так это не оста...

— Я не спрашивал его. У него отца другие заботы, — на его щеках появились ячки. — Ты должна знать какие.

— Семейный бизнес, — добавила я.

— Ты видела мой интерьер, — покачал головой Уилл.

— Да, — быстро отвечаю я, — Я знаю на что способна твоя семья.

— Ты приходила ко мне домой? Ты желала смерти?

— У меня был не большой выбор! — Кричу я, обнимая себя. словно могу защититься от гнева.

Он подходит ближе.

— Думаю, ты не энкорс, — говорит он. — Ты — Дракон.

— Да, мы не энкорсы. Но и не драконы. Мы называем себя Драги.

Он наклоняется ко мне, ближе, — Ты смеялась над этим?

— Нет, — я дрожу. — Ничего бы из того, что я видела не назвала бы забавным.

— Ты могла сказать мне.

— Могла? — я тру рукой лоб. у меня начинает болеть голова. — Ты тоже был о смой откровенен.

— Ты знала! Ты видела меня раньше! На охоте! Не обманывай себя, — он идет ближе и собирается меня поцеловать.

— Что ты имеешь в виду? — Я оттолкнулась от него.

Он нахмкрился:

— До того как я понял, я вспомнил тебя.

— Что ты имеешь в виду?

Его голос разжигает огонь внутри меня.

— Я видел тебя, — говорит он, — тогда, в пещере. Скажи, что ты думала обо мне тогда и сейчас.

— Я думаа о тебе, — шепчу я. Мой голос не кажется моим. — Я всегда думала о тебе.

Я ничего не хочу вновь строить между нами. Не хочу врать ему.

— Скажи мне сейчас, — подгоняет он меня. — Я хочу знать все о тебе.

— Моя мать, Тамра... они не любят таких как я. — Начинаю я. — Они не Драги.

Уилл смотрит на меня, Берет меня за руку.

— Понимаешь, ам тяжело сохранить челоаеческую форму. Поэтаму, когда Бруклин со своими подругами загнала меня в туалет, появилась защитная реакция.

— Ты упоминала таланты, а у тебя что?

Я отвожу взгляд в сторону:

— Думаю, ты уже заметил их.

Это слишком. Он не должен знать больше. Я не просто драги, я с причудами, даже среди своих.

Глубоко вдохнув, я сказала:

— Я дышу огнем.

— Так... что это значит? Когда мы будем целоваться, я могу обжечь горло? — Его глаза расширились. — Вот почему ты збежала тогда, в ту ночь, когда мы первый раз поцеловались.

Его пальцы касаются моих губ. Я смеюсь.

— Я мого навредить кому-то, только если выпущу огонь или пар.

— Почему ты не сказала мне раньше? — возражает он.

— Я думаю, ты все равно не сердишься на меня.

— Я бы сошел с ума! — хмурится он.

— Что это? — Я притягиваю его за воротник рубашки к себе. Его лицо напротив моего. Я изучаю его глаза.

В течение долгого времени, он ничего не говорит. Уилл смотрит на меня так, словно хочет, чтобы я начала извиваться.

— Охотник влюбился в жертву...

Моя грудь сжимается. Я глубоко вдыхаю. Он только-что признался мне в любви?

Измученная, я думаю, может ли он позволить себе это.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь осознать то, что я никогда не была так близка к кому-либо. Мы целуемся, пока я не отталкиваюсь, чтобы вдохнуть воздуха. Его рука накрывает мою голую спину под рубашкой, я чувствую вибрацию моих крыльев. Я пью холодный воздух из его уст, сохраняя его глубоко в моих легких.

Я не протестую, когда он останавливается, поглаживает пальцами мое лицо. Он целует меня. Щеки. Нос. Уголки моих глаз. Все. Здесь, с ним я так близка к небу...

На обед я делаю сыр на гриле для меня и для Уилла. У нас мало еды, если не считать банку солёных огурцов.

— Это лучшее что я когда либо ел.

— Я старалась, — говорю я проглатывая свой последний кусочек.

— Шеф-повар, — улыбается Уилл.

Мы слушаем музыку. Разговариваем. Уилл наклоняет голову к моей шее и нюхает кожу. Он водит руками по моей коже, заставляя меня гореть.

— Я — единственная в моей стае с супер способностью.

Его взгляд концентрируется, а смех исчезает:

— Серьезно?

— Вот почему мы оставили стаю. Мама сказала, что там теперь не безопасно.

Уилл сжимает мою руку:

— Они причинят тебе боль?

Я дрожу, думая о потере крыльев.

— Нет. Конечно нет, — лгу я. — Они просто хотят контролировать мою жизнь.

Его брови поплыли вверх, — что ты имеешь в виду.

— Я единственный огнедышащий дракон в стае. Они хотят больше таких как я. Это просто. — я пожимаю плечами.

Я не говорю ему о крыльях. Не хочу, чтобы он думал, что мы варварские существа. Мне стало стыдно за то, что мои братья хотят злоупотреблять мной.

Он долго смотрит на меня, потом тихо ругается и говорит:

— Твоя стая ждет тебя.

— Не вся, — быстро отвечаю я. — Наш вожак присмотрел меня для своего сына, Кассиана... — Я вздрагиваю от выражения его лица, — все в порядке. Теперь я здесь, с тобой. Они не собираются искать меня. — Ну, за исключением конечно же Кассиана.

— Обещай мне, что ты не уйдешь.

Я задерживаю дыхание, смотрю ему в глаза. Не будь я верна своей стае, я бы не раздумывая пообещала. Но если я останусь здесь, мне нужно будет найти новую стаю. Уилл достаточно обо мне заботился.

— Обещай, — он сжал мою руку.

— Обещаю, — шепчу я.

По крайней мере, я постараюсь сохранить свой Драги живым. Если Уилл будет рядом, он никогда не исчезнет. Я верю, что мы будем вместе, а мама и Тамра получат то, что хотят. Выигрышная ситуация для всех.

Вдруг, я снова слышу птичку. " Уип ка-ка-ка".

— Что это? — спрашиваю я.

— Пустынная куропатка. Не плохо, да? Когда становится жарко, она прилетает в город в поисках воды и еды.

Почему-то я начинаю дрожать.

— Тебе не холодно? — Он начинает греть мои руки.

В тот же день.

Кэтрин приходит после школы.

— Скучала по мне? — спрашивает она, бросая рюкзак на пол и садясь на кровать рядом

со мной. — Мне кажется, тебя что-то тревожит. Ты уже знаешь о горящем в огне Бруклине?

— Огонь?

— Да. На самом деле слухи немного преувеличены, — добавляет подруга. — Кстати, Рутледж сегодня не был в школе.

— Да? — Я стараюсь не выглядеть слишком заинтересованной. — И не только. Так же, не было его двоюродных братьев. — Она покрутила головой, — где бы он мог быть?

Я пожимаю плечами.

— Ксандер говорил со мной, — говорит Кэтрин.

— Что он сказал?

— Он думает, что Уилл был с тобой.

— Со мной? — спрашиваю я..

— Ну, типо того. В библиотеке, он зажал меня в угол и требовал объяснений. Почему он домогается до тебя?

— Не знаю, — пожимаю плечами я.

— Он напоминает мне бывшего моей мамы, Чада. Мы добились обвинения на него у суда.

— Не думаю, что мы дойдем до этого. — Кэтрин качает головой.

Вечером моя кожа горит от сегодняшних воспоминаний времени, которое я провела с Уиллом. Мама ушла на работу, Тамра на научную кружок. Я читаю "Убить пересмешника" лежа на кровати.

За шторами я разглядываю темную фигуру. Я вспоминаю о стае, Кассиане, Северине.

— Кто там? — требую я.

Моя спина покалывает, мои крылья собираются раскрыться. Окно медленно открывается. Жалюзи шумно гремят. Потом, пара ярких глаз смотрит на меня.

— Эй. — Еле дышит он.

— Что ты делаешь? — Я бегу вперед и держу жалюзи, чтобы он мог спокойно залезть внутрь. — У меня чуть не был сердечный приступ.

— Я видел как отъезжает твоя сестра. А твоя мама здесь?

— Она на работе.

— Теперь ты моя, — усмехается он, подходя ближе ко мне.

Я улыбаюсь и обнимаю его. Не смотря на то, что мы знакомы давно, сегодня я вижу Уилла по новому.

Мы сидим на полу спиной к кровати. Руки сцеплены, мы разговариваем. Он рассказывает о семье, о своих двоюродных братьях.

— Ксандер ненавидит меня.

— Почему? — спрашиваю я.

Пауза. Я чувствую напряжение.

— Мой отец, дядя... они гордятся мной.

— Почему? — снова спрашиваю я.

— Я не хочу говорить об этом, — вздыхает он с горечью.

— Скажи, — настаиваю я.

— Я лучший охотник, Джасинда.

Моя рука накрывает его. Я смотрю на него сверху вниз. Как я должна справиться с эти? Что я должна ему сказать?

— Я не хочу врать тебе, Джасинда. Я лучший в моей семье. Я не могу объяснить свои

чувства... Я ощущаю их, каждый раз, когда становлюсь ближе к тебе.

— Это нормально, — отвечаю я. Я стараюсь не винить его. Не тогда, когда мой Драги жив благодаря ему. — Так вот почему твоя семья так сильно нуждается в тебе.

— Да. — Он кивает, его каштановые волосы падают на бок. — Но не тогда, когда думаешь, что драконы... Ммм... Драги не причиняют вреда. С тех пор, как я увидел тебя в горах в обличаи Драги. Я не смогу больше вбивать. Не смогу.

В конце концов, мы не можем оставит не тронутым вопрос, на который я не хотела отвечать.

— Так что насчет продолжительности времени. — Он наклоняет голову. — Это правда? Вы можете жить вечно?

— Мы не бессмертны. — Я стараюсь не засмеяться. У меня не получается. — Мы не можем жить вечно.

Но он знает, если мы не бессмертны, то нас не просто убить.

— Как долго вы обычно живете?

Я облизываю губы. — У всех по разному.

— Сколько, — снова спрашивает он.

— Нидия, старейший Драги, дожил до трехсот восьмидесяти семи лет. Но это не всегда так, — добавляю я, когда вижу его каменное выражение лица. — Двести лет — в среднем.

— В среднем, — повторяет он.

Я говорю, пытаюсь заставить его забыть об этом вопросе:

— Нидия особенная для нашей стаи. — Я слабо смеюсь.

— Ты не начнешь стареть, пока не...

— Ну, я не видела Драги... старыми.

— На сколько лет выглядит Нидия?

Я кусаю нижнюю губу и вру:

— Может быть, пятьдесят, шестидесяти.

Не совсем правда. Она выглядит лет на сорок. Но она самый старый Драги. Моя мама начинает стареть, потому что она давно не превращалась в Драги.

— Когда мне будет шестьдесят, я буду выглядеть как седоволосый старик, а ты...

— Младше, — договариваю за него я. — Может, поговорим о чемнибудь другом?

Я притягиваю его за волосы для поцелуя. Внезапно, я слышу как открывается и закрывается входная дверь. За минуту до того как Тамра входит в комнату Уилл успевает вылезти через окно.

Я проснулась от запаха кофе и бекона. Я глубоко вдыхала это запах. Нет. Сосиска. Определенно. И жаренные яйца.

Я взглянула на пустую кровать Тамры и на часы. 8:15 утра. Вокруг меня головокружительный аромат. Потирая сонные глаза, я подпирала свои локти, и думая, забыла ли мама выключить кофе варку.

— Итак, я думаю, это ответ на мой вопрос, — Напугал меня бархатный голос. Я подпрыгнула, схватив свою подушку, словно хочу использовать ее как оружие.

Он стоит в дверях, потягивая из металлической кружки. Его серая выглаженная футболка вокруг его плеч и груди держалась так, что мое горло сжалось.

— Что за вопрос? — Спросила я, задыхаясь.

— Вопрос, который объяснит твою красоту утром, да и в течении всего дня.

— Ох, — Сказала я про себя, убирая спутанные волосы за свои плечи, уверенная в том, что не буду выглядеть сейчас хорошо, я просто скатываюсь со своей кровати. Не то, что я волнуюсь за мой больной внешний вид в течении всего дня, но ведь...кто бывает красивым и свежим прямиком из

постели?

— Ты снова тут, — промычала я.

— Как видишь.

— Не можешь пройти мимо?

— Ну, видимо нет.

Я в порядке. А точнее — отлично.

— Я приготовил завтрак, — добавил он.

— Ты умеешь готовить? — Удивилась я.

Он оскалил зубы.

— Я живу в холостяцком доме, помнишь? Моя мать умерла, когда я был ребенком. Я с трудом ее помню. Я был вынужден учиться готовить.

— Ох. — Пробормотала я, когда он медленно сел.

— Подожди минуту. Как ты оказался тут?

— Открыл входную дверь. — Он делает еще один глоток из своей кружки и смотрит на меня так, словно я в беде. — Твоей маме действительно стоит закрывать дверь, когда она уходит.

Я нахмурилась — Думаешь, тебя бы это остановило?

Он немного улыбнулся — Ты меня хорошо знаешь.

И я знаю это. В этом — то мы и похожи.

Его улыбка померкла. — Но у нас есть другие проблемы...

— И запертая дверь не будет останавливать их вечно.

Теперь я сожалею, что напомнила ему об этом. Сожалею о тенях, которые падают на его лицо и о темноте в его зеленых глазах.

— Эй, — сказала я, слезая с кровати, решительно стараясь забыть что злая сила выходит, готовясь навредить мне...и разорвать нас на части.

Он живет с некоторыми из них совсем рядом. Вероятно, с худшими из них. Чувство гордости не хочет, чтобы в конце концов я умерла. Вечером энкрысы представляют

огромную опасность. Они безликие, плохо нарисованные демоны во мне, представляющие угрозу только в том случае, если охотники поймают меня и вернут меня к ним.

— Давай не пойдём никуда, — сказала я, “укутывая” своими руками его талию.

Он сжимает меня так сильно, что из моих губ вырывается стон, — Я не хочу причинить тебе боль.

Иногда в его голосе есть что-то в том, как он держит меня — сильное, напряжённое, что заставляет мою кожу покрываться мурашками и сжимать мой живот.

И я думаю, если он знает нечто большее. Если он не рассказал мне все.

Что ещё может быть там?

Я игнорирую чувства и хороню свое лицо на его теплой груди. Его мягкая футболка ласкает мою кожу.

— Давай, — сказал он, взяв меня за руку и повел меня на кухню. — Я старался. Давай есть.

Сейчас его голос нормальный. Немного бархатистый. Даже гладкий. Что бы это ни было, я слышу, что оно исчезает. Позже, я удивлюсь, если догадаюсь.

— Давай не пойдём в школу потом.

Я посмотрела на небрежный комментарий своей сестры в моей книге. Тамра работает на этаже рядом со своей кроватью. Она тщательно следит за мной, постукивая ручкой по ее бумаге.

— Да? — сказала я, гордясь за свой спокойный голос, который не вздрагивает.

— Может, он снова пошел за город.

— Нет, его кухни в школе, — видимо она знает о рыболовских экспедициях, если не о настоящих наживках.

Я пожала плечом и посмотрела назад на мою книгу. После этого, я услышала скрип от ее ручки и дыхание снова...надеюсь я прошла ее тест. Мисс Фортуна.

Хенесси не упомянула о приезде Уиллы, и я не думаю, что она вообще будет. Каким — то образом мы сформировали альянс.

— Ты слышала это от него?

Видимо, она не закончила. И это там, где это получается тверже. Лгать моей сестре всегда было трудной задачей, но если говорить правду, то это может привести к другим последствиям, которые она не готова услышать...и не готова признать это.

— Нет.

— Хм. Думаю, он не принц, в конце-то концов.

Она посмотрела прямо на меня. Я сопротивляюсь и настаиваю на том, что Уилл самый важный. Принц и остальное.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да. Никогда особо не верила в принцев.

— Не смейся.

Она кивнула и я не могла помочь думать о Кассиане. Она действительно думает, что я верила в принцев. Я не уверена, что она все еще так думает.

— Эта без лягушками в новинку для вас, всего — то.

Я ворчала. Все еще в надежде перенаправить ее мысли, я спросила, — Как Бен?

— В порядке. Я думаю.

Это значит, что Тамра не у него. Он не Кассиан, после всего этого. Совсем не важно, как она приняла решение двигаться дальше, я думаю, что Кассиан все еще там, больше, чем

жизнь в ее голове. Это слишком плохо. И парень могу отвлечь ее от переживаний обо мне — от переживаний по поводу этого или того, что я собираюсь ударить ее здесь. То, что это больше, чем я готова взять. Парень мог дать ей вкус нормального состояния, которого она хотела больше всего.

Может быть мне следовало сказать ей о Уилле. Объяснить ей, что я хочу остаться здесь сейчас, что я хочу сделать эту работу. Что мне очень нравится Уилл... что больше, чем просто нравится мне. Что потому, что из за него я могу остаться здесь. Я вздыхаю. Это будет большой разговор. Намного больше, чем я хочу. Она узнает это завтра в любом случае, когда она придет к нам.

— Я вроде бы как уже другая сейчас, — сказала она прежде, чем я могла сказать остальное.

Я посмотрела вверх.

— Правда? Ты нашла своего принца?

— Ммм, может быть.

Она кивнула, не уточнив и я не настаиваю. Тамра не сказала больше, чем она бы хотела. Я думаю, что мы похожи в этом. Очень долго мы жили вместе, но отдельно, скрывая самые сокровенные части сердца потому, что остальное нам не нравилось. Проблема в том, что мы живем вместе очень долго, и трудно что — либо скрывать от друг — друга.

Я смотрю на нее некоторое время, мои губы приоткрылись, готовясь нарушить это молчание. Но не могу сказать и слова. Некоторые привычки трудно разрушить. Я еще не готова сказать ей о Уилле. Правда сейчас это теплый маленький секрет накрепко закрыл мое сердце. Мне удалось схватить прекрасную бабочку и удержать ее в своих ладонях.

Она узнает все достаточно скоро. Но сейчас я буду стараться закрыть эту бабочку и не раздавить ее.

На следующий день Уилл был одет не в обычную одежду.

Не удивительно. Он сказал мне, что он пойдет в школу сегодня... Я переживаю за него. Я не хочу, чтобы он попал в беду из за меня, и я не хочу привлекать большего внимания ко мне и его семье.

Но так как пообещал мне, что прежде и всегда показывал мне вверх, я не могу, чувствую себя расстроенной из за того, что день прошел, не увидев его. И сегодняшняя дата это всего лишь несколько долгих часов без него.

Я навещаю Миссис Хеннесси. Мы смотрим небольшой телевизор вместе, прежде чем она начнет дремать, тогда я уйду домой и делаю свою домашнюю работу на кровати. Я как легкий ветерок по химии и запустила геометрию — как квадратная формула. Я учила это два года назад, поэтому я работаю сквозь проблемы, когда слышу это.

Негромкий щелчок.

Скрип паркетной доски.

Моя кожа танцует и дрожит от волнения. Уилл. Я кладу карандаш и сажусь прямо, быстро расчесывая свои волосы расческой.

— Кто там? Мама? — Я уверена, что это не мама, но спросить все таки нужно. На всякий случай.

Ничего. Тишина.

— Миссис Хеннесси?

Поднявшись с кровати, я иду к двери и выхожу в коридор. Входная дверь открыта. Свет вливается в комнату и белые пылинки танцуют внутри этих лучей. Просто за пределами,

бассейн сверкает ярко — голубым и светит мне в глаза.

— Уилл? — Рискованно я зову. Я надеюсь, что мой голос спокойный.

Я иду вперед, и быстро заглядываю в пустую кухню. Просто вдруг он там, готовит нам перекус. Ничего. И у открытой двери тоже ничего.

Мои губы искажаются в разочаровании. Не Уилл.

Я медленно закрываю дверь, убеждаясь в том, что на этот раз она прочно закрыта. Моя кожа все еще дрожит. Не даю Уиллу ответить мне.

Упившись об дверь, я стала растирать мои руки, которые сморщились и превратились в гусиную кожу, несмотря на тепло моего тела. Я закрываю дверь на замок. Тишина ощущается толстой и угнетающей. Даже слишком.

Моя кожа плавает в жаре и духоте. Может стоит искупаться в бассейне. С руки на кайму моей футболки, я повернула своей костюм. И крик.

Я пытаюсь проглотить вопль, чтобы не разбудить миссис Хеннесси.

— Здравствуй, Джасинда.

Страх ударяет в глубь моего сердца. Я знала, что это в конечном итоге произойдет, но я не готова. Он обещал пять недель, в конце концов. Я сплотилась, зная, что убедить его оставить меня во второй раз будет сложнее.

Мои легкие горят. Мое горло расширяется, раздувается с теплом, которое готово защищать себя. Огонь внутри меня усиливается, когда я думаю о потере крыльев, которая ждет меня... Зачем теперь он хочет забрать меня обратно?

— Убирайся, — я прошу.

Его глаза вспыхивают.

— Твоя мать все таки рассказала, — он заявляет.

— Да, — говорю я. — Она сказала мне.

— Она не знает всего. Она не знает меня... или как я себя чувствую. Я бы никогда не заставит тебя делать что-то против твоей воли, и я никогда, никогда никого не повредил бы тебя.

Его слова бесят меня. Ложь, я уверена. Моя рука готова ударить, появляется искренний взгляд на его лице.

Он ловит мою руку, сжимает запястье туго:

— Джассинда...

— Я тебе не верю. Ты обещал. Пять недель...

— Пять недель — это слишком долго. Я не мог оставить тебя на это время бес защиты.

— Ты лжец, — утверждаю я.

Он знает, что я говорю о не просто пяти неделях. Покачав головой, он почти извиняется:

— Может быть, я не сказал тебе все, но это ничего не изменится. Я никогда не причиню вреда тебе. Я хочу попытаться защитить тебя.

— Попробуй, — повторяю я.

Его челюсть сжимается.

— Я могу. Я могу остановить их.

Через несколько секунд, я свободно кручу рукой. Он отпускает меня. Потирая запястье, я свирепо кричу на него.

— У меня есть другая жизнь здесь и сейчас. — Мои пальцы тянутся, чтобы сразиться с ним, но я все еще очень голодна.

— Я никогда не прощу тебя.

Он глубоко вдыхает, его широкая грудь поднимается высоко.

— Ну. Я не могу так.

— Тогда ты уйдешь? Оставишь меня в покое? — Надежда у меня все еще есть.

Он качает головой. — Я это не говорю.

— Конечно, нет, — я вздохнула. — А что ты имеешь в виду? — Паника овладевает мной при мысли о его пребывание здесь. — Нет причин, чтобы остаться.

Его темные глаза блестят. — Здесь ты. Я могу дать тебе больше времени. Ты не сможешь жить здесь. Ты вернешься.

— Я не вернусь!

Его голос звучит, как гром среди ясного неба. — Я не оставлю тебя! Знаете ли ты, как невыносимо было без тебя? Ты не такая как остальные. — Его рука сильно ударяет по воздуху. Я смотрю на него, раскрыв широко глаза.

— Ты не хорошо обученный щенок, чтобы таскаться за мной.

Он судорожно смеется. — Я имею в виду не в буквальном смысле. Что-то в тебе, Джассинда. Только ты реальна для меня, единственное, что мне интересно. — Он смотрит на меня, а я не дышу. Он практически готов протянуть руку и заключить меня в своих объятиях.

Я поспешно прыгаю назад. Невероятно, но он выглядит больным. Раскинув огромные руки, он снова равномерно и спокойно говорит:

— Я дам тебе больше пространства. Время, чтобы понять... Что это не для тебя. Ты принадлежишь туманам, горам и небу. Полет. Как ты можете остаться здесь, где у тебя нет этого? Как ты можешь надеяться, на выживание?

Подумай, каким стал туман, небо, все. Я делала больше, чем здесь. Я люблю. Но Кассиан никогда не сможет понять это.

— Мне отрежут крылья...

— Разве это произойдет, Джасиндой? — Он подходит ближе. Его голова опускается, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Я обещал. Если ты вернешься со мной, тебе не будет причинят вреда. Я умру раньше.

Его слова проходят через меня, — но твой отец...

— Я помню. Стая послушает меня. Я обещаю, что ты будешь в безопасности.

Могу ли я снова довериться ему? Даже после всего, что он сказал? Если я доверюсь, и совершу ошибку, цена слишком высока. Моя жизнь.

— Ты ты подождешь моего согласия, чтобы я смогла вернуться? — Уточняю я, чтобы все было ясно.

— Ты не заставишь меня?

— Я буду ждать, — обещает он. — Но много времени не дам.

Он подождет. Но будет скрываться. Я знаю это.

Забавно, как все меняется.... Изначально, я думала, что я никогда не смогу привыкнуть. Теперь я не хочу уходить. Главным образом потому, что я решила дать шанс маме и Тамре.

После окончания школы, я могу пойти с Уиллом, когда он освободится от семьи. Еще два года. Впервые с момента приезда сюда, я обретаю надежды. Я не позволю Кассиану разрушить ее.

— Ты будешь ждать вечно, — обещаю я. — Я не передумаю.

Откуда он знает что-то я делаю что-то не так. Ему восемнадцать, но в тот момент я думаю, что ему намного больше, чем мне.

— Все вещи меняются. Люди меняются. Я возьму свой шанс.

Я качаю головой. — Посмотрим. Я не передумаю.

Он оставит меня. Потому что он не может ждать вечно. Не смотря на то, что обещал. Кассиан не собирается торчать здесь целых два года. Независимо от того, насколько интересна я ему.

— Мы еще увидим.

Смотрю на мигающую часы на верхней части телевизора.

— Тебе лучше уйти до того, как моя мама вернется.

— Ты права. — Он движется к двери. — Пока, Джассинда.

Я не прощаюсь. Не хочу притворяться, как будто мы достигли того уровня, когда между нами появились тонкости.

Мы не друзья. И никогда не будем ими.

В 5 мама заглядывает в комнату.

— Что ты хочешь на ужин, Джассинда?

Она поменялась на работе с кем-то, чтобы остаться с нами на один вечер в пятницу. Я виню себя. Она чувствует одиночество.

У Тамры тоже нет планов, но это — не сюрприз. А я никому не сказала о моих планах. Сейчас, глядя на меня, мама думает, что прекрасно проведет вечер, но только с одной из дочерей.

Тамра одевается. Она собирается с друзьями. Однако, я не знаю их.

Я увидела, как сестра бросила на кровать довольно приличную блузку. Она подходит мне для свидания с Уиллом.

Выдыхая, я признаюсь:

— Я пойду.

Тамра качает головой.

— Правда? — спрашивает мама входя в комнату с скрещенными руками. — С кем? — В ее голосе появляются нотки надежды.

— С Уиллом.

Я не называю время встречи. Нет необходимости тревожить ее.

— Что? — говорит Тамра. — Разве это не глупо?

Мама морщится. — Он является причиной подглядыванием за тобой в ванной комнате, да? — Скорее всего, Тамра рассказала маме. — Парень, который...

Она даже не может досказать, как-будто говорит что-то грязное.

— Я могу держать его под контролем, — лгу я. Ложь — лучшее, что я могу сказать.

— Я не хочу, что бы ты была с ним, — решительно говорит мама.

Да, я тоже, — поддакивает Тамра словно у нее есть надо мной власть.

Сестра в ярости, я уверена, это потому, что я лгала ей. Наверное, я должна была сказать правду.

Машу пальцем в воздухе:

— Он — единственная причина почему я осталась. Единственная причина того, почему я все еще не сбежала! Вы должны быть благодарны ему. — Не совсем так. Мама и Тамра пытаются помочь, но я слишком сумасшедшая, чтобы понять.

Мама пытается успокоиться. Ее лицо наливается красным цветом.

— Джассинда, — она выдыхает мое имя. Слово я сказала что-то ужасное.

— Что? Ты думала, я не пыталась сбежать? — спрашиваю я. — Я была несчастна здесь! Думаю, что не смогу прожить день без Уилла.

Тамра смотрит с отвращением и возвращается к шкафу.

Я смотрю на побледневшую маму. Я знаю о чем она думает. Надо убедить ее в том, что со мной все будет в порядке.

Она печально качает головой:

— Он слишком опасен.

Если бы она только знала на сколько.

— Хорошо, — говорю я, — держи меня в клетке, почему бы и нет? Заклучи меня под домашний арест! Любой мальчик который привлекает меня сможет разбудить во мне Драги!

Я уверена, что это не правда.

Мама снова качает головой:

— Джассинда...

— Мам, а если я буду гулять с парнем, который просто нравится мне?

— Нет, — быстро говорит она, — но сможешь после того, как твой Драги...

— Умрет? — заканчиваю я. — Я знаю. Это самое значимое событие, которое ты ждешь.

День, когда ты сможешь назвать меня человеком.

Боль. Раны, которые тяжело будет залечить. Я не хочу просить разрешения у окружающих.

Слезы жгут мне глаза. Я делаю глубокий вдох:

— Вам не приходило в голову, что с Драги умрет часть меня? Которую вы сможете просто убить? Навсегда. Меня. Кем. Я. Являюсь. — Кладу руку на сердце, — Я знаю, что здесь я начну забывать стаю. Но в конечном счёте я умру, мне не чем дышать.

Мама качает головой. Она выглядит усталой, немного старше своих лет. — Ты не пойдешь с ним.

— Ты не можешь сделать это, — я сжимаю кулаки до боли.

— Что? Кто твоя мать? — Она встает и ее янтарно красные глаза оживают. — Это не прекратится. Привыкай к этому, Джассинда.

Я знаю, она, безусловно, права. Мама любит меня и будет делать то, что считает правильным, будет защищать меня. Даже если я буду несчастна.

За две минуты до приезда Уилла, я украдкой смотрю через занавеску в окно.

Мама на кухне готовит напитки и закуски для просмотра фильма. Аромат масла заполняет весь дом.

Тамра все еще сердиться на меня и даже не прощается.

Когда я бегу около бассейна миссис Хэннэсси, замечаю синий свет от ее телевизора. Надеюсь, я не похожа на тюремного заключенного.

Лэнд Ровер Уила стоит на обочине дороги, а он выходит из своего автомобиля. На лице парня появляется улыбка:

— Эй, я собирался...

— Все в порядке. Поехали, — я задыхаясь открываю пассажирскую дверь и сажусь в машину.

Уилл медленно садиться обратно. Мои пальцы отбивают бешеный ритм на бедрах.

— Ты уверена, что все в порядке. Я хотел повидаться с твоей мамой.

— Не очень хорошая идея. — Я смотрю на дом. Нет признаков маминого наблюдения. — Давай просто уедем отсюда.

Он медленно кивает.

— Хорошо.

Думаю, он не в восторге от такого надежного друга как я. Я знаю.

— Я скучала по тебе, — говорю я, надеясь, что этого достаточно. — У меня был долгий день.

Он смеется. — Я тоже по тебе скучал. Ты не пришла в школу.

— Знаю, знаю, — качаю головой я.

— Ты придешь в понедельник.

Он включает музыку, а я вздыхаю с облегчением.

Я смотрю в окно, движение улиц завораживает меня.

— У меня такое чувство, как будто я похищаю тебя. Высматривать ли мне сирены в зеркалах заднего вида?

— Не переживая, я сдалась добровольно. — Заставляю себя улыбнуться. — Не думаю, что тебя арестуют.

— Отлично. Но твое "не думаю" обнадеживает. — Уилл морщится. — Ну, может быть, не совсем. Мне есть восемнадцать...

— Тебе восемнадцать? Ты же студент второкурсник.

— Я несколько лет пропускал занятия. Болел.

— Болел? — Переспрашиваю я. Ксандер говорил о его болезни, но я не думала, что она серьезная.

— Какая? Я имею в виду чем?

Он смотрит на дорогу.

— Лейкемия. Но на данный момент я здоров.

— Тебе было очень плохо?

— Примерно год... — Он прекратил разговаривать. Внезапно, у меня появилось ощущение, что он мне слишком много рассказывает. — Не беспокойся об этом. Разве я сейчас не идеальный образец мужчины? — Он мне подмигивает, — разве я не выгляжу здоровым?

Так и есть. Внешность кричит о том, что он молодой мужчина.

— Удивительно, что только не делают врачи в наши дни, — парень снова уставился на дорогу. Я думаю, он мне врет. Но зачем? В чем смысл? После всего того, что мы знаем друг о друге.

Я киваю. Мне не нравится думать о том, что он что-то утаивает от меня. Еще не нравится думать о том, что бы произошло, если бы мы не встретились: я бы умерла в пещере, если бы не его родители.

— Итак, куда мы едем?

— Любишь греческую еду? Немного жестковата, но она того стоит. Великолепный хумус. Наше свидание должно быть особенным, — он скользит по мне взглядом. — Да?

Я фальшиво улыбаюсь. Примерно на некоторое время я могу притвориться, что все в порядке,

Кассиан где-то там... Далеко в тумане. Стая не ждет меня.

Я не могу перестать думать о Кассиане, Северине и стае. Я не думаю, что Кассиан следил ты за мной. Он может следить, но не показываться. Он обещал.

Уилл берет мою руку и переплетает наши пальцы. Его прикосновения заставляют меня чувствовать себя сильной. В безопасности.

Странно, я чувствую себя хорошо в компании охотника на Драги. Но это так и я не могу отрицать. Во мне появляется надежда: может быть, я смогу остаться здесь навсегда. В этой пустыни.

Позади нас сигналит автомобиль.

— За нами хвост? — Спрашиваю я, надеясь, что я просто параноик.

— Да, — коротко и мрачно отвечает Уилл.

— Кто? Что им надо?

— Это Ксандер.

Мое сердце бешено колотится. — О. — Лучше бы это был Кассиан. По крайней мере, я знаю, что ожидать от него.

Уилл смотрит на меня.

— Мы не обязаны останавливаться. Он отстанет. Слишком рискованно останавливаться.

— Не. Мы должны съехать на обочину. Почему нет? У него появиться еще больше подозрений.

— Наше...

— Давай покончим с этим. Затем снова вернемся на наше свидание. — Я отпускаю его руку. — Дадим ему то, что он хочет...

Смех наполняет автомобиль.

— Что смешного?

— Он уберёт тебя.

Я смотрю на него:

— Не понимаю, объясни.

Уилл вьезживается в сиденье и наконец то говорит:

— Он хочет убрать тебя. — Повторил он.

— Меня? Почему?

— Он думает, что ты знаешь слишком много, что я все тебе рассказал. Да еще эти перепалки между вами. — Он сжимает руль своими длинными пальцами. — С самого детства мы были заклятыми врагами. Единственное спасение — вернуться к охоте. В те времена полегло много охотников.

Я это знаю. Раньше Драги были более уязвимые, чем сейчас.

Я вздрагиваю, ненавидя то, что часть меня всегда будет против его смысла жизни.

— Ксандер ненавидит меня, — он просто пожимает плечами.

Это выше моего понимания. не смотря на ругательства между мной и Тамрой родители никогда не причиняли мне вреда. У нас слишком глубокая связь.

— Я остановлюсь, если ты хочешь. Но помни, он украдет тебя при любом удобном случае.

Я скрещиваю руки. — Он не может украсть меня. Я не игрушка двух мальчиков. Тормози.

Я начинаю беспокоиться. Если Кассандер когда-нибудь узнает об этом, он убьет меня, и не только из-за Уилла. Уверенность медленно тонет у меня в груди.

Большой джип 4x4 останавливается напротив Уилла. Открывается переднее окно. Ксандер и Ангус фальшиво улыбаются.

— Эй, мы были у тебя дома, — кричит Ксандер, — твой отец сказал, что ты остался здесь на ночь.

— Да. — Уилл сжимает мою руку. — У меня есть планы.

— Я вижу, — с усмешкой говорит Ксандер и кивает в мою сторону. — Мы едем на большие скалы. Хотите с нами?

— У нас другие планы, — говорит Уилл и тянет меня обратно к машине.

— Стоп, подожди...

Голова Тамры высовывается из заднего окна.

— Эй, Джассинда, смотри, не надделай чего-нибудь сегодня ночью.

Мои пальцы сжимаются в руке Уилла. Так вот ее парень? Вот о ком он не хотела мне рассказывать? Если бы я уделял больше внимания сестре, то сейчас была бы в порядке.

Уилл по моему обеспокоенному взгляду понимает все.

— Ты уверена? — Шепчет он, близко наклоняясь ко мне.

Я киваю. — Да.

— Все в порядке. Мы едем.

Касандер довольна улыбается. Он знает, что она делает. Он использует мою сестру в качестве приманки. По какой-то причине, он хочет заманить меня на большие скалы.

В нижней части большой скалы припарковано несколько автомобилей.

Я выбираюсь из машины. Темные фигуры виднеются в ночи. Ищу глазами Тамру, чтобы отвести в сторону и заставить уехать со мной и Уиллом.

Электрические фонари освещают путь когда мы поднимаемся по скале. Я замечаю ее волосы. Даже в темноте они светятся. Тамра избегает меня, двигается аккуратно среди толпы и не смотрит назад.

— Ты в порядке? — спрашивает Уилл.

— Что это за место? — бормочу я.

— Просто место для тусовок.

Я качаю головой. — А что она тут делает?

— То же что и все. Получает удовольствие.

Она не нормальный ребенок. Тамра не могла выбрать худшую компанию друзей.

Интересно, с кем она была всю эту неделю? Не ужели с ними? Меня тошнит при одной только ее мысли.

Я осматриваю окрестности в поисках братьев Уилла. Когда мы достигаем вершины, Уилл кивает нескольким знакомым, тем самым приветствуя их.

Моя кожа согревается, мышцы напрягаются и я готовлюсь к побегу.

— Это собрание охотников? — шепотом спрашиваю я Уилла.

Он кивает только один раз. Куча волков. А я в логове.

Я рада, что сейчас темно. Рада, что никто не может видеть мое мерцание кожи. Я могу убежать, но Тамра...

— Мы сможем остаться, — говорит Уилл и накрывает мою руку своей.

Мой взгляд прикован к рыжим волосам Тамры, которая подходит к точке. Интересно, как они смогли притащить сюда бочку.

— Дай мне минуту.

Я подхожу к Тамре, тащу ее от шумной группы. Ксандер хочет пойти за нами, но его останавливают.

Тамра берет кружку пива, а я выхватываю ее.

— Ты не любишь пиво.

— Кто-то из нас должен.

Я игнорирую ее и качаю головой:

— Не ты.

— Осторожно, Джасинда, — смеясь предупреждает она. — Ты немного светишься.

— Что ты здесь делаешь? — Требую я.

— А что ты здесь делаешь?

— Я здесь из-за тебя... Ксандер Рутледж? Серьезно? Я думала ты знаешь его репутацию.

— Ах, моя старшая сестра, я расскажу тебе один маленький секрет — у меня есть мать. — Говорит она с насмешкой, — мне ее хватает.

Она пьяна?

— Я знаю, ты злишься на меня, но ты не должна быть здесь...

— А ты? — Тамра указывает в сторону группы, где стоит Уилл. — Ты должна была

быть дома. Мама запретила тебе выходить с ним. А что сделала ты?

Я смотрю на пустой пластиковый стаканчик у меня в руке. — Уверена, сейчас мама бы была не рада за нас.

Тамра пожимает плечами.

— Думаю так. Джейс, что ты собираешься делать? Позвонишь ей?

— Тамра, пойдем со мной, пожалуйста.

— Зачем? Лишить тебя свидания?

— Уилл не будет возражать.

— Нет, — говорит она. — Нет я против. Я жила здесь достаточно долго. Ксандер любит меня, а я его.

Она не любит его. Тамра делает это, чтобы вписаться в обстановку окружающих.

— Уйди и оставь меня в покое.

Развернувшись, она уходит обратно.

— Джасинла, — зовет Уилл, приближаясь ко мне. — Так вот почему ты хочешь остаться. — Он обнимает меня.

Внезапно, я вижу Кассиана, его большей темный силуэт в темноте. Он подходит к нам.

— Ты не сдержал свое обещание, — выплонула я.

Кассиан напрягается. Он даже не смотрит на меня, словно он не знает меня. Он смотрит на Уилла.

— Не трогай ее.

— Кассиан... — Я замолкаю. Я только что сказала его имя.

Уилл понимает.

Он поворачивается ко мне. — Кассиан? — Спрашивает он.

Я не отвечаю. Не дышу. Я хочу освободить весь мой пар и высказаться Кассиану.

— Это Кассиан?

— Оставь нас, я поговорю с ним.

— Ты все это время знала, что он рядом, но не сказала?

Я не отвечаю. Не дышу. Не пытаюсь высвободить весь мой пар на Кассиана. Но я не мигая смотрю на него, предупреждая.

— Это Кассиан? — Повторяет Уилл.

— Дай мне время.

— Ты все это время знала, — спрашивает он, — и не сказала мне?

Я вздрагиваю:

— Он обещал не подходить.

— Но я не обещал сидеть спокойно, — встревает Кассиан, — в то время как вы кое-чем занимаетесь.

— Заткнись! — Кричу я. Из моего носа идет пар.

Кассиан видит это. Он довольно улыбается и тихо угрожающе смеется.

— Взгляни на себя Джассинда. Ты не можешь отрицать свою сущность, — шепчет он.

Взгляд Кассиана скользит по Уиллу.

— Теперь пошли, до того, как мы сделаем что-нибудь, о чем потом пожалеем.

Я смотрю вниз, на мои пожелтевшие руки.

— Ты как я, — добавляет он. — Нам здесь не место, не с ними.

Уилл тихо рычит рядом со мной. Его рука сжимает мою.

Кассиан протягивает мне руку:

— Закончим. Пошли со мной.

Я открываю рот, чтобы сказать, что я никуда не пойду, но у меня не получается.

Уилл пробегает мимо меня, хватаят Кассиана и сильно ударяет об землю. Облако пыли поднимается, скрывая их обоих. Я дрожу, чувствую боль.

Что я наделала?

— Джасинда! — Раздается голос Уилла

Мое сердце бьется. Я следую за звуком своего имени и нахожу его цепляющийся за обнажение, его бицепс согнутый, дрожит от напряжения.

Кровь покрывает половину его лица. Толстое, медленно сочащееся сокращает, режет его правую бровь. Капли в один глаз — опухшие, закрыты. От Кассиана или его падения, я не знаю.

Я приближаюсь к нему, и именно тогда я замечаю, что что-то неправильно.

Его глаза расширяются, когда видит меня:

— Джасинда? — он шипит. Разъяренный. Что со мной? — Что, черт возьми, ты делаешь?

Мой пристальный взгляд сосредотачивается на крови, на его лице. Кровь, капающая от его брови. Фиолетово-цветная кровь.

Рыдание ошпаривает заднюю часть моего горла.

— У тебя Драго кровь! — Я выкрикиваю, затем помню, что он не может понять мою рычащую речь. Я сильно ударяю руку по его лицу и задерживаю мерцающие красно-золотые пальцы, окрашенные его кровью.

Цепляясь для жизни за сторону скалы, он устоял на мою руку, затем произносит.

— Джасинда, я сожалею! Я хотел сказать тебе.

В своем волнении, он скользит, теряет хватку и падает.

Я понижаюсь, ныряю и ловлю его с ворчанием.

Он тяжелый, твердый. Я тяжело дышу, чтобы удержать нас обоих, погружаюсь на землю. Горячий воздух хрипит между зубами от напряжения.

Мои крылья упорно работают, хватают и напрягаются, чтобы облегчить нас. Ожог идет глубоко, проникая через мышцы моей спины. И все время, я могу только думать, у него Драги кровь.

Как только мы приземляемся, я осматриваю его тело, управляю моими руками по нему, проверяя серьезные травмы, как раз когда я хочу причинить ущерб самой себе.

Его пристальный взгляд пожирает меня. Улыбаясь бледно, он поднимает руку к моей щеке.

— Ты остаешься прежней.

Я рычу на него вне ярости. Как у него может быть Драги кровь? Я думала, что у нас больше нет тайн. Я просто прыгнула из обрыва к нему.

Все теперь это имеет ужасный смысл. Наша связь, почему он — такой великий охотник, почему он так привлекает мне. Тот смысл знания друг друга. Внезапно ничто не кажется реальным больше. Не то, что у нас есть ..., имело.

Он качает головой, вздрагивая, как будто движение причиняет боль.

— Пожалуйста, не будь безумной. Я могу объяснить. Это произошло, когда я был болен. Рак ... я умер. Мой отец дал мне Драго кровь. Он не дал мне выбор. Он потерял мою маму и отказался терять и меня ...

Я склоняю голову, попробуйте держать на привязи свой гнев, конфликтующие эмоции. Его слова работают вместе, как далекое гудение двигателя.

Ветер шевелится, поднимает мои волосы с моих плеч. На безветренную ночь.

Я кружусь, высокая температура, вылизывающая языком центр моей груди. Я шиплю тлеющее дыхание, поскольку гладкая, черная форма записывает, гигантские переливающиеся крылья, мигающие с фиолетовым светом. Кассиан.

Тогда я замечаю, что он не один. Он держит Тамру так близко к себе, что я не замечаю ее сначала. Только когда он освобождает ее. Она спотыкается из темной стороны его тела, как будто она не может стать достаточно далекой, достаточно быстро. Ее янтарные глаза плюются сердитым огнем, но я рада, что он вернулся к ней ..., освобожденный, он не оставлял ее на вершине Большой Скалы с Ксандером и другими охотниками.

Кассиан не смотрит на Тамру. Его пурпурно черные глаза светятся угрожающе ночью... сначала на меня, потом на Уилла.

Страх растет во мне, захватывает с острыми зубами, но я его игнорирую и стою перед Уиллом, пытаюсь скрыть его из виду.

Я видела Кассиана много раз в полной растерянности. Но здесь, теперь, ни с одной из стаей вокруг, это — ужасающий вид. Он более высокий, более крупный чем тогда, когда находится в человеческой форме. Мышцы и сухожилия слегка колеблются ниже бесконечного протяжения мерцающей черной плоти. Его большие крылья выглядят почти кожистыми. Не листы паутины, а паутинки как мои крылья.

Я приседаю на коленки и делаю глубокий вдох, позволяю тлению построить, подготовить, чтобы защитить себя и Уилла

Я чувствую, Уилла во весь рост, пошатываясь, поднялся на ноги позади меня, и хочу, чтобы он остался внизу. Пурпурно-черный взгляд Кассиана бросается ему- голодный хищник готовый атаковать. Его крылья вспыхивают позади него. Воздух шипит через его зубы.

— Отступите, — я рявкаю.

Он поднимает голову, так как, он слышит что-то далеко и говорит плотно, — Они идут.

Я обращаю внимание тогда и слышу их, также. Голос Ксандера и другие спускающиеся по скале, в поисках нас.

На другом дыхании командует Кассианна, — Мы должны уйти, Джасинда.

Странно, Тамра спокойно смотрит на все это.

Понимание того, что я собираюсь уйти — вероятно, в пользу — Уилл хватает мою руку, заставляет меня, вокруг его жестокое выражение лица. — Нет, Джасинда. Не делайте этого. Не уходи с ним.

Его хватка на моей руке напрягается с каждым словом, образ размывается, и я мигаю слезами, борясь с рыданием, повышающимся в моей груди.

— Я не позволю тебе...

Слова подняться на моих губах, слова, которые я удерживаю. Я не могу остаться, Уилл. Не сейчас. Мне очень жаль, так жаль. Я хотела бы сказать. Хочу, чтобы он мог понять.

— Нет, Джасинда! — Его пристальный взгляд падает туда, где Кассиан стоит, сразу за мной. Его губа вьется.

— Ты идешь с ним. Назад в стаю. — Он говорит это как, будто я иду на смерть. И в некотором смысле, я понимаю, оставить Кассиана является именно тем.

— Нет! — Тамра кричит в сторону, как будто она просыпается от сна, начинает понимать ситуацию.

Я качаю головой, поглаживая лицо Уилла пальцами золота огня, пытаюсь убедить его.

— Я не позволю.

Кассиан делает угрожающий шаг к нам, рыча в Драги речи, не может понять, — Ты не моешь противостоять нам, человек. — Его пристальный взгляд переходит, его темные глаза, изучающие меня, и несмотря на его обещание не принуждать делать что-либо против моей воли, струек неловкости через меня в темном владении, пылающем там.

Уилл тоже смотрит на него. Он отпускает меня и отходит в сторону Кассиана:

— Она не твоя собственность, — мрачно бормочет Уилл.

Кассиан видит, что и я раньше. Фиолетовая кровь, капающая вниз по лицу Уилла, сочась как чернила от ручки. Он видит. Он понимает, знает, что Уилл не обычный человек. Я задерживаю дыхание, надеясь, что он не будет реагировать.

С ревом Уилл набрасывается на Кассиана. Я подскакиваю между ними непосредственно

перед тем, как они сталкиваются, талкаю руками каждого по груди, чувствую, что их сердца бешено колотятся.

— Остановитесь! Вы оба! Кассиан нет!

Уилл сжимает мою руку, прижимает ее трудно за его сердцу, поскольку он смотрит на меня пристально его окровавленным лицом. Я мигаю и отвожу взгляд, смотрю на всю эту фиолетовую кровь ... доказательства жизни, которую его отец украл для него.

Пульсирующее рычание раздаются от Кассиана. Я держу палец в предупреждении, как будто этого будет достаточно, чтобы отговорить их разорвать друг от друга. Тогда я слышу свое имя. И Уилл. Ближе.

Уилл встревоженно смотрит в сторону голоса:

— Видели ли он тебя? — Его добрые глаза смотрят на меня. — Ксандер видел тебя в таком обличай?

— Конечно! — слышалось шипение Тамры, ее лицо, противоестественно бледное. — Она сделала это, чтобы спасти тебя!

Уилл все еще смотрит на меня, ища подтверждений от меня. Я киваю, вяленое движения причиняет боль.

Его целое тело оседает тогда, борьба, которую уводят. Он роняет голову и тянет руки через волосы.

— Джасинда.

Он говорит мое имя так мягко, печальный и сломанный, он наконец понимает...

Я умру, если останусь. Мы оба знаем, что сейчас у нас нет выбора. Я должна идти.

Шаги становятся ближе. Паническое бегство. Я ухожу от Уилла и иду к Кассиану.

— Джасинда, — голос Уилла душит меня, теперь он эмоциональный. Он выглядит подготовленным готовим схватить меня назад против него, и часть меня хочет это, жаждет это несмотря на все.

Я смотрю прямо ему в глаза, передавая то, что я не смею говорить перед Кассианом. Он уже слишком близок к краю. Я люблю тебя. Даже если я не была должна. Даже если украденный Драги кровь кормит твою жизнь.

Уилл понимает. Я вижу его в его глазах. И его боль. Ту же самую боль чувствую я.

Трудно смотреть в его глаза, я качаю головой, жаль о шансе, который мы потеряли. Шанс мы возможно у нас никогда и не было. Но не для его спасения. Я сделала бы это снова, независимо от стоимости.

Я отхожу от Кассиана и мчусь к Уиллу. Не важно, что Кассиан смотрит на меня. Быстро, я говорю близко к его губам:

— Я люблю тебя.

Я жажду, чтобы поцеловать его, прижать свои пламенные губами к его губам, но не осмеливаются попробовать.

Он напрягается против меня, боль, написанная на всем лице. Он захватывает мое лицо в руки. Держит меня.

— Это не конец. Мы не дошли до конца, Джасинда. — Его глаза блестят. — Я найду тебя. Я это сделаю. Мы снова будем вместе.

— Пошли! — Тамра кричит.

Мои глаза болят, горят. Невозможно, кажется, я хочу, чтобы это было правдой. И я не должна. Потому что не может быть. Он не может прийти за мной. Он умрет, если он это сделает.

Я качаю головой: нет, но жест испытывает недостаток убеждения.

Его пальцы прижимаются глубже к моим обостренным щекам.

— Никогда не сомневайся насчет меня. Я найду тебя.

— Джасинда! — Кассиан рычит. — ОНИ ИДУТ!

Я разделяю, боль в моей груди настолько глубока. Руки Уилла скользят по моему лицу.

Кассиан уже побежал, поднявшись в воздух надо мной с Тамрою на руках.

Я смотрю, Будет, пока я могу, держа его пристальный взгляд, поскольку я работаю крыльями и отодвигаю землю, поднимаюсь в хрупкий разреженный воздух. Однако, я смотрю вниз, наблюдаю за ним, пока он не едва различим. Пока он не пошел от вида полностью.

Мы летели несколько миль, пока Кассиана полетел вниз и мы спускаемся к машине, которую он оставил на стоянке вдоль забытой дороге.

В один миг он проявляется.

Я изо всех сил пытаюсь сделать то же самое, положив руку на автомобиле для поддержки. Это займет у меня больше времени, потому что я слишком расстроена. Потрясение. Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь. Посмотрите на меня, я — человек. Наконец, я чувствую, что мои крылья складываются внутрь меня. Я задыхаюсь при интенсивном давлении.

Высокая температура исчезает из моего ядра, и я открываю глаза, чтобы найти Тамру, впивающийся взглядом в меня.

— Как ты могла? — Она дрожит, столь бледная, а я волнуюсь, что она может упасть в обморок. Я никогда не видела ее в путь, и вина наносит удар моему сердцу. Я провела ее через ...

— Содитесь. Вы обе, — Кассиан рычит, потянув открытую дверь водителя и беря ключи от того, где он спрятал их в щитке.

Тамра садится на заднее сиденье.

Я не двигаюсь с места. Остаюсь стоять около двери водителя, дрожа ночью пустыни, моя потерянная одежда, лежит разорвана где-нибудь на дне пустыни.

Он зажимает ключи в замке зажигания своей большой рукой. Смотрит на меня. — Джасинда, — Он говорит как с ребенком. И я ненавижу его. Действительно ненавижу его. — Садись в машину. Поехали.

— Ты сделал это!

Он закатывает глаза. — Не нарочно. Но я рад, что я испортил твой романчик с этим убийцей. Черт возьми. — Я качаю головой, как раз когда он кивает примерно, его лицо, резкое в плоской темноте. — Кто он? Охотник? — Его голос сильно ударяет по мне. — Почему у него кровь нашего вида, Джасинда? Как?

— Уилл не убийца. — Это я знаю глубоко в душе. Я хорошо знаю его. — Он — ... нет. — Это — все, что я могу сказать, все, чем могу защитить. Поскольку я не могу отрицать правду. Уилл — охотник. Ничего больше.

— Убийца? — Тамра спрашивает с заднего сиденья, ее голос пронзительный. — О чем ты говоришь?

— Он — охотник, — объявляет Кассиан.

Я хочу ударить его его. Причинить ему боль. Пострадала я. Скачок огня питает мои легкие. Испугана, что, я шагаю назад от автомобиля. — Вы не понимаете.

Его глаза фиолетово блестят. — Сядь в автомобиль. Ты не можете остаться здесь. Не после сегодняшнего вечера.

Я подавляю ожог от легких. Поклон. Выбор был сделан для меня.

— Я знаю это. — Содясь на передние сидение автомобиля, я бормочу:

— Поторопитесь. Мы должны добраться до мамы.

— Почему?

Я останавливаюсь на мгновение, впиваюсь взглядом в его тень через грязное ветровое стекло прежде, чем поспешить. — Они убьют ее.

— Кто? Ксандер? — Тамра спрашивает за спиной. — Почему он убил бы маму? Просто, потому что он был в растерянности, Джасинда? Она не может знать то, что она видела, не может понять его.

Кассиан игнорирует беспорядок моей сестры. Я благодарна. Сейчас не время объяснять про Уилла и его семью.

— Мое единственное беспокойство — ты, — Кассиан отвечает ровным голосом.

— Ну и дела, спасибо, — я бормочу.

— Или мы поедем к маме, или я никуда не еду, — угрожаю я, скрещивая руки.

— Прекрасно. Но они не будут приветствовать ее ... и она даже не хочет быть частью стаи, — напоминает он мне. Как я смогла забыть это?

— Я тоже. — Тамра ударяет кулаком в спинку Кассиана.

Кассиан отбрасывает ее внимание мгновение, его выражение, плоское, нечитабельное. В тот момент он не смотрит ничто как парень, который стоял в доме, у бассейна, со мной. Более мягкий, заботливый, на которого я бросил взгляд. Этот Кассиан не похож.

Я открываю рот, готова снимать кожу с него со словами. Готовый настоять, что моя мать и сестра приняли бы решение идти со мной. Моя мама. Моя сестра. Мы единое целое.

Но я ничего не говорю. Поскольку я просто не знаю. Я жмала без мысли или беспокойства о них в течение некоторого времени. Возможно я не заслуживаю их.

Они должны знать, что произошло: начало, конец. Я оглядываюсь назад на Тамру. — Ты хочешь идти со мной или нет? Не после того, чему я подвергла себя.

Она уставилась на меня, ее вязкая бледность, начинающая серьезно шокировать меня. — Ну, это не идеально подходит для тебя. Ты получили то, что ты изначально хотела.

Уилла? На самом деле? Нет

— Давай не будем обсуждать это прямо сейчас, Тамра. То есть, нам нужно бежать.

Из-за меня. То, что я сделала, делает меня уверенным в этом. Только вопрос остается: они будут ненавидеть меня? Они еще оставят меня Кассиану и стае?

Или мама пожертвует своей жизнью снова и снова? И Тамра? Для меня? Я не ожидаю этого от их. Не обвиняю их, если они убегут в противоположном направлении без меня.

Сегодня вечером я потеряла свою свободу и проиграла Уилла. Потеряла ли я маму и Тамру?

Кассиан разворачивает автомобиль и возвращается в город, а я смотрю из окна в ночь, вспоминая ужасную поездку на автомобиле, которую я перенесла месяц назад, когда мы оставили стаю. Я так боялась.

Теперь это — то же самое. Я сижу на переднем сиденье автомобиля и направляюсь в нежеланное будущее снова и снова. Я должна пойти с Кассианом. Интересно, найду ли я когда-либо путь к Уиллу. Я не ожидаю, что он найдет меня несмотря на то, что он сказал.

— Сегодня ты будешь расплачиваться за свои поступки, — говорит Кассиан, в то время как мы мчимся сломя голову в темноте.

Никакого удивления.

За побег.

За Уилла.

Да, за Уилла.

Я двигаю медленно смотрю на Кассиана. Надвигающийся автомобиль бросает на его лицо резкий свет.

— Я попытаюсь защитить тебя... — Его голос проходит через воздух, густой как дым.

— Не позволяй им отрезать мои крылья, — умоляю я.

На мгновение, его взгляд смягчается.

— Я попробую, Джасинда. Я попробую.

Звучит не очень уверенно. Я вдыхаю и пристально смотрю снова в ночь. Я оборачиваюсь через плечо. Большая скала возвышается позади меня.

В ночи слышен тихий звук двигателя автомобиля. Моя кожа дрожит. Потерянная.

В тишине я прислоняюсь к стеклу.

Мы скоро будем там.

Конец первой книги

Больше книг на сайте — Knigolub.net